

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК
ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

№ 1 (30), 2016

Грозный
2016

**ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
№ 1 (30), 2016**

Основан в 1992 г.
Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике
Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ 20-00023

Подписной индекс в каталоге
«Газеты и журналы»
Межрегионального агентства подписки
53909
Учредитель: ГКНУ «Академия наук
Чеченской Республики»

**Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, выпускаемых
в Российской Федерации и рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией
для опубликования основных научных результатов диссертаций**

Главный редактор:

Гапуров Ш.А., д.и.н., профессор, академик АН ЧР

Заместители главного редактора:

Дадашев Р.Х., д.ф.-м.н., профессор, академик АН ЧР (физико-математические науки)
Керимов И.А., д.ф.-м.н., профессор, академик АН ЧР (физико-математические науки)
Магамадов С.С., к.и.н., доцент (исторические науки и археология)
Халидов А.И., д.филол.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР (филологические науки)
Абумуслимов А.А., к.б.н., доцент (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

Акаев В.Х., д.филол.н., профессор, академик АН ЧР; Альбеков Н.Н., к.филол.н.; Арсалиев Ш.М.-Х., д.п.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР; Батаев Д.К.-С., д.т.н., профессор, академик АН ЧР; Бугаев А.М., к.и.н., доцент; Гарсаев Л.М., д.и.н., доцент; Гуфан Ю.М., д.ф.-м.н., профессор; Ибрагимов Муса М., д.и.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР; Канукова З.В., д.и.н., профессор; Кидирниязов Д.С., д.и.н., профессор; Коряковцева Е.И., д.филол.н., профессор; Лолуа Р., доктор филологии; Магомаев В.Х., д.и.н., профессор; Мамаев Х.М., к.и.н., доцент; Межидов В.Х., д.х.н., профессор, академик АН ЧР; Овхадов М.Р., д.филол.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР; Осмаев А.Д., д.и.н., доцент; Снытко В.А., д.г.н., профессор, член-корреспондент РАН; Созаев В.А., д.ф.-м.н., профессор; Солтаханов Ш.Х., д.ф.-м.н., профессор; Тимаев А.Д., д.филол.н., академик АН ЧР; Умаров Х.Г., к.ф.-м.н., доцент; Хоконов М.Х., д.ф.-м.н., профессор; Широкова В.А., д.г.н., профессор; Элимханов Д.З., к.ф.-м.н.

Адрес редакции/издателя: 364024, г. Грозный, пр. М. Эсамбаева, 13
Тел./факс: (8712) 22-26-76, 22-55-76, e-mail: vestnikanchr@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алчагиров Б.Б., Альбердиева Д.Х., Горчханов В.Г., Дадашев Р.Х., Дышекова Ф.Ф., Афаунова Л.Х., Элимханов Д.З. Поверхностное натяжение ртути в атмосфере воздуха	5
Батаев Д.К.-С., Мажиев Х.Н., Муртазаев С.-А.Ю., Газиев М.А. Учет влияния карбонизации на деформативность сжатых и внецентренно сжатых элементов из мелкозернистого ячеистого бетона при длительном действии нагрузки	14
Дышекова Ф.Ф., Алчагиров Б.Б., Таова Т.М., Хоконов Х.Б., Кясова О.Х., Тлупова М.М. К вопросу о степени смачивания конструкционных сталей 12Х18Н10Т и ЭК-173 расплавами РbVі с участием лития	20
Межидов В.Х., Дадашев Р.Х., Гацаев З.Ш. Формирование столбчатых кристаллов в активных коллоидных суспензиях	32
Мустафаев Г.А., Мустафаев А.Г., Хасанов А.И. Особенности гидрогенизации поликремниевых тонкоплёночных транзисторных структур в плазменном разряде	37

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Гайтамирова С.А. Иностранное предпринимательство в нефтяной промышленности Терской области в конце XIX – начале XX вв.	39
Гапуров Ш.А., Гациева Т.И., Сугаипова А.М. Кавказская война: некоторые итоги и уроки	42
Гортикова М.М. К вопросу о развитии кредитно-банковской системы в Чечне в конце XIX – начале XX вв.	49
Керимов И.А., Магамадов С.С., Абумуслимов А.А. Любовь к Отечеству (к 65-летию Гапурова Шахрудина Айдиевича)	54
Кидирниязов Д.С. Взаимовлияние русского населения Кавказа и горских народов в материальной и духовной сферах в XVIII – первой половине XIX в.	62
Магомадова Т.С. Личные имена чеченцев в русских источниках XVI–XVII вв.	68
Матагова Х.А. Высшее образование чеченцев в условиях депортации (1944–1957 гг.)	78
Тетуев А.И. Национальная политика России в период системной трансформации российского общества (1990-е гг. – начало XXI в.)	84
Хубулова С.А. Комбатанты Великой Отечественной войны Северной Осетии в условиях «позднего сталинизма»	90

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Джамбеков О.А. О концепции фольклоризма в чеченской литературе XX столетия	98
Джамбеков О.А., Джамбекова Т.Б. К вопросу о народности и фольклоризме в романе-дилогии Шимы Окуева «Красные цветы на снегу»	101
Довлеткиреева Л.М. Этноментальный анализ художественного текста (на примере рассказа М. Бексултанова «Этого он не знал»)	104
Кудаева З.Ж., Шетова Р.М. Заговоры и заклинания в адыгской традиционной культуре	108
Маллаева З.М., Халидова Р.Ш. О некоторых терминах лингвистического кавказоведения	111
Халидов А.И., Арсакаева Х.С. Сложносочиненное предложение в нахских языках	115
Чжан Янь. Анализ деривационного поля ключевого слова как метод изучения концепта «房 дом» китайской лингвокультуре	119

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	124
---------------------------	-----

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ	126
--------------------------	-----

CONTENTS

PHYSICO-MATHEMATICAL SCIENCES

Alchagirov B.B., Alberdiyeva D.Kh., Gorchkhanov V.G., Dadashev R.Kh., Dyshekova F.F., Afaunova L.Kh., Elimkhanov D.Z. Surface tension of mercury in air atmosphere	5
Batayev D.K.-C., Mazhiyev Kh.N., Murtazayev S.-A.Yu., Gaziyeu M.A. Effect of carbonation on the deformability of compressed and eccentrically compressed elements of fine cellular concrete under long-term loads	14
Dyshekova F.F., Alchagirov B.B., Taova T.M., Hokonov H.B., Kyasova O.Kh., Tlupova M.M. To a question of degree of wettability of 12Cr18Ni10Ti and EK-173 construction steels by liquid alloys (PbBi) _{eut} with lithium	20
Mezhidov V.Kh., Dadashev R.Kh., Gatsayev Z.Sh. Formation of columnar crystals in active colloidal suspensions	32
Mustafayev G.A., Mustafayev A.G., Khasanov A.I. Features of hydrogenation of polysilicon thin-film transistor structures in plasma discharge	37

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Gaytamirova S.A. Foreign business in petroleum industry in Terek region at the end of 19th and the beginning of the 20th centuries	39
Gapurov Sh.A., Gatsiyeva T.I., Sugaipova A.M. Caucasian war: results and lessons	42
Gortikova M.M. To a question of credit banking system development in Chechnya at the end of 19th and the beginning of the 20th centuries	49
Kerimov I.A., Magamadov S.S., Abumuslimov A.A. Love of Fatherland (to the 65th anniversary of Gapurov Sh.A.)	54
Kidirniyazov D.S. Interconnection between the Russian population of the Caucasus and the mountain peoples in material and spiritual culture in the 18th and the first half of the 19th centuries	62
Magomadova T.S. Names of Chechens in Russian sources of the 16th and 17th centuries	68
Matagova Kh.A. Higher education of Chechens in the conditions of deportation (1944–1957)	78
Tetuyev A.I. Russian national policy during system transformation of the Russian society (the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries)	84
Hubulova S.A. Combatants of Great Patriotic War of North Ossetia in the conditions of Late Stalinism	90

PHILOLOGICAL SCIENCES

Dzhambekov O.A. On the conception of folklorism in the Chechen literature in the 20th century	98
Dzhambekov O.A., Dzhambekova T.B. To a question of nationality and folklorism in Sh. Okuyev's novel-dilogy "Red flowers in the snow"	101
Dovletkireeva L.M. Etnomental analysis of literary text (on the example of M. Beksultanov's story "He didn't know it")	104
Kudaeva Z.G., Shetova R.M. Plots and spells in the Adyghe traditional culture	108
Mallayeva Z.M., Halidova R.Sh. On some terms of linguistic Caucasiology	111
Halidov A.I., Arsayeva Kh.S. Compound sentences in the Nakh languages)	115
Zhang Yan. Analysis of the derivational field of a keyword as a method for studying the concept "房 house" in Chinese lingvoculture	119

ABOUT THE AUTHORS	124
-------------------------	-----

FORMATTING REQUIREMENTS	126
-------------------------------	-----

УДК 546.49.121; 532.6; 661.92

ПОВЕРХНОСТНОЕ НАТЯЖЕНИЕ РТУТИ В АТМОСФЕРЕ ВОЗДУХА

© Б.Б. АЛЧАГИРОВ¹, Д.Х. АЛЬБЕРДИЕВА¹, В.Г. ГОРЧХАНОВ², Р.Х. ДАДАШЕВ²,
Ф.Ф. ДЫШЕКОВА¹, Л.Х. АФАУНОВА¹, Д.З. ЭЛИМХАНОВ²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

² Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

Аннотация. Рассмотрены литературные данные о поверхностном натяжении ртути в атмосфере воздуха при комнатных температурах. Показано, что диапазон значений величины поверхностного натяжения ртути превышает 160 мН/м. По усредненным данным 1466 измерений, проведенных авторами, поверхностное натяжение ртути в атмосфере воздуха составило $446,6 \pm 5,6$ мН/м.
Ключевые слова: ртуть, поверхностное натяжение, воздушная атмосфера.

Abstract. The article considers the literature data on the surface tension of mercury in air at room temperature. It shows that the range of values of the surface tension of mercury exceeds 160 mN/m. According to averaged data of 1466 measurements, carried out by the authors, the surface tension of mercury in the air atmosphere is $446,6 \pm 5,6$ mN/m.

Keywords: mercury, surface tension, air atmosphere.

Изучение поверхностных свойств жидких металлов на различных межфазных границах позволяет получать сведения, необходимые для дальнейшего развития теории поверхностных явлений, совершенствования множества практически важных технологических процессов [1–8]. В частности, это относится к ртути, давно и широко используемой в вакуумной технике и технологии, амальгамной металлургии и различных областях промышленности, а в связи с известной ее токсичностью – при разработке эффективных демеркуризирующих средств и методик [9]. Сведения о поверхностном натяжении (ПН) ртути на границе с атмосферным воздухом также необходимы для откачки атмосферного воздуха из различных ртутьсодержащих вакуумных устройств и приборов, люминесцентных ламп, термометров и т.п.

В настоящей работе дается анализ состояния исследований ПН ртути на границе с воздухом при комнатных температурах (от 288 до 319 К), а также приводятся собственные данные авторов, полученные известным методом большой капли на образцах высокочистой ртути.

Состояние исследований ПН ртути в атмосфере воздуха. Общее представление о состоянии и полноте исследований ПН ртути в атмосфере воздуха в хронологическом порядке за период с 1885 г. по настоящее время можно получить из рис. 1. Количественные данные о величине ПН и методах его измерения, использованных авторами в каждой из работ, приведены в сводной таблице 1.

Как видно из нее, изучению данной проблемы посвящено более полусотни работ, в которых было использовано 17 различных экспериментальных методов. Из них наиболее часто применялись методы лежащей капли и веса капель – по 24% от всех имеющихся в литературе данных. При этом диапазоны значений ПН ртути, полученных каждым из двух методов, составили, соответственно, 423–501 мН/м и 445–494 мН/м (табл. 1).

Отметим, что самое низкое значение ПН ртути было получено Anderson A. и Bowen J.E. [10] (400 мН/м, 1916, метод капиллярной депрессии), а самое высокое – в работе Satterley J., Strachan J.C. [11] (563 мН/м, 1935, метод вертикальной струи). Поскольку исследования ПН ртути начались еще с 1885 г., то значения ПН ртути, полученные в то время, носят лишь качественный характер и в настоящее время представляют в основном историко-методологический интерес. Именно по этой причине, на наш взгляд, разброс измеренных значений в атмосфере воздуха ПН ртути превышает 160 мН/м.

Многие из методов определения ПН жидких металлов, использовавшихся на начальных этапах исследований ПН ртути (метод вибрирующих капель, метод вибрирующей струи, метод веса капель и др.), в настоящее время практически не применяются, поскольку появилось множество совершенных устройств и хорошо теоретически обоснованных методов для прецизионных измерений ПН жидких металлов [12–15].

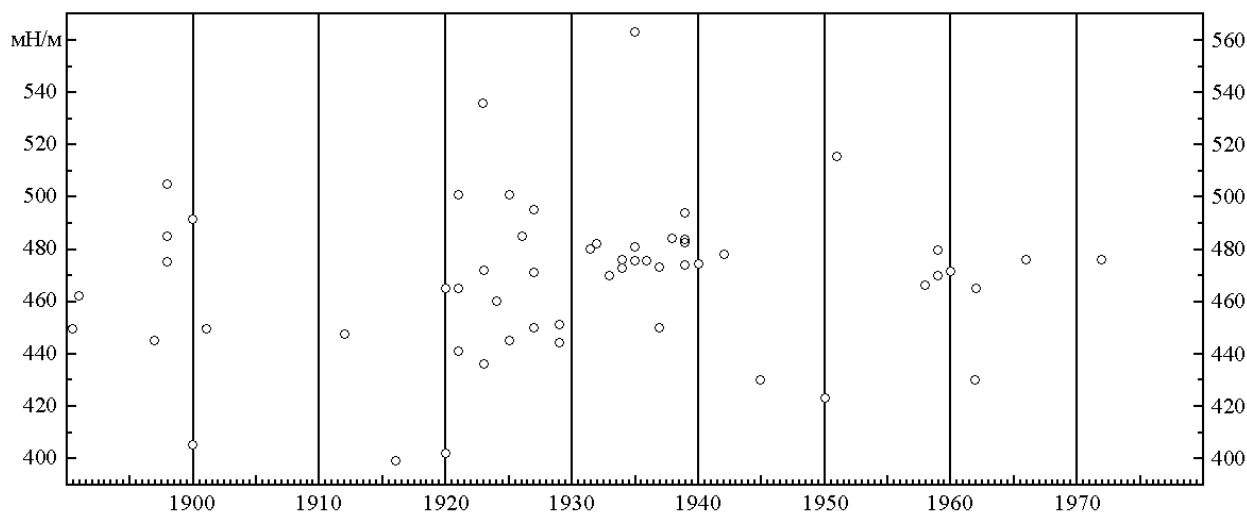

Рис. 1. Основные литературные данные о поверхностном натяжении ртути в атмосфере воздуха при комнатных температурах, полученные в период с 1885 г. по настоящее время

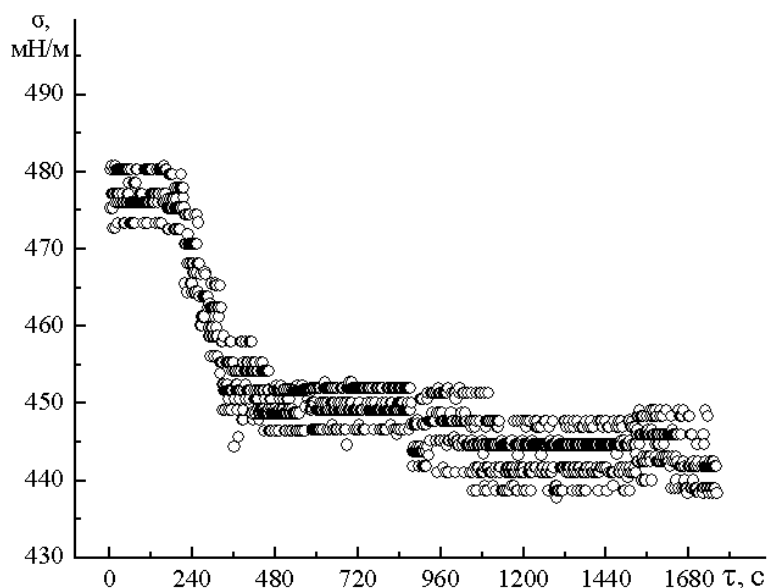

Рис. 2. Поверхностное натяжение ртути при комнатной температуре (298 К) в зависимости от времени ее экспонирования в вакууме и атмосфере воздуха. Временной интервал измерения поверхностного натяжения – 1 видеозображение капли ртути в 1 с.; общее число экспериментальных точек на графике составляет 1762

Методика эксперимента. Поверхностное натяжение ртути марки Р-О с содержанием 99,9997% Hg измерено нами методом большой капли [12–13] в цельнопаянной измерительной ячейке при температуре 297 К с погрешностью около 2,5%. Перед измерениями ПН необходимое количество ртути подвергалось вакуумной дистилляции и «отгонке» в специальные стеклянные ампулы, которые затем напаялись на измерительные ячейки [67]. Вначале заправка ртути в измерительную ячейку и их совместная термовакуумная обработка проводились так же, как и в случае измерений ПН ртути в вакууме [68], но, в отличие от [68], на измерительную ячейку дополнительно напаялся специальный отвод в виде

длинного тонкостенного капилляра с предварительно нанесенной насечкой, предназначенной для облегчения последующего вскрытия прибора при напуске в него воздуха. Другое существенное отличие настоящей работы состоит в устранении малых вибраций экспериментальной установки, отмеченное в предыдущей работе по изучению ПН ртути в вакууме, выполненной за несколько месяцев до настоящей работы [69].

Измерения начинались с определения ПН ртути в условиях статического вакуума 10^{-3} Па, которые продолжались 3–4 мин. с частотой съемки «одно видеозображение капли ртути – в одну секунду», после которого, не прекращая видеосъемку капли ртути, измерительная ячейка вскры-

Таблица 1

Основные литературные данные о поверхностном натяжении ртути в атмосфере воздуха при комнатных температурах

№	Автор(ы), год публикации, лит. источник	Метод определения ПН	ПН, мН/м	Температура, К	Примечания
1	Magie W.F., 1885 [16]	Искривление поверхности в капилляре	449,5	293	В атмосфере воздуха
2	Lenard P., 1887 [17]	Вибрирующая капля	462	291	В атмосфере воздуха
3	Siedentopf H., 1897 [18]	Лежащая капля	445	293	В атмосфере воздуха
4	Meyer G., 1898 [19]	Вибрирующая струя	505	293	В атмосфере воздуха
5	Stöckele J., 1898 [20]	Лежащая капля	475 485	290 290	В атмосфере сухого воздуха В атмосфере влажного воздуха
6	Grummach L., 1900 [21]	Капиллярные волны на поверхности ртути	491,2 405	291	Свежая поверхность, образованная в атмосфере воздуха, та же поверхность спустя 30 мин.
7	Watson F.R., 1901 [22]	Волны на поверхности ртути	477,5–503,3	289	В атмосфере воздуха
8	Smith S.W.J., 1914 [23]	Капиллярная депрессия	447,5	288	В атмосфере воздуха
9	Anderson A., Bowen J.E., 1916 [10]	Капиллярная депрессия	398–400	289	В атмосфере воздуха
10	Harkins W.D., Grafton E.H., 1920 [24]	Вес капли	464,9	293	В атмосфере воздуха
11	Palacios J., 1920 [25]	Максимальное давление в капле	402	293	В атмосфере воздуха
12	Hogness T.R., 1921 [26]	Максимальное давление в капле	465	293	В атмосфере воздуха
13	Richards T.W., Boyer S., 1921 [27]	Лежащая капля	441	303	В атмосфере воздуха
14	Popesco J.R., 1921 [28]	Лежащая капля	501	288	В атмосфере воздуха
15	Hartmann J., 1922 [29]	Вытекания струи жидкости	536	289	В атмосфере воздуха
16	Iredale T., 1923 [30]	Вес капли	472	299	В атмосфере сухого воздуха
17	Glazebrook A., 1923 [31]	Капиллярная депрессия	436	–	В атмосфере воздуха
18	Iredale T., 1924, [32]	Вес капли	460	291	В атмосфере воздуха
19	Popesco J.G., 1925 [33]	Лежащая капля	501	288	В атмосфере воздуха
20	Iredale T., 1925 [34]	Вес капли	445	292,5	В атмосфере воздуха
21	Owen E.A., Dufton A.F., 1926 [35]	Капиллярное поднятие	485	290	В атмосфере воздуха
22	Micheli L.I.A., 1927 [36]	Вес капли	471	298	В атмосфере воздуха

23	Burdon R.S., Oliphant M.L., 1927 [37]	Лежащая капля	495	–	В атмосфере воздуха
24	Auerbach R., 1927 [38]	Колеблющаяся струя	450	–	В атмосфере воздуха
25	Perussa E., 1929 [39]	Лежащая капля	444	–	В атмосфере воздуха
26	Cook S.G., 1929 [40]	Лежащая капля	451	304	В атмосфере воздуха
27	Burdon R.S., 1932 [41]	Лежащая капля	480	298	В атмосфере воздуха
28	Bosworth R.C., 1932 [42]	Вес капли	482	287	В атмосфере воздуха
29	Sauerwald F., Schmidt B., 1933 [43]	Падающая капля	470	293,5	В атмосфере воздуха
30	Nellensteyn F.J., Roodenburg M., 1933 [44]	–	470	293	В атмосфере воздуха
31	Loman R., Zwicker N.P., 1934 [45]	Контактный угол на различных подложках	476 ± 1,6	293	В атмосфере воздуха
32	Brown H., 1934 [46]	Лежащая капля	472,1–473,2	298	В атмосфере воздуха
33	Lemarchands M., Convers L., 1935 [47]	Вес капли	481	290	В атмосфере воздуха
34	Satterley J., Strachan J.C., 1935 [48]	Стационарные волны на вертикальной струе	563	293	В атмосфере воздуха
35	Bond W.N., 1935 [49]	Волны на поверхности ртути	475,5 ± 2	293	В атмосфере воздуха
36	Puls H.O., 1936 [50]	Метод движущегося листа	475,5 ± 2	293	В атмосфере воздуха
37	Беринг Б.П., Покровский Н.Л., 1936 [51]	Максимальное давление в капле	450	293	В атмосфере воздуха
38	Семенченко В.К., Покровский Н.Л., 1937 [52]	Максимальное давление в капле	473	293	В атмосфере воздуха
39	Bosworth R.C.L., 1938 [53]	Максимальное давление в пузырьке	484	293	В атмосфере воздуха
40	Convers L., 1939 [54]	Вес капли	494	293	В атмосфере воздуха
41	Iyengar N.V.R., Rao B.S., 1939 [55]	Вес капли	473,9	296,2	В атмосфере воздуха
42	Bosworth R.C.L., 1939 [56]	Вес капли	483,7	293	В атмосфере воздуха
		Максимальное давление в пузырьке	482,5	293	В атмосфере воздуха
43	Dunken H., 1940 [57]	Вес капли	474,5 ± 2,5	291 ± 2	В атмосфере воздуха
44	McDougall G., Ockrent C., 1942 [58]	Контактный угол на пластине	478 ± 15	291 ± 2	В атмосфере воздуха

45	Kistemaker J., 1945 [59]	Искривление поверхности ртути в капилляре	430 ± 5	291	Невысушенный воздух при атмосферном давлении
46	Попель С.И., 1950 [60]	Лежащая капля	423	293	В атмосфере воздуха
47	Bikerman J.J., 1958 [61]	Гистерезис смачивания	504–533 510–521 466	280 295 297	В атмосфере воздуха
48	Metzger G., 1959 [62]	Максимальное давление в пузырьке	470 ± 15	–	В атмосфере воздуха
49	Зив Д.М., Шестаков Б.И., 1959 [63]	Лежащая капля	480	293	В атмосфере воздуха
50	Monma K., Suto H., 1960 [59]	Лежащая капля	471,6	293	В атмосфере воздуха
51	Тимофеевичева О.А., Лазарев В.Б., 1962 [60]	Максимальное давление в газовом пузырьке	430,0 ± 2,6	295	В атмосфере воздуха
52	Wilkinson M.C., 1966 [64]	Максимальное давление в капле	465,0 ± 2,6	295	В атмосфере воздуха
53	Elliott T.A., Wilkinson M.C., 1972 [65]	Вес капли	476 ± 2	298	В атмосфере воздуха
		Вес капли	476,0 ± 0,4	298 ± 0,5	В атмосфере сухого воздуха

валась и в нее напускался атмосферный воздух осторожно надломом тонкостенного капилляра по месту предварительной насечки.

Экспериментальная установка, методика и техника самих измерений ПН ртути подробно описаны в наших предыдущих работах [68]. В частности, для определения ПН ртути в работе использован созданный авторами [69–71] автоматизированный программно-аппаратный комплекс «SigmaDrop». Он состоит из цифровой камеры высокого разрешения, объектива, осветителей и персонального компьютера. В качестве приемника изображений использована 14-мегапиксельная камера UCМOS08000КРА фирмы «Tourptek», позволяющая получать изображение профиля исследуемой капли с разрешением 3264×2448 пикселей. Контроль температуры осуществлялся хромель-алюмелевой термопарой, ЭДС которой фиксировались электронным микровольтметром G-1202.010 с точностью до 0,1 мВ.

Результаты и их обсуждение. Как отмечено выше, до начала основных измерений ПН ртути при температуре (298 К) в атмосфере воздуха предварительно было измерено ПН в вакууме, в зависимости от времени экспонирования, а потом, не выключая видеокамеру, в непрерывном режиме были продолжены измерения в атмосфере воздуха. Всего было отснято и обработано 1762 видеокадра профиля капли ртути в зависимости от времени ее экспонирования в вакууме (186 с.) и в атмосфере воздуха (1576 с.). После обработки всех видеокладов изображений профилей (т.е. меридиональных сечений) капель и расчетов по ним ПН ртути полученные результаты графически представлены на рис. 2. Таким образом, при температуре 297 К нами было получено 186 значений ПН ртути в условиях статического вакуума в течение первых 186 с., а остальные 1466 значений – в атмосфере воздуха (рис. 2).

На рис. 2 видно, что время установления адсорбционного равновесия поверхности капли ртути с атмосферным воздухом составило около 100 с. Полученный результат достаточно быстрого установления адсорбционного равновесия поверхности ртути с атмосферным воздухом может служить свидетельством того, что в объеме ртути газы малорастворимы, а сама ртуть является одним из наиболее удобных и простых объектов для изучения адсорбционных процессов [72–73].

В отличие от данных предыдущей работы [69], в которой были обнаружены малые колебания поверхности исследуемой капли ртути, при наличии которых ПН ртути в вакууме составило 463 ± 6 мН/м, в настоящей работе, в условиях от-

сутствия вибраций, статистическая обработка 186 первичных значений ПН ртути в вакууме составила $\bar{\sigma}_{\text{вак}} \approx 476,8$ мН/м.

На рис. 2 видно, что после напуска атмосферного воздуха в прибор ПН ртути начинает достаточно быстро понижаться и в течение около 100 с. достигает практически постоянной величины. Об этом свидетельствует протяженное плато на рис. 2 зависимости величины ПН ртути от времени: статистическая обработка 1466 экспериментальных точек, т.е. первичных значений ПН ртути, полученные в течение времени экспозиции поверхности капли в атмосфере воздуха и составившие 1466 с., дали в среднем для ПН ртути на воздухе $\bar{\sigma}_{\text{воздух}} \approx 446,6 \pm 5,6$ мН/м. В то же время, сравнивая наши данные о ПН ртути в зависимости от экспозиции в атмосфере воздуха с литературными [21], отметим, что за полчаса ПН свежееобразованной в воздухе поверхности ртути уменьшается с 491 до 405 мН/м, т.е. на 86 мН/м, что не согласуется с нашими данными и, по-видимому, свидетельствует о малой достоверности результатов, полученных методом капиллярных волн [21].

Представляет значительный интерес решение вопроса о степени влияния влажности воздуха на ПН ртути. В этом отношении работа [20] (Stöckele J., метод лежащей капли) является особо ценной, поскольку она единственная, в которой были осуществлены измерения ПН ртути в атмосферах и сухого, и влажного воздуха. Полученные в ней данные о ПН ртути составили, со-

ответственно, 475 и 485 мН/м и свидетельствуют о повышении ПН ртути в атмосфере влажного воздуха на 10 мН/м, чем в сухом воздухе. В то же время в работе Kistemaker J. [59] (1945, метод искривления поверхности ртути в капилляре) для ПН ртути, измеренного в атмосфере невысушенного воздуха при атмосферном давлении, получена величина 430 ± 5 мН/м, что, наоборот, меньше на 55 мН/м в сравнении с данными [20] для влажного воздуха. Если же данные [54] сравнивать с усредненными литературными данными 53 работ из указанных в таблице 1 ПН ртути, измеренные в сухом воздухе, и составляющие $\bar{\sigma}_{\text{сух.воздух}} \approx 470$ мН/м, то они также на 40 мН/м меньше, чем в сухом воздухе. и противоречат данным работы [20]. В работе [74] изучалось влияние адсорбции паров воды при малых давлениях на ПН и работу выхода электрона ртути и др. металлов, согласно которой присутствие влаги в атмосферном воздухе приводит к понижению ПН ртути.

Выводы

1. Рассмотрены основные литературные данные исследований поверхностного натяжения ртути в атмосфере воздуха при комнатных температурах. Показано, что разброс имеющихся данных о величине ПН ртути превышает 160 мН/м.

2. Статистическая обработка 1466 полученных в работе значений ПН ртути в атмосфере воздуха методом лежащей капли дали в среднем величину, равную $446,6 \pm 5,6$ мН/м.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вукалович М.П., Иванов А.И., Фокин Л.Р., Яковлев А.Т. Теплофизические свойства ртути. М.: Изд-во стандартов, 1971. 312 с.
2. Козловский М.Т., Зебрева А.И., Гладышев В.П. Амальгамы и их применение. Алма-Ата: АН Каз. СССР, 1971. 391 с.
3. Свойства элементов: справ. издание. В 2-х кн. Кн. 1 / Под ред. Дрица М.Е. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Металлургия; ГУП «Журнал Цветные металлы», 1997. 432 с.
4. Борисов В.П. Вакуум: от натурфилософии до диффузионного насоса. М.: НПК «Интелвак», 2001. 144 с.
5. Алчагиров Б.Б., Альбердиева Д.Х., Горчханов В.Г., Дадашев Р.Х., Элимханов Д.З. Поверхностное натяжение ртути в вакууме при комнатных температурах // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 4 (29). 2015. С. 8–21.
6. Dadashev R., Elimkhanov D., Kutuev R. Analytical description of concentration dependence of surface tension multicomponent systems. 13th International Conference on Liquid and Amorphous Metals IOP Publishing Journal of Physics: Conference Series V. 98. 2008 062029 doi:10.1088/1742-6596/98/6/062029/.
7. Dadashev R. Elimkhanov D., Kutuev R. Concentration dependence of surface properties and molar volume of multicomponent system indium-tin-lead-bismuth. Journal of Physics: Conference Series V. 98. 2008, 062030 doi:10.1088/1742-6596/98/6/062030.
8. Дадашев Р.Х., Элимханов Д.З., Кутуев Р.А. Поверхностное натяжение и плотность бинарных систем на основе таллия // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 1 (16). 2012. С. 24–30.

9. *Шаниев С.Т.* Физико-химическое воздействие ртути на конструкционные материалы и разработка средств демеркуризации объектов, пораженных ртутью. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. кан. физ.-мат. наук 01.04.14 – Теплофизика и молекулярная физика. Нальчик: КБГУ, 1997. 22 с.
10. *Anderson A., Bowen J.E.* XX. On a method of measuring surface-tension and angles of contact // *Phil. Mag.* 1916. S. 6. Vol. 31. № 182. P. 143–148, 147.
11. *Satterley J., Strachan J.C.* A measurement of surface tension by means of stationary waves on a vertical jet // *Roy. Soc. Canada Trans.* 1935. S. 3. Vol. 29. P. 105.
12. *Русанов А.И., Прохоров В.А.* Межфазная тензиометрия. СПб.: Химия, 1994. 400 с.
13. *Иващенко Ю.Н., Еременко В.Н.* Основы прецизионного измерения поверхностной энергии расплавов по методу лежащей капли. Киев: Наукова думка (на укр. языке), 1972. 230 с.
14. *Алчагиров Б.Б., Дадашев Р.Х.* Метод большой капли для определения плотности и поверхностного натяжения металлов и сплавов. Нальчик: КБГУ, 2000. 94 с.
15. *Алчагиров Б.Б., Хоконов Х.Б., Архестов Р.Х., Таова Т.М.* Новые приборы для комплексных исследований поверхностных и теплофизических свойств многокомпонентных систем металлов // *Материалы XIV Российской конференции (с международным участием) по теплофизическим свойствам веществ (PKTC-14).* Т. 1. 15–17 октября 2014 г. Казань: Отечество, 2014. С. 44–48.
16. *Magie W.F.* VII. Ueber Capillaritätsconstanten // *Ann. d. Phys.* 1885. Vol. 261. № 7. P. 421–437.
17. *Lenard P.* Ueber die Schwingungen fallender Tropfen // *Ann. d. Phys.* 1887. Vol. 266. № 2. P. 209–243, 238.
18. *Siedentopf H.* Ueber Capillaritätsconstanten geschmolzener Metalle // *Ann. d. Phys.* 1897. Vol. 297. № 6. P. 235–266.
19. *Meyer G.* Die Oberflächenspannung von Quecksilber gegen Gase // *Ann. d. Phys.* 1898. Vol. 302. №11. P. 523–529, 527.
20. *Stöckle J.* Ueber die Oberflächenspannung des Quecksilbers // *Ann. d. Phys.* 1898. Vol. 302. № 11. P. 499–522.
21. *Grunmach L.* Experimentelle Bestimmung der Oberflächenspannung von Flüssigkeiten und von geschmolzenen Metallen durch Messung der Wellenlänge der auf ihnen erzeugten Capillarwellen // *Ann. d. Phys.* 1900. Vol. 308. № 12. P. 660–671.
22. *Watson F.R.* Surface tension at the interface of two liquids determined experimentally by the method of ripple waves // *J. Phys. Rev.* 1901. S. 12. Vol. 7. № 5. P. 257–278.
23. *Smith S.W.J.* Optical constants of a clean mercury surface as a function of temperature // *J. Ins. Met.* 1914. Vol. 12. P. 168.
24. *Harkins W.D., Grafton E.H.* Surface tension and molecular attraction: on the adhesional work between mercury and organic liquids // *J. Am. Chem. Soc.* 1920. Vol. 42. № 12. P. 2534–2538.
25. *Palacios J.* Sobre la forma de la seccion meridian de los meniscos de mercurio // *J. An. Soc. Esp. Fis. Quim.* 1920. Vol. 28. P. 62–65, 294–307, 305.
26. *Hogness T.R.* The surface tension and densities of liquid mercury, cadmium, zinc, lead, tin and bismuth // *J. Amer. Chem. Soc.* 1921. Vol. 43. № 7. P. 1621–1628.
27. *Richards T.W., Boyer S.* Further studies concerning gallium. Its Electrolytic Behavior, Purification, Melting Point, Density, Coefficient of Expansion, Compressibility, Surface Tension, and Latent Heat of Fusion // *J. Am. Chem. Soc.* 1921. Vol. 43. № 2. P. 274–294.
28. *Popesco J.G.* Der Wert der Oberflächenspannung in verschiedenen Gasen // *Compt. Rend.* Vol. 172. 1921. P. 1474.
29. *Hartmann J.* On the Influence of the Surface-Tension on the Efflux of a Liquid in Jet Form // *J. Phys. Rev.* 1922. Vol. 20. № 6. P. 728–744, 732, 737.
30. *Iredale T.* CXII. Adsorption from the gas phase at a liquid-gas interface. – Part I // *Phil. Mag.* 1923. S. 6. Vol. 45. № 269. P. 1088–1100, 1098.
31. *Glazebrook A.* Dictionary of Applied Physics // *Macmillan.* London. Vol. 111. 1923. p. 159.
32. *Iredale T.* XX. Adsorption from the gas phase at a liquid-gas interface. – Part II // *Phil. Mag.* 1924. S. 6. Vol. 48. № 283. P. 177–193, 189.
33. *Popesco J.G.* Les propriétés capillaires et photoélectriques du mercure // *Ann. d. phys.* 1925. S.10. Vol. 3. P. 402–464, 416, 424.
34. *Iredale T.* LXV. Adsorption from the gas phase at a liquid-gas interface. – Part III // *Phil. Mag.* 1925. S. 6. Vol. 49. № 291. P. 603–627, 608.
35. *Owen E.A., Dufton A.P.* The application of radiography to the study of capillarity // *Proc. Physic. Soc.* 1925–1926. Vol. 38. № 1. P. 204–206.
36. *Micheli L.I.A.* LXXXVI. Adsorption from the vapour phase at a liquid-vapour interface // *Phil. Mag.* 1927. S. 7. Vol. 3. № 17. P. 895–911, 907.
37. *Burdon R.S., Oliphant M.L.* The problem of the surface tension of mercury and the action of aqueous solutions on a mercury surface // *Disc. Farad. Soc.* 1927. Vol. 23. P. 205–213.

38. *Auerbach R.* Elektrostatisch geladene Grenzflächen // *Kolloid-Z.* 1927. Vol. 43. P. 114–131.
39. *Perucca E.* XLV. On the superficial properties of mercury // *Phil. Mag.* 1929. Vol. 7. № 42. P. 418.
40. *Cook S. G.* Surface tension of mercury in the presence of gas under verging pressures // *Phys. Rev.* 1929. Vol. 34. P. 513–520.
41. *Burdon R. S.* The surface tension of mercury in a silica apparatus // *Disc. Farad. Soc.* 1932. Vol. 28. P. 866–876.
42. *Bosworth R.C.* Studies in adsorption. Part II. Adsorption of the lower fatty acids // *Trans. Farad. Soc.* 1932. Vol. 28. P. 903–912, 909.
43. *Sauerwald F., Schmidt B.* Die Oberflächenspannung geschmolzener Metalle und Legierungen. IV. Die zeitliche Veränderung der Oberflächenspannung und die Methode der Tropfenausmessung bei höherer Temperatur // *Z. Anorg. Chem.* 1933. Vol. 213. Is. 3. P. 310–318.
44. *Nellensteyn F.J., Roodenburg M.* Die Ausbreitung von Wasser auf Asphaltbitumen und Teer // *Chem Weekbl.* 1933. 30. 4/3 P. 189–191.
45. *Loman R., Zwikker N.P.* The validity of Antonow's rule for the solid-liquid interface, and the consequent measurement of the surface-tension of solids // *J. Physica.* 1934. Vol. 1. Is. 7–12. P. 1181–1201, 1192.
46. *Brown H.* The Surface and Interfacial Tension of Mercury by the Sessile Drop and Drop Weight Methods // *J. Am. Chem. Soc.* 1934. Vol. 56. № 12. P. 2564–2568.
47. *Lemarchands M., Convers L.* Hydroxydes métalliques. Causes et conditions de leur formation dans l'électrolyse aqueuses des sels // *J. Chim. phys.* 1935. Vol. 32. P. 657–669, 659, 664.
48. *Bond W.N.* The surface tension of a moving water sheet // *Pr. phys. Soc.* 1935. Vol. 47. № 4. P. 549–558.
49. *Puls H.O.* LXXXII. The surface tension of a moving mercury sheet // *Phil. Mag.* 1936. S. 7. Vol. 22. № 150. P. 970–982, 970.
50. *Беринг Б.П., Покровский Н.Л.* Свойства металлических растворов. Ч. II. Поверхностное натяжение амальгам // *ЖФХ.* 1936. Т. 7. Вып. 4. С. 509–517.
51. *Семенченко В.К., Покровский Н.Л.* Поверхностное натяжение расплавленных металлов и сплавов // *Успехи химии.* 1937. Т. 6. Вып. 6. С. 777–821.
52. *Bosworth R.C.L.* The surface tension of mercury by the maximum bubble pressure method // *Disc. Farad. Soc.* 1938. Vol. 34. P. 1501–1505.
53. *Convers L.* Recherches sur l'adsorption en solution métallique // *J. Chem. Phys.* 1939. Vol. 36. P. 175.
54. *Iyengar N.V.R., Rao B.S.* Interfacial tension studies on mercury in reacting systems // *Pr. Indian Acad. Sci. A.* 1939. Vol. 10. Is. 1. P. 20–30.
55. *Bosworth R.C.L.* A note on the effect of carbon dioxide on the surface tension of mercury // *Disc. Farad. Soc.* 1939. Vol. 35. P. 1353–1354.
56. *Dunken H.* Über die Grenzflächenspannung von Lösungen gegen Quecksilber // *Z. phys. Ch.* 1940. B 47. P. 195–219, 202.
57. *MacDougall G., Ockrent C.* Surface Energy Relations in Liquid/Solid Systems. I. The Adhesion of Liquids to Solids and a New Method of Determining the Surface Tension of Liquids // *Proc. Roy. Soc. London. Ser. A.* 1942. Vol. 180. Is. 981. P. 151–173, 168.
58. *Kistemaker J.* On the volumes of mercury menisci and the surface tension of mercury deduced from them // *J. Physica.* 1945. Vol. 11. Is. 4. P. 270–276.
59. *Попель С.И., Есин О.А., Гельд П.В.* К методике измерения межфазного натяжения при высоких температурах // *ДАН СССР.* 1950. Т. 74. № 6. С. 1097–1100.
60. *Bikerman J.J.* Use of Hysteresis of Wetting for Measuring Surface Tension // *J. Phys. Chem.* 1958. Vol. 62. № 12. P. 1534–1536.
61. *Metzger G.* Oberflächenspannungen VII. Über die Temperaturabhängigkeit der oberflächenspannung von Kupfer und die Oberflächenspannung von schmelzflüssigen Silberblei, Silber-Wismut und Kupfer-Blei-Legierungen // *Z. phys. Chem.* 1959. Bd. 211. № 1/2. S. 1–25.
62. *Зив Д.М., Шестаков Б.И.* Определение поверхностного и межфазного натяжения при высоких температурах при помощи гамма-излучения // *Журнал Прикладной химии.* 1959. Т. 32. № 8. С. 1767.
63. *Monma K., Suto H.* Experimental Studies on the Surface Tension of Molten Metals and Alloys // *Trans Jap. Inst. Metals.* 1960. Vol. 1. № 2. P. 69–76.
64. *Тимофеевичева О.А., Лазарев В.Б.* Об измерении поверхностного натяжения жидкостей методом максимального давления в газовом пузырьке или капле // *Колл. журн.* 1962. Т. 24. № 2. С. 227–229.
65. *Wilkinson M.C., Thesis Ph.D.* London University, 1966
66. *Elliott T.A., Wilkinson M.C.* The effect of base-metal impurities on the surface tension of mercury // *J. Colloid and Interface Sci.* 1972. Vol. 40. Is. 2. P. 297–304.

67. *Алчагиров Б.Б., Альбердиева Д.Х., Архестов Р.Х., Горчханов В.Г., Дадашев Р.Х., Дышекова Ф.Ф., Таова Т.М.* Прибор для совместного измерения поверхностного натяжения и работы выхода электрона жидкометаллических систем с участием компонентов с высокой упругостью насыщенного пара металлов и сплавов. Патент 2511277 РФ, МПК G01N13/02.
68. *Алчагиров Б.Б., Альбердиева Д.Х., Дышекова Ф.Ф., Фокин Л.Ф.* Температурная зависимость поверхностного натяжения ртути повышенной чистоты // Сборник трудов XIII Российско-Китайского Симпозиума «Новые материалы и технологии». Под общей редакцией академика РАН К.А. Солнцева. Т. 2. М.: Интерконтакт Наука, 2015. С. 876–881.
69. *Алчагиров Б.Б., Альбердиева Д.Х., Горчханов В.Г., Дадашев Р.Х., Элимханов Д.З.* Поверхностное натяжение ртути в вакууме при комнатных температурах // Вестник АН ЧР. № 4. 2015. С. 45–46.
70. *Алчагиров Б.Б., Бекулов М.Т., Горчханов В.Г.* Прибор для определения поверхностного натяжения амальгам // Нальчик: Вестник КБГУ, Сер. «Физические науки». 2001. Вып. 6. С. 21–22.
71. *Коков З.А., Дышекова Ф.Ф., Коков А.А., Алчагиров Б.Б., Архестов Р.Х., Кегадуева З.А.* Программа автоматизации физического эксперимента по измерению поверхностного натяжения жидкостей методом лежащей капли. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. № 2015614191 от 08.04.2015.
72. *Беринг Б.П., Иойлева К.А.* Адсорбция паров на поверхности ртути // ДАН СССР. 1953. Т. 93. № 1. С. 85–88.
73. *Карпачев С.В., Смирнов М.В., Волченкова З.С.* Адсорбция паров воды на жидкой ртути // ЖФХ. 1953. Т. 27. Вып. 8. С. 1228–1235.
74. *Алчагиров Б.Б., Калажоков Х.Х., Куршев О.И., Хоконов Х.Б.* Влияние адсорбции воды на поверхностное натяжение и работу выхода электрона галлия, ртути, индия, олова, кадмия, свинца и таллия. Адгезия и контактное взаимодействие расплавов. Киев: Наукова думка, 1988. С. 53–57.

УЧЕТ ВЛИЯНИЯ КАРБОНИЗАЦИИ НА ДЕФОРМАТИВНОСТЬ СЖАТЫХ И ВНЕЦЕНТРЕННО СЖАТЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ИЗ МЕЛКОЗЕРНИСТОГО ЯЧЕЙСТОГО БЕТОНА ПРИ ДЛИТЕЛЬНОМ ДЕЙСТВИИ НАГРУЗКИ

© Д.К.-С. БАТАЕВ¹, Х.Н. МАЖИЕВ¹, С.-А.Ю. МУРТАЗАЕВ¹, М.А. ГАЗИЕВ²

¹ Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

² Грозненский государственный нефтяной технический университет
им. акад. М.Д. Миллионщикова, г. Грозный

Аннотация. Установлено, что совершенствование методов расчета мелкозернистых ячеистобетонных конструкций невозможно без всестороннего учета влияния карбонизации на деформативность сжатых и внецентренно сжатых элементов из мелкозернистого ячеистого бетона при длительном действии нагрузки. Доказано, что при решении многих задач по определению напряженно-деформированного состояния конструкций необходимо учитывать влияние длительности действия нагрузки. Выявлена основная причина нарастания прогибов железобетонных изгибаемых конструкций при длительном нагружении – ползучесть бетона сжатой зоны.

Ключевые слова: ячеистобетонные конструкции, карбонизация, ползучесть, деформативность, газозолобетон, ячеистый бетон, атмосферная углекислота, модуль упругости, упругопластическое состояние.

Abstract. It has been found that the improvement of methods for calculating the fine cellular concrete structures is impossible without full consideration of the effect of carbonation on the deformability of compressed and eccentrically compressed elements of fine cellular concrete under long-term loads. The article proves that when solving many problems of determining the stress-strain state of the structures we must take into account the effect of load duration. The article identifies that the creep of concrete in compression zone is the main reason for deflection augment of reinforced concrete structures under long-term loading.

Keywords: cellular concrete structure, carbonation, creep, deformability, ash concrete, cellular concrete, atmospheric carbon dioxide, modulus of elasticity, elastic-plastic state.

Совершенствование методов расчета мелкозернистых ячеистобетонных конструкций невозможно без всестороннего учета реологических свойств мелкозернистого бетона [1–6]. Это связано с тем, что при решении многих задач по определению напряженно-деформированного состояния этих конструкций необходимо учитывать влияние длительности действия нагрузки.

Нормативные документы СНиП 2.03.01-84 и СНиП П-22-81 [7, 8] предусматривают учет влияния ползучести на деформации сжатых, а также на несущую способность внецентренно сжатых элементов.

Так, согласно СНиП П-22-81 «Каменные и армокаменные конструкции» [8], относительная деформация кладки из ячеистобетонных блоков с учетом ползучести определяется по формуле:

$$\varepsilon = \tilde{\nu} \frac{\sigma}{E_b}, \quad (1)$$

где σ – напряжение, при котором определяется ε ; $\tilde{\nu}$ – коэффициент, учитывающий влияние ползучести кладки.

Для кладки из мелких и крупных блоков, изготовленных из автоклавного ячеистого бетона

вида А, этот коэффициент назначается равным 3,5. При этом $\tilde{\nu}$ связан с характеристикой ползучести бетона $\varphi(\infty)$ следующим образом [9]:

$$\tilde{\nu} = 1 + \varphi(\infty), \quad (2)$$

$$\frac{l_o}{i} > 14$$

При гибкости $\frac{l_o}{i}$ расчет внецентренно сжатых бетонных элементов (СНиП 2.03.01-84 [7]) производится с учетом коэффициента φ_r , учитывающего влияние длительности действия нагрузки на прогиб элемента в предельном состоянии:

$$\varphi_r = 1 + \beta \frac{M_l}{M}, \quad (3)$$

где β – коэффициент, учитывающий ползучесть бетона сжатой зоны и принимаемый для автоклавного ячеистого бетона равным 1,3 (см. табл. 30 главы СНиП 2.03.01-84);

M – момент относительно растянутой или наименее сжатой грани сечения от действия постоянных, длительных и кратковременных нагрузок;

M_l – то же, от действия постоянных и длительных нагрузок.

Принимается следующая связь между коэффициентом β и характеристикой ползучести бетона [9–11]:

$$\beta = 0,5\varphi(\infty). \quad (4)$$

Как видно из формул (2) и (4), учет влияния карбонизации ячеистого бетона на деформативность сжатых и внецентренно сжатых бетонных элементов при длительном действии нагрузки может быть осуществлен соответствующей корректировкой величины предельной характеристики ползучести бетона $5\varphi(\infty)$.

Ранее нами были получены нормативные предельные значения меры ползучести для ячеистых бетонов класса В2,5 и В3,5 с учетом их карбонизации от действия атмосферной углекислоты, которые оказались соответственно равными 170 и $137 \cdot 10^{-5}$ МПа⁻¹.

Учитывая связь между характеристикой и мерой ползучести бетона, определим для этих бетонов нормативные предельные значения характеристик ползучести $\varphi_a(\infty)$ по формуле:

$$\varphi_a(\infty) = E_b(\infty)C_a(\infty), \quad (5)$$

где E_b – начальный модуль упругости ячеистого бетона, карбонизированного под действием атмосферной углекислоты.

Согласно нашим опытам, значения модулей упругости газобетонов плотностью 600 и 700 кг/м³ класса В2,5 и В3,5, карбонизированных под действием атмосферной углекислоты, были равными соответственно 1950 и 2500 МПа (снижение модуля упругости составило соответственно на 18 и 20%).

Предельные нормативные значения характеристик ползучести для газобетонов класса В2,5 и В3,5, определенные по формуле (5), оказались примерно одинаковыми и равными $\varphi_a(\infty) = 3,4$.

Таким образом, на основе вычислений по формулам (2) и (4) можно сделать вывод, что при определении относительной деформации кладки из ячеистобетонных блоков в формуле (1) коэффициент $\tilde{\nu}$, учитывающий ползучесть ячеистого бетона, следует принимать равным 4,4 вместо 3,5 по СНиП П-22-81, а коэффициент β , принимаемый при расчете внецентренно сжатых ячеистобетонных элементов согласно таблице 30 главы СНиП 2.03.01-84 равным 1,3, следует увеличить в 1,31 раза, т.е. принять равным 1,7.

Основной причиной нарастания прогибов железобетонных изгибаемых конструкций при длительном нагружении является ползучесть бетона сжатой зоны.

Увеличение деформаций (прогибов) изгибаемых элементов из ячеистого бетона при дей-

ствии длительной нагрузки вследствие ползучести бетона в сжатой зоне, по аналогии с расчетом конструкций из обычного тяжелого бетона, учитывается введением в формулу по определению

кривизны $\left(\frac{1}{r}\right)$, эмпирического коэффициента $\tilde{\nu}$, характеризующего упругопластическое состояние бетона сжатой зоны.

Значение коэффициента $\tilde{\nu}$ принимается не зависящим от величины нагрузки, а зависящим только от относительной влажности воздуха окружающей среды [12, 13].

Согласно СНиП 2.03.01-84, коэффициент $\tilde{\nu}$ для изгибаемых конструкций из ячеистого бетона при длительном действии нагрузки принимается равным при относительной влажности воздуха выше 40% – 0,2, а при 40% и ниже – 0,1.

Влияние карбонизации ячеистого бетона атмосферной углекислотой на величину прогибов изгибаемых элементов при длительном действии нагрузки может быть учтено соответствующей корректировкой этого коэффициента.

Задачей исследований, описанных в данном разделе, являлось уточнение значения коэффициента $\tilde{\nu}$ при расчете длительных прогибов изгибаемых конструкций из ячеистого бетона с учетом его естественной карбонизации. Для этого были проведены длительные испытания армированных ячеистобетонных балок [14].

Для проведения испытаний на заводе ЖБИ им. Ленинского комсомола в г. Свердловск было изготовлено 24 балки размерами 10x16x180 см из газозолобетона плотностью 700 кг/м³. Балки армировались одиночной арматурой диаметром 6 мм ($\mu = 0,177\%$) класса А-III с фактическим пределом текучести $\sigma_y = 497$ МПа и модулем упругости $E_s = 188 \cdot 10^3$ МПа. Расстояние от оси стержня до нижней грани балки составляло 3,0 см.

Одновременно с балками для определения физико-механических характеристик бетонов балок, а также ползучести бетона заливались блоки размером 40x40x16 см, из которых выпиливали кубы и призмы размерами 10x10x10 и 10x10x40 см. Материалы для приготовления бетонной смеси и режим автоклавной обработки был принят тот же, что и для газозолобетона (плотностью 600 кг/м³).

Опыт проводился на 2 сериях балок – некарбонизированных и карбонизированных. Карбонизация балок и образцов для определения деформаций ползучести осуществлялась 10%-ным углекислым газом по принятой методике.

Испытание балок на кратковременную и длительную нагрузки производилось в пружинных

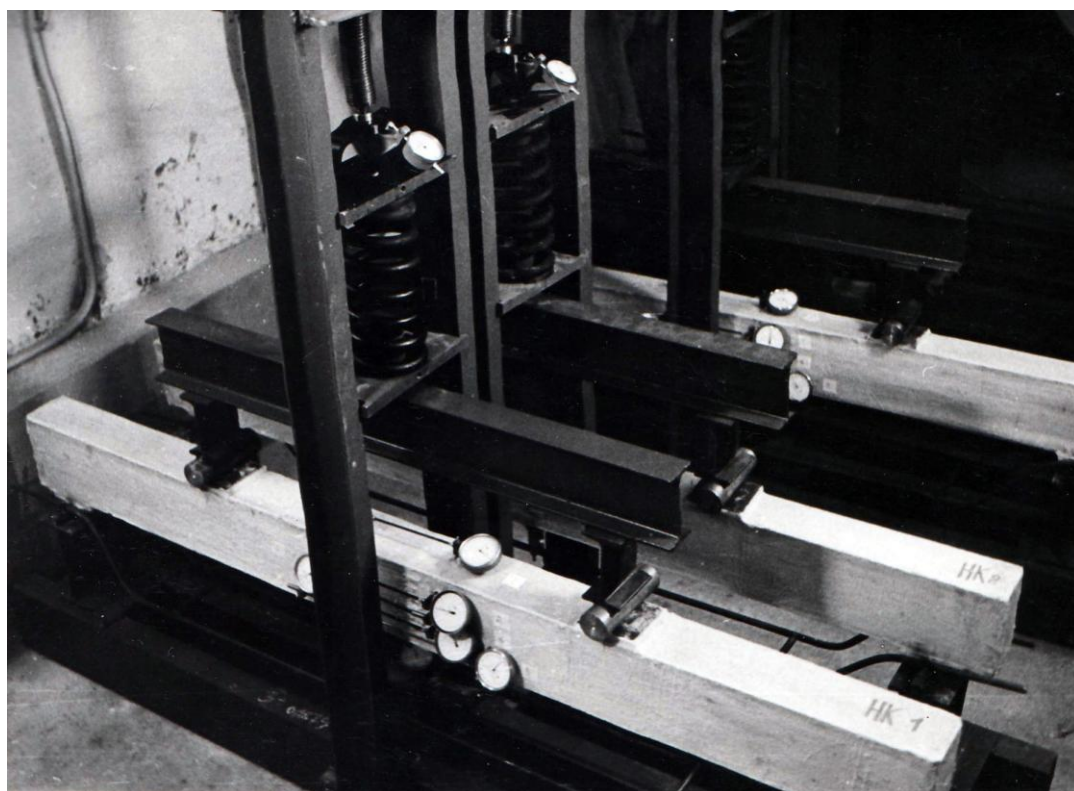

Рис. 1. Пружинные установки для испытания армированных ячеистобетонных балок размером 10x16x180 см

установках, показанных на рис. 1. Как кратковременное, так и длительное нагружение и выдерживание балок под нагрузкой осуществлялось по схеме балки на двух опорах (пролет 160 см), нагруженной двумя сосредоточенными равными силами в четвертях пролета.

При кратковременных и длительных испытаниях балок измерялись в зоне чистого изгиба деформации арматуры, бетона сжатой грани и боковой грани в различных уровнях по высоте, а также прогибы в середине пролета.

Деформации арматуры и бетона измерялись индикаторами часового типа с ценой деления 0,001 мм соответственно на базе 350 и 200 мм, а для измерения прогиба использовались индикаторы с ценой деления 0,01 мм.

Для определения величины кратковременной разрушающей нагрузки испытывали по 6 балок из каждой серии. Средняя разрушающая нагрузка для некарбонизированных и карбонизированных балок составила соответственно 9,0 и 8,5 кН.

Разрушение балок произошло от достижения растянутой арматурой предела текучести, что определено по замерам деформаций арматуры. По-видимому, это послужило причиной тому, что карбонизация газозолобетона мало сказалась на несущей способности балок.

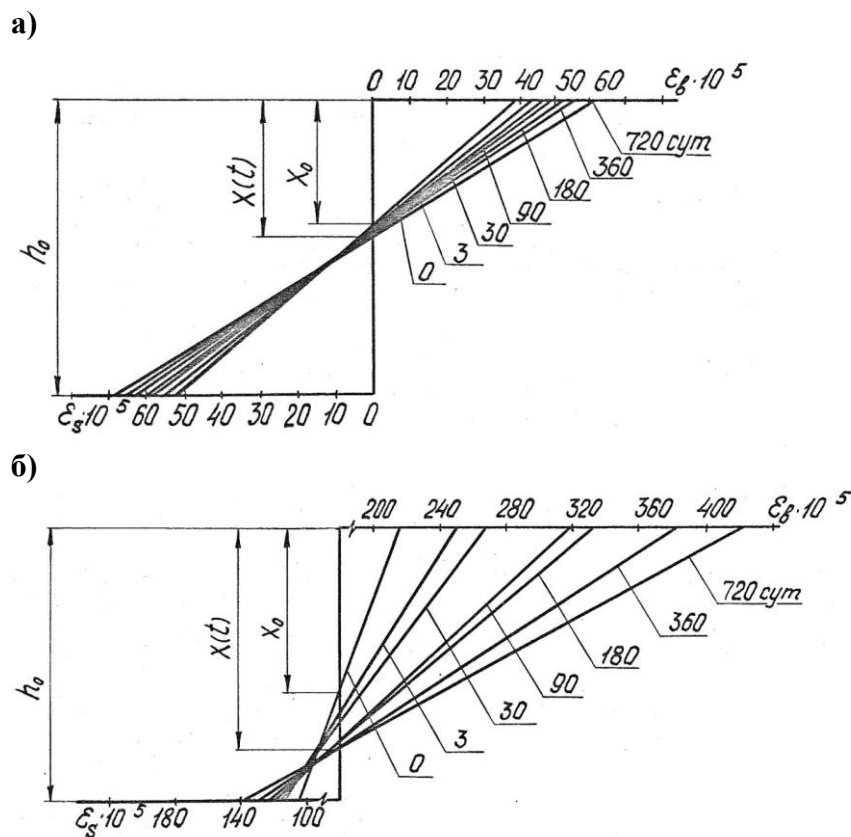
Жесткость карбонизированных балок при кратковременном действии нагрузки уменьшает-

ся. Как видно из рис. 2,а, на всех этапах нагружения прогиб карбонизированных балок превышает прогиб некарбонизированных на 50–60%. Увеличение прогибов карбонизированных балок связано с ростом деформаций бетона сжатой зоны. Так, при практически равных величинах относительных деформаций растянутой арматуры ϵ_s (разница составляет 5–10%) относительные деформации бетона крайней сжатой грани карбонизированных балок превышают те же деформации некарбонизированных балок в 1,5–3,3 раза в зависимости от величины нагрузки (рис. 2,б).

Длительное нагружение балок производилось нагрузкой, равной 0,3 от разрушающей, определенной на некарбонизированных балках. Для чистоты эксперимента балки I и II серии (по шесть балок в каждой серии) испытывались в изолированном состоянии при 10%-ной влажности бетона по массе. Поэтому наблюдение за образованием и развитием трещин не проводилось.

Длительные испытания балок и призм производились в помещении, где температура в течение всего периода проведения опытов колебалась от 19 до 22°C, а относительная влажность воздуха от 55 до 85%.

Параллельно с нагружением балок под наблюдение ставились по 6 газозолобетонных призм размером 10x10x40 см с учетом и без учета карбонизации для получения данных о характе-

а – некарбонизированные балки;
б – то же, карбонизированные

Рис. 3. Изменение во времени средних относительных деформаций арматуры, бетона и средней высоты сжатой зоны балок

ристике ползучести ячеистого бетона. Эти призмьы так же, как и балки, были гидроизолированы при влажности бетона 10% по массе. Загружение образцов-призм производилось при уровне напряжения, равном 0,3 призмьенной прочности некарбонизированного бетона.

В таблице 1 приведены средние опытные значения характеристик ползучести карбонизированных и некарбонизированных газозолобетонных призм.

По экспериментальным данным построены графики изменения во времени средних относительных деформаций арматуры ($\epsilon_{s,c}$), бетона ($\epsilon_{b,c}$) и высоты сжатой зоны опытных балок (рис. 3).

Как видно из рис. 3,а, средние относительные деформации сжатого бетона и арматуры для некарбонизированных балок развиваются практически с одинаковой интенсивностью.

Таблица 1

Средние опытные значения характеристики ползучести $\phi(t)$ газозолобетона

		Длительность действия нагрузки, сут.																	
		0	3	10	30	60	90	120	150	180	240	300	360	420	480	540	600	660	720
Карбонизированный	0	0,43	0,81	1,29	1,51	1,61	1,71	1,79	1,84	1,92	2,00	2,05	2,11	2,13	2,15	2,19	2,22	2,23	
Некарбонизированный	0	0,16	0,24	0,39	0,48	0,55	0,61	0,63	0,65	0,67	0,69	0,72	0,73	0,74	0,75	0,76	0,77		

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенберг Я.М., Мажиев Х.Н., Батаев Д.К.-С., Батдалов М.М., Муртазаев С.-А.Ю. Материалы и конструкции для повышения сейсмостойкости зданий и сооружений. М.: «Комтех-Принт», 2009. 447 с.
2. Баженев Ю.М., Батаев Д.К.-С., Муртазаев С.-А.Ю. Ресурсо- и энергосберегающие технологии и материалы для ремонта, восстановления зданий и сооружений. М.: «Комтех-Принт», 2006. 375 с.
3. Баженев Ю.М., Батаев Д.К.-С., Муртазаев С.-А.Ю., Мажиев Х.Н. Мелкозернистые бетоны из техногенного сырья для ремонта поврежденных зданий и сооружений. Грозный, 2011. 342 с.
4. Батаев Д.К.-С. Техническая экспертиза зданий и сооружений. М.: «Комтех-Принт», 2004. 309 с.
5. Батаев Д.К.-С., Мажиев Х.Н., Хубаев С.-М.К., Муртазаев С.-А.Ю., Шамилев А.Г. Техническое обследование и экспертиза зданий и сооружений. М.: «Комтех-Принт», 2008. 435 с.
6. Муртазаев С.-А.Ю., Батаев Д.К.-С., Мажиев Х.Н., Исмаилова З.Х., Хубаев С.-М.К. Мелкозернистые бетоны на основе наполнителей из вторичного сырья. М.: «Комтехпринт», 2009. 142 с.
7. СНиП 2.03.01-84. Бетонные и железобетонные конструкции. М.: ЦИТП Госстроя СССР, 1985. 79 с.
8. СНиП П-22-81. Каменные и армокаменные конструкции. М.: Стройиздат, 1983. 40 с.
9. Руководство по проектированию бетонных и железобетонных конструкций из ячеистых бетонов (1-я редакция). М.: НИИЖБ, 1972. 117 с.
10. Гвоздев А.А. и др. Новое в проектировании бетонных и железобетонных конструкций. М.: Стройиздат, 1978. 204 с.
11. Чистяков Е.А., Марданов К.Х. Прогиб гибких сжатых элементов в процессе загрузки // Исследование железобетонных конструкций при статических, повторных и динамических воздействиях. М., 1984. С. 99–104.
12. Гвоздев А.А., Дмитриев С.А., Немировский Я.М. О расчете перемещений (прогибов) железобетонных конструкций по проекту новых норм (СНиП П-В.1-62) // Бетон и железобетон. 1962. №6. С. 245–250.
13. Макаричев В.В., Милейковская К.М. Исследование армированных конструкций из ячеистых бетонов. М.: Госстройиздат, 1963. 99 с.
14. Газиев М.А. Учет карбонизации при расчете прогибов ячеистобетонных покрытий сельскохозяйственных зданий // Новые прогрессивные строительные конструкции для обеспечения эффективности долговечности сельскохозяйственных зданий и сооружений: тез. докл. Челябинск, 1986. С. 12–13.

К ВОПРОСУ О СТЕПЕНИ СМАЧИВАНИЯ КОНСТРУКЦИОННЫХ СТАЛЕЙ 12X18H10T И ЭК-173 РАСПЛАВАМИ РЬВІ С УЧАСТИЕМ ЛИТИЯ

© Ф.Ф. ДЫШЕКОВА, Б.Б. АЛЧАГИРОВ, Т.М. ТАОВА,
Х.Б. ХОКОНОВ, О.Х. КЯСОВА, М.М. ТЛУПОВА

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Грозный

Аннотация. Приведены результаты систематических экспериментальных исследований температурных зависимостей смачиваемости поверхностей ряда конструкционных сталей ЭК-173, 12X18H9T и 12X18H10T жидкими свинцом, висмутом, а также эвтектическим расплавом РbVі с участием лития в условиях вакуума и/или защитной атмосферы аргона. На политермах смачиваемости сталей ЭК-173, 12X18H9T и 12X18H10T свинцом, висмутом и эвтектическим расплавом РbVі в условиях вакуума обнаружены критические температуры смачиваемости. Показано, что сталь марки ЭК-173 более устойчива в контакте с эвтектическим расплавом РbVі при более высоких температурах, чем конструкционная сталь 12X18H9T. В условиях вакуума смачиваемость стали существенно выше, чем в защитной атмосфере аргона, особенно при высоких температурах. Изучение смачиваемости стали 12X18H10T жидкими сплавами (РbVі)_{эвт} с участием лития показало наличие тенденции к улучшению смачивания стали с повышением содержания лития в эвтектическом расплаве РbVі.

Ключевые слова: политермы, смачивание, расплавы, поверхность.

Abstract. The article presents the experimental results on the temperature dependences of wettability of surfaces of EK-173, 12Cr18Ni9Ti and 12Cr18Ni10Ti construction steels by liquid lead, bismuth and PbBi eutectic melt and its alloys with lithium under vacuum and/or under protective argon atmosphere. The critical temperatures of wettability have been revealed in the polytherms of wettability of EK-173, 12Cr18Ni9Ti and 12Cr18Ni10Ti steels by liquid lead, bismuth and PbBi eutectic melt under vacuum conditions. The article shows that EK-173 steel is more resistant to PbBi eutectic melt influence at higher temperatures compared with 12Cr18Ni9Ti construction steel. It also shows that the steel wettability is significantly higher under vacuum than under protective argon atmosphere, especially at high temperatures. Study of the wettability of 12Cr18Ni10Ti steel by liquid alloys (PbBi)_{eut} with lithium has revealed a tendency to improving the steel wettability of depending from increase of the Li content in PbBi eutectic melt.

Keywords: polythermals, wettability, melts, surface.

Эвтектический расплав Рb_{44,6}Ві_{55,4}, его компоненты и другие элементы применяются в качестве теплоносителей в ядерных энергетических установках, тепловых трубах и пр. [1–2], поэтому исследованиям взаимодействия их с различными конструкционными материалами уделяется особое внимание [3–4]. В настоящей работе решается задача экспериментального изучения температурной зависимости смачиваемости реакторных сталей 12X18H10T и ЭК-173 эвтектическим расплавом РbVі и его сплавами с содержанием 20 и 35 ат. % лития.

Методика эксперимента. Экспериментальная установка, использованная нами для изучения смачиваемости поверхности реакторных сталей 12X18H10T и ЭК-173 жидкоэвтектическим расплавом РbVі и его сплавами с литием в широкой области температур, схематически показана на рис. 1.

При заправке установки непосредственно перед началом измерений предварительно при-

готовленный образец 15 (рис. 1) нужного объема закладывается в нижнюю часть бункера 13, в который затем вводится молибденовый шток-затвор 16, нижний конец которого имеет форму шарика 17. Верхняя часть штока – вакуумированная стеклянная ампула с железным стержнем 18 – предназначена для управления штоком с помощью электромагнита 19.

Установку отличает новая система регистрации изображения капли, которая состоит из осветительной прожекторной системы и цифровой USB-камеры «ТС-5». Видеокамера с приемной CMOS-матрицей формата 2592×1944 пикселей позволяет получать 8- и 14-мегапиксельные изображения профиля капли со скоростью не менее 5–8 кадров в секунду. Оригинальное программное обеспечение позволяет в автоматическом режиме регистрировать и архивировать получаемые с видеокамеры изображения, проводить их цифровую обработку, а также обмер профиля капли и расчеты величин углов смачивания и по-

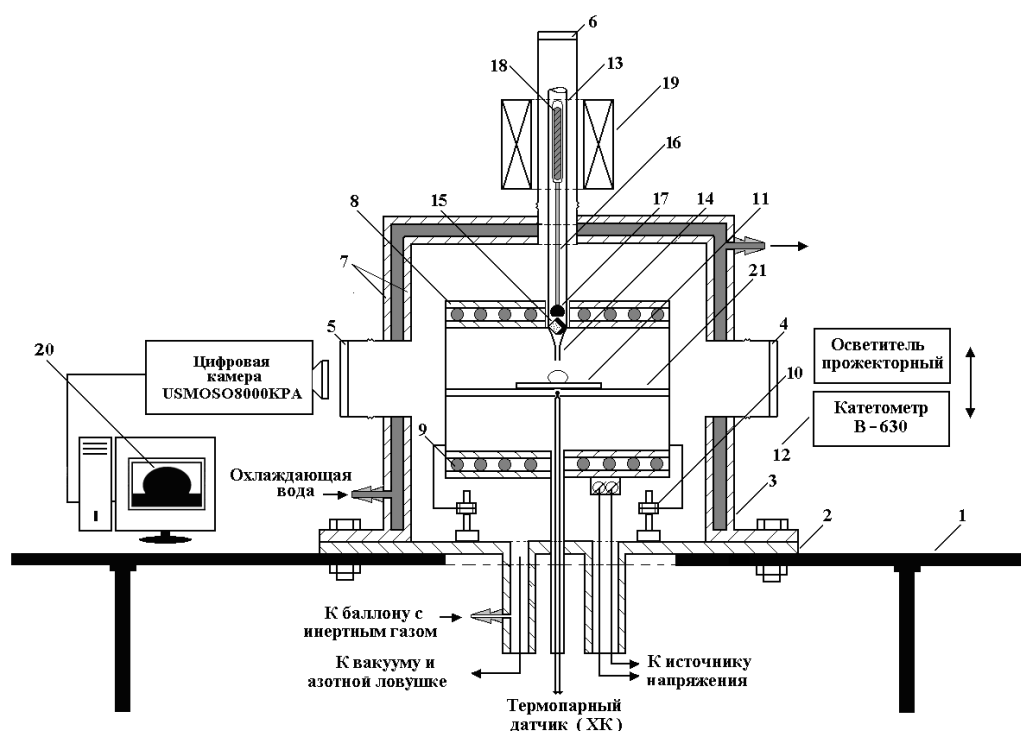

Рис. 1. Экспериментальная установка для изучения смачиваемости поверхностей твердых тел жидкотемпературными расплавами: 1 – массивный стол; 2 – стальная плита для вакуумного колпака; 3 – 4–6 – оптические окна; 7 – водоохлаждаемая «рубашка»; 8 – высокотемпературная печь; 9 – молибденовый нагреватель; 10 – регулируемые по высоте стойки-ножки печи; 11 – исследуемая подложка; 12 – катетометр В-630; 13 – заправочный бункер; 14 – кончик капилляра; 15 – исследуемый образец; 16 – шток-затвор; 17 – шаровой кончик штока; 18 – металлический стержень в вакуумированной стеклянной «рубашке»; 19 – электромагнит; 20 – видеоизображение исследуемой капли металлического расплава; 21 – кварцевая пластина для юстировки исследуемой системы «подложка-капля»

верхностного натяжения и т.д. [5–6]. Контроль температуры осуществлен термопарой типа ХК, сигналы (ЭДС) которой фиксировались электронным микровольтметром G-1202.010 чувствительностью 10⁻⁷ В, позволяющим определять температуру с точностью от ± 0.1 К (при невысоких температурах) и до ± 2 К при T = 1500 К. Для предотвращения попадания паров масел диффузионного насоса в рабочую камеру последняя была блокирована азотной ловушкой.

Для исключения самопроизвольного и преждевременного попадания исследуемого образца 15 после его расплавления и до полного завершения термовакуумной обработки системы при высоких температурах на подложку, шток-затвор 16 с помощью электромагнита 19 отводится в верхнее положение и фиксируется так, чтобы его шаровой кончик 17 не касался образца и не давил на него. Отметим, что после расплавления образец 15 (массой ~ 3 г) удерживается в загрузочном бункере капиллярными силами и не может самопроизвольно вытечь из капилляра до тех пор, пока нет на него давления сверху штоком 16. Таким образом, экспериментальная установка дает

возможность раздельного прогрева и термовакуумной обработки жидкого образца и твердой подложки до самого верхнего температурного предела измерений и несколько выше него, а также подачу расплава образца 15 на чистую поверхность подложки в любой момент времени и при нужной температуре, т.е. в контролируемых условиях.

Углы смачивания определялись методом лежащей капли в широкой области температур (до 1500 К) с погрешностью 1.5%. Исходные образцы Pb и Vi, использованные для приготовления эвтектического сплава, согласно ГОСТ 22861-93, содержали не менее 99.9999% основного элемента, а литий – 99.9% (табл.). Измерения осуществлялись в вакууме 10⁻⁴ Па и атмосфере аргона спектральной чистоты. Финишная полировка подложек из сталей 12X18Н10Т и ЭК-173 размерами 3×4×0.2 и 3×4×0.02 см соответственно осуществлялась пастой ГОИ (Государственный оптический институт, г. Санкт-Петербург) с последующим отжигом в вакууме.

Результаты и их обсуждение. Серия снимков капель, полученных при изучении температурных и временных зависимостей углов сма-

№	Элемент	Содержание примесей, вес. %					
		Эвтектический сплав PbBi	Свинец	Висмут	Литий	*Сталь 12Cr18Ni10Ti	*Сталь ЭК-173
1	Mg	$2 \cdot 10^{-6}$	-	$2 \cdot 10^{-5}$	0.02	-	-
2	Al	$6 \cdot 10^{-6}$	10^{-5}	$3 \cdot 10^{-5}$	0.003	-	1.2
3	Si	$5 \cdot 10^{-5}$	-	$4 \cdot 10^{-5}$	-	0.46	0.07
4	S	$8 \cdot 10^{-5}$	-	$4 \cdot 10^{-6}$	-	0.02	0.006
5	Ca	10^{-5}	-	$8 \cdot 10^{-5}$	0.03	-	-
6	Mn	$< 10^{-6}$	10^{-4}	$< 10^{-6}$	0.001	1.07	1.67
7	Fe	$4 \cdot 10^{-6}$	10^{-5}	$2 \cdot 10^{-4}$	0.005	67	30.15
8	Ni	10^{-6}	-	$4 \cdot 10^{-5}$	-	12.15	41.08
9	Cu	$8 \cdot 10^{-6}$	10^{-5}	$9 \cdot 10^{-5}$	-	0.3	-
10	Mo	$< 10^{-6}$	-	$< 10^{-5}$	-	-	5.21
11	Ag	$< 5 \cdot 10^{-6}$	10^{-5}	$2 \cdot 10^{-4}$	-	-	-
12	Pb	44.6	99.9999	$< 10^{-3}$	-	-	-
13	Bi	55.4	$2 \cdot 10^{-5}$	99.9999	-	-	-
14	Cr	$< 10^{-6}$	-	-	-	18.11	17.9
15	Ti	$< 10^{-6}$	-	$< 10^{-6}$	-	0.46	2.10
16	Nb	$< 10^{-6}$	-	$< 5 \cdot 10^{-6}$	-	-	0.41
17	V	-	-	-	-	-	0.14
18	C	-	-	-	-	0.12	0.05
19	Co	-	-	-	-	-	0.01
20	N	-	-	-	0.05	-	$6 \cdot 10^{-3}$
21	P	-	-	-	-	0.035	-
22	Li	-	-	-	≥ 99.9	-	-
23	Na	-	-	-	0.04	-	-
24	K	-	-	-	0.005	-	-
25	SiO ₂	-	-	-	0.01	-	-

*По данным анализов элементного состава стали ЭК-173 [Sample #01, (Report # 9681.02), проведенных в лаборатории MS & GC Lab, г. Москва].

чиваемости $\theta(T, \tau)$ жидкоэвтектическим сплавом Pb_{44.6}Bi_{55.4} поверхности стальной (12X18N10T) подложки, показана на рис. 2.

Результаты компьютерной обработки фотоизображений капель графически представлены на рис. 3. Как видно на рис. 3, температурный порог перехода от несмачивания к смачиванию (за последний условно принят краевой угол $\theta = 90^\circ$) эвтектическим расплавом Pb_{44.6}Bi_{55.4} поверхности стали достигается через два часа после начала эксперимента и составляет около 920 К. Время, в течение которого после начала эксперимента достигается та или иная температура, указано на каждом из фотокадров в минутах.

На рис. 3 достаточно отчетливо видны два участка на температурной зависимости углов смачиваемости $\theta(T, \tau)$, соответственно, 600–923 К, на котором углы смачивания остаются практически постоянными и равными около 130–120°, и интервал 923–1220 К, в котором углы смачивания также мало изменяются и составляют около 90–80°. Таким образом, на стыке двух отмеченных температурных участков обнаруживается ступенька $\Delta\theta$ высотой около 30°, т.е. порог смачиваемости.

Обнаруженный порог смачивания можно объяснить следующим образом. Согласно данным фотоэлектронной спектроскопии [3, 7], на по-

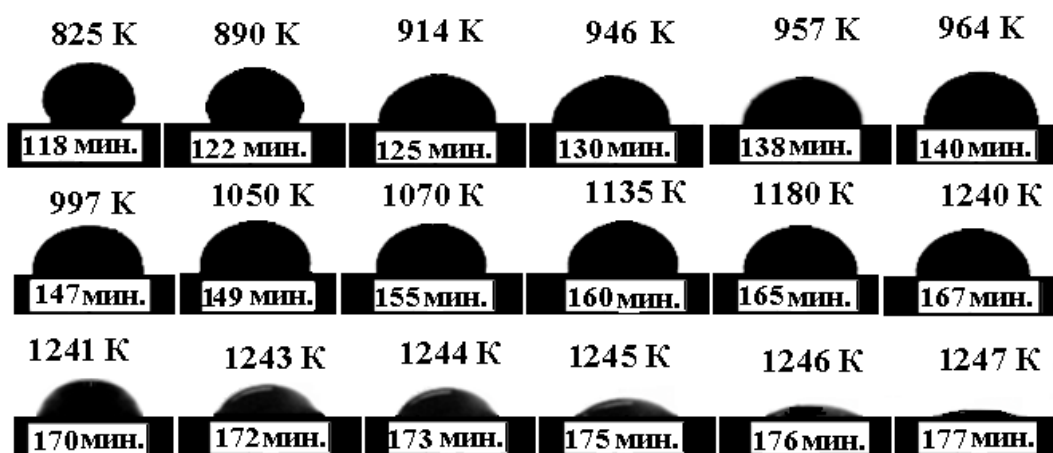

Рис. 2. Температурная зависимость смачиваемости поверхности реакторной стали 12Х18Н10Т жидким эвтектическим сплавом $Pb_{44.6}Bi_{55.4}$ в условиях вакуума $5 \cdot 10^{-4}$ Па

верхности стали имеются оксидные пленки толщиной в $1 \div 3$ нм, которые с повышением температуры начинают разрушаться. При этом основным компонентом, определяющим степень стабильности оксидной пленки, является оксид хрома, который при 870 К начинает рекомбинировать в вакууме с хромом с образованием летучего оксида по следующей реакции: $Cr + Cr_2O_3 \rightarrow 3CrO$. Поэтому при температурах около 870–920 К на поверхности стали 12Х18Н10Т происходит процесс разрушения оксида хрома, приводящий к уменьшению углов смачивания стали. Заметим,

что в специальных исследованиях поверхностей сталей было показано [3], что термическая обработка приводит к утоньшению оксидной пленки: если при комнатной температуре толщина оксидного слоя равна около 2 нм, то при 670 К в вакууме 10^{-4} Па (как и в нашем случае) она составляет 1.2–1.5 нм, а при 900 К – меньше 0.9 нм. В изученной нами стали 12Х18Н10Т содержится, согласно ГОСТу 5632-72, около 17–19 масс. % Cr [8] (табл.), что также должно привести к еще большей зависимости толщины оксидных пленок от температуры.

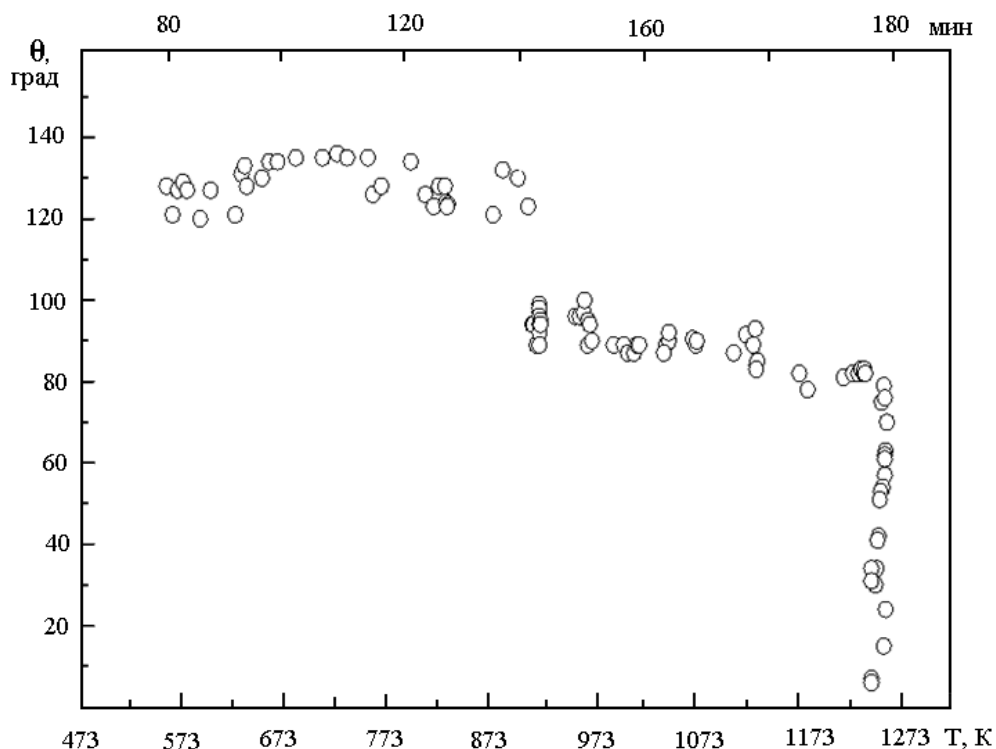

Рис. 3. Температурная зависимость углов смачивания эвтектическим сплавом $Pb_{44.6}Bi_{55.4}$ поверхности стали 12Х18Н10Т в условиях вакуума

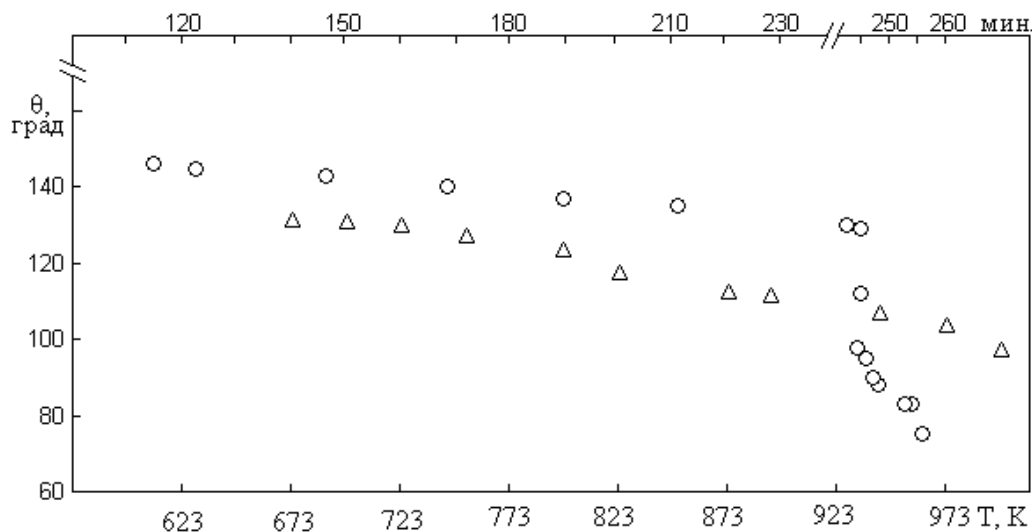

Рис. 4. Температурная и временная зависимости углов смачивания реакторной стали ЭК-173 жидким свинцом: ○ – данные настоящей работы; Δ – результаты работы [13]

В области высоких температур, как видно из рис. 3, по достижении температуры около 1250 К на зависимости $\theta(T)$ обнаруживается второй порог смачиваемости: с катастрофическим уменьшением углов смачивания вплоть до нулевых значений θ , который называют критической температурой смачиваемости (КТС) [9]. Отметим, что в работах [10–12] также были изучены зависимости смачиваемости сплавом $Pb_{44.6}Vi_{55.4}$ $\theta(T)$ стали 12X18H9T с несколько другим содержанием титана, чем в стали 12X18H10T.

На рис. 4–6 представлены данные углов смачивания жидкими свинцом, висмутом и эвтектическим сплавом PbVi поверхности стали ЭК-173 в зависимости от температуры и времени их

контакта. На рис. 4 видно, что в температурной области $T_{пл} - 923$ К угол смачивания стали жидким свинцом изменяется с температурой по линейному закону с угловым коэффициентом $d\theta/dT = -0.04^\circ/K$ и в среднем по абсолютной величине составляет $130-140^\circ$.

На рис. 4 легко заметить, что характер зависимости $\theta(T)$ в области высоких температур меняется по сравнению с низкотемпературной областью: после повышения температуры до 923 К за короткое время (около 15 мин.) наблюдается быстрое уменьшение углов смачивания от 130° вплоть до 70° . Это означает, что в системе Pb-сталь ЭК-173 обнаруживается критическая температура смачивания (КТС). Дальнейшее по-

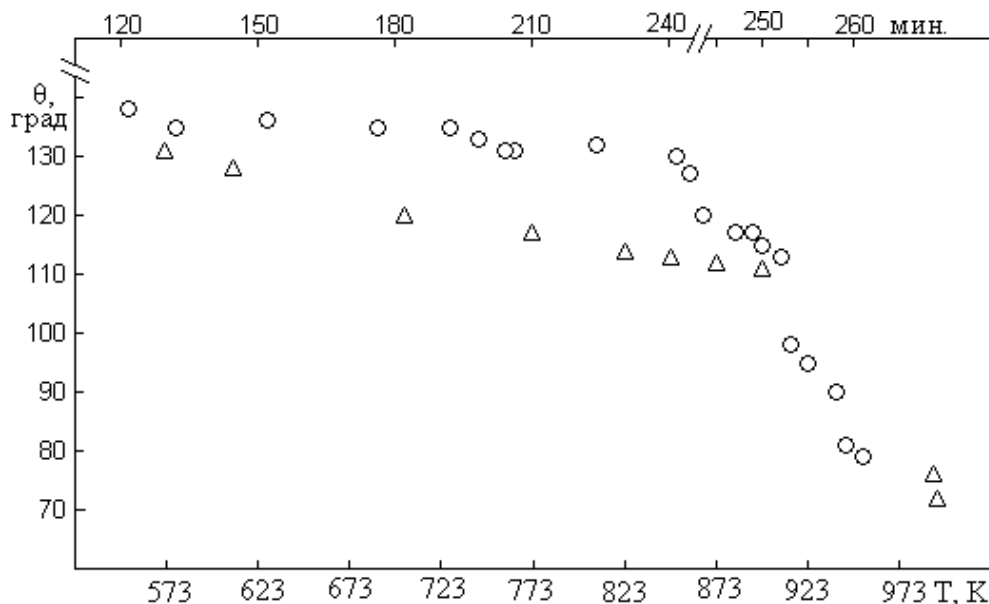

Рис. 5. Температурная и временная зависимости углов смачивания реакторной стали ЭК-173 жидким висмутом: ○ – данные настоящей работы; Δ – результаты работы [13]

вышение температуры приводит к интенсивному испарению свинца в вакууме, поэтому эксперименты были прекращены после достижения температуры 1020 К.

Результаты работы [13] отличаются от данных настоящей работы тем, что в [13] на зависимости $\theta(T)$ смачиваемости жидким свинцом стали ЭК-173 в температурной области от 673 до 1023 К отсутствует порог смачивания, что может быть обусловлено причинами методического характера, так как в обеих работах зависимость $\theta(T)$ определялась одним и тем же методом лежащей на плоской подложке капли. В частности, в [13] температурные выдержки изученных систем «жидкий образец – твердая подложка» перед измерениями углов смачивания продолжались всего по 5–10 мин., тогда как в подобных экспериментах они должны быть достаточно продолжительными с тем, чтобы процессы гомогенизации расплавов могли полностью завершиться [14–16].

В наших опытах измерения $\theta(T)$ жидкими металлами и особенно их сплавами подложек продолжались более 4–5 часов, т.е. с почти часовой температурной выдержкой исследуемой системы «капля-подложка» перед каждым измерением θ .

Обнаруженный нами порог смачивания в системе свинец-сталь ЭК-173 при температуре 923 К объясняется так же, как и при смачивании свинцом стали 12X18H10T, поскольку сталь ЭК-173 содержит 17.9% Cr, что, по нашему мнению, должно привести к еще большей зависимости толщины окисных пленок от температуры.

На рис. 5 представлены данные $\theta(T, \tau)$, полученные нами при изучении смачивания жидким висмутом поверхности стали ЭК-173. Как видно на рис. 5, сталь марки ЭК-173 (с максимальным содержанием алюминия 1.2 масс. %) не смачивается вплоть до температуры около 870 К. Дальнейшее повышение температуры до 870 К приводит к смачиванию стали ЭК-173 жидким висмутом: угол смачивания $\theta(T)$ достигает значения 75° в течение последних 15–20 мин.

При 873 К опыты были приостановлены из-за начала интенсивного распыления висмута в вакуумной камере. Таким образом, для системы «жидкий висмут – сталь ЭК-173» критическая температура составила около 870 К.

Сравнение наших результатов с данными работы [13] по изучению смачивания стали ЭК-173 жидким висмутом показывает, что авторы [13] также обнаружили КТС, превышающую на 370 К определенное нами значение КТС. Причиной неопределенности значения КТС в [13] является отсутствие экспериментальных точек на зависимости $\theta(T)$ в области температур 890–990 К (рис. 5), хотя при температуре 990 К на зависимости $\theta(T)$ имеются две экспериментальные точки, соответствующие углам смачивания θ , равным 78° и 76° .

Плохую смачиваемость стали ЭК-173 жидким висмутом в области температур 543–843 К (рис. 5) можно объяснить тем, что примеси Al в самой стали ЭК-173 за счет сегрегации накапливаются на межфазной границе и образуют защитные оксидные пленки. Таким образом, из наших

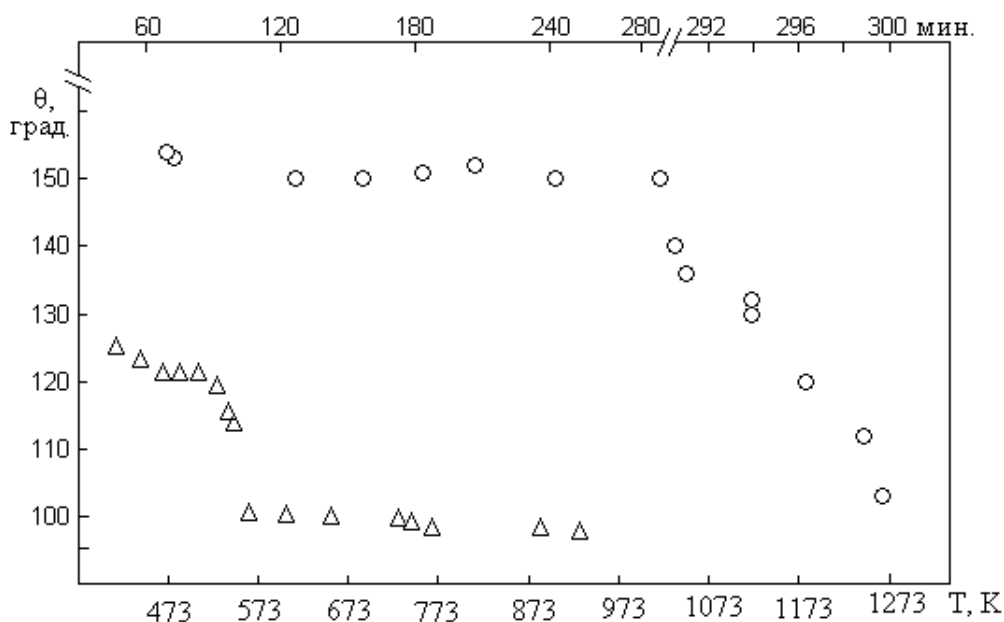

Рис. 6. Температурная и временная зависимости углов смачивания реакторной стали ЭК-173 жидким эвтектическим расплавом PbBi: ○ – данные настоящей работы; △ – результаты работы [17]

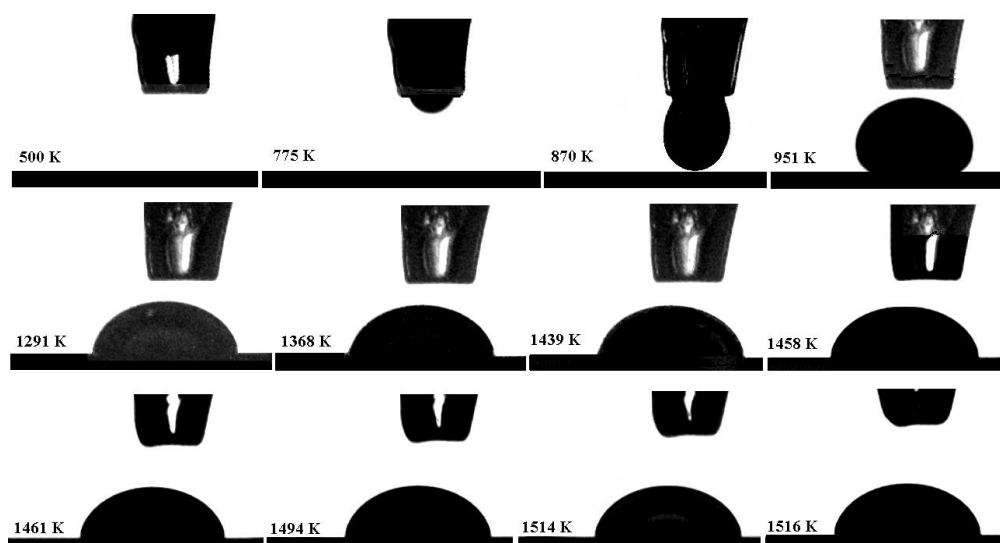

Рис. 7. Температурная зависимость смачиваемости поверхности реакторной стали 12X18H10T жидким эвтектическим сплавом $Pb_{44.6}Bi_{55.4}$ в атмосфере аргона

исследований следует, что сталь марки ЭК-173 более устойчива к воздействию расплавленных свинца и висмута при более высоких температурах, чем конструкционная сталь 12X18H9T.

Данные, полученные в настоящей работе при изучении смачивания $\theta(T, \tau)$ жидким эвтектическим сплавом PbBi реакторной стали ЭК-173, графически представлены на рис. 6. На рис. 6 видно, что зависимость $\theta(T, \tau)$ остается практически постоянной в области температур $T_{пл} - 993$ К, в которой значения углов смачивания θ составляют около 150° . Повышение температуры системы «сталь ЭК-173 – эвтектический расплав PbBi» приводит к понижению углов смачивания и в течение 10–15 мин. угол θ становится равным 100° , т.е. в системе «сталь ЭК-173 – расплав PbBi» обнаруживается КТС, равная около 1000 К. К сожалению, интенсивное распыление в вакууме расплава PbBi при $T > 1300$ К не позволило завершить эксперименты до наступления полного смачивания стали жидкой эвтектикой PbBi.

В работах [17–18] также была изучена смачиваемость реакторной стали ЭК-173 жидкоэвтектическим сплавом свинец-висмут (рис. 6). Характер полученной температурной зависимости $\theta(T)$ в целом похож на наши данные, например, наличием КТС. Но, в отличие от данных [17–18], вся зависимость $\theta(T)$ смещена на 30° ниже в сторону меньших значений θ , а КТС составляет 750 К. На наш взгляд, истинное положение политермы $\theta(T)$ должно находиться между нашими данными и [17]. По мнению автора [17], наблюдаемое снижение $\theta(T)$ при температурах 710–820 К можно объяснить разрушением оксидной пленки (PbO) эвтектики системы Pb-Bi, а дальнейшее пониже-

ние $\theta(T)$ при $T > 820$ К – началом растворения оксидной пленки подложки.

Как отмечалось выше, в ряде случаев наши эксперименты по изучению $\theta(T)$ при высоких температурах в вакууме приходилось досрочно прекращать из-за высокой летучести Pb, Bi и их эвтектического сплава. По этой причине, а также для сравнения с данными $\theta(T)$, полученными в вакууме, нами измерены $\theta(T)$ в среде аргона (рис. 7 и 8). Из сравнения графиков на рис. 3 и 8 следует, что при измерениях $\theta(T, \tau)$ в условиях вакуума, как видно из рис. 2, задолго до наступления смачивания подложки каплей эвтектического расплава PbBi при температурах около 1200 К начинается интенсивное испарение самой капли, завершающееся ее полным исчезновением (см. последние несколько фотокадров на рис. 2). Очевидно, что компонентный состав капли расплава в этом случае существенно отличается от исходного эвтектического [19–20]. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо уточнение самого понятия КТС [9], поставив это понятие в зависимость от того, в каких условиях (вакуум, среда и ее состав, инертный газ, давление и т.д.) проводились опыты по изучению температурной зависимости смачиваемости в системе расплав-подложка.

Действительно, как показали наши измерения $\theta(T, \tau)$, проведенные в атмосфере чистого аргона (рис. 7 и 8) вплоть до температуры 1520 К (максимальная температура опытов), капля эвтектического расплава PbBi остается вполне стабильной по объему. При этом краевой угол смачивания при 1400 К не становится заметно меньше 80° , а обнаруженный при измерениях $\theta(T, \tau)$ в условиях вакуума температурный порог смачиваемости

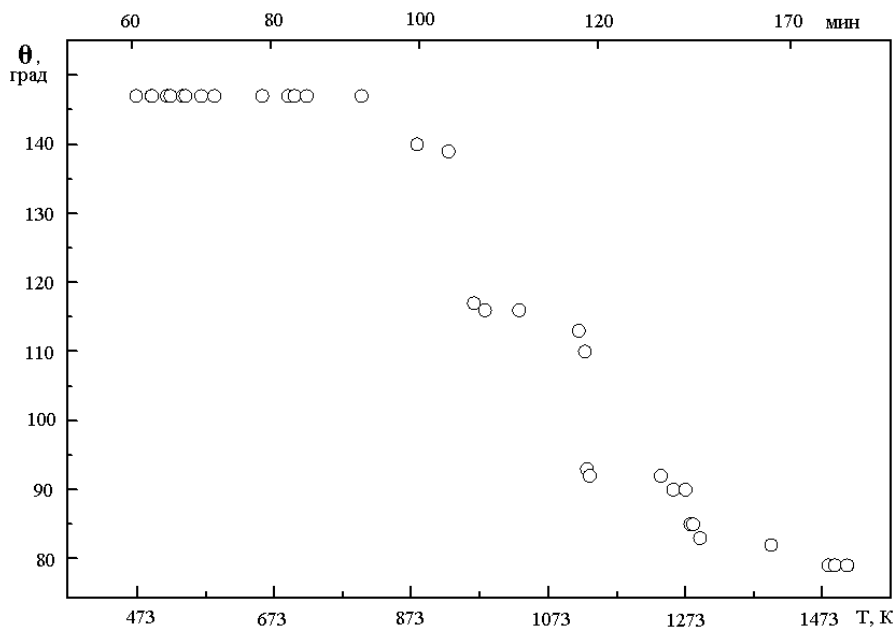

Рис. 8. Температурная зависимость углов смачивания эвтектическим расплавом $Pb_{44.6}Bi_{55.4}$ поверхности стали 12X18H10T в среде аргона

хотя и сохраняется, но оказывается «размытым» вдоль оси температур более чем на 300 К.

Представляет интерес сравнение результатов настоящей работы с данными работы [21], в которой методом лежащей капли также была изучена смачиваемость эвтектическим расплавом $PbBi$ аустенитной стали AISI 316L (с содержанием 17.68 вес. % Cr и 11.8 вес. % Ni) в области температур 573–873 К (рис. 9).

Результаты измерений $\theta(T)$ в атмосфере чистого аргона в температурной области 600–800 К, полученные в [21], лежат в интервале $\theta(T) = 125\text{--}118^\circ$, т.е. на 25° ниже, чем данные настоящей работы. Тем не менее, температурные зависимости сравниваемых данных $\theta(T)$, полученные в атмосфере аргона, согласуются удовлетворительно в температурной области 600–800 К, в которой наблюдается несмачиваемость эвтектическим расплавом аустенитной стали AISI 316L и изученной нами стали 12X18H10T.

Принципиальное различие между данными $\theta(T)$ работы [21] и нашими результатами заключается в том, что: а) температурный интервал измерений $\theta(T)$ в данной работе составил 673–1520 К, тогда как в [21] – 600–900 К; б) в температурной области 873–1223 К, по нашим данным, имеет место смачиваемость стальной подложки 12X18H10T, а, по данным [21], аустенитная сталь AISI 316L не смачивается свинцово-висмутовым эвтектическим расплавом и при 900 К.

В связи с расширяющимся применением в современной технике и технологии литья и его

сплавов нами также были изучены температурные зависимости смачивания реакторной стали 12X18H10T жидкими эвтектическими сплавами $(PbBi)_{эвт}$ с содержанием 20.86 и 35.1 ат. % Li соответственно. На рис. 10 и 11 представлены результаты измерений $\theta(T)$ стали 12X18H10T жидким эвтектическим сплавом $(PbBi)_{эвт}$ с содержанием 20.86 и 35.1 ат. % Li соответственно.

Капля расплава $(Pb+Bi)_{эвт} + 20.86$ ат. % Li ($Pb_{35.3}Bi_{43.8}Li_{20.9}$), сформированная при 700 К, смачивает стальную подложку 12X18H10T сразу после соприкосновения с ней, образуя краевой угол, равный около 75° . Этот угол остается постоянным в течение трех часов, хотя температура за это время достигает 1500 К и только после это-

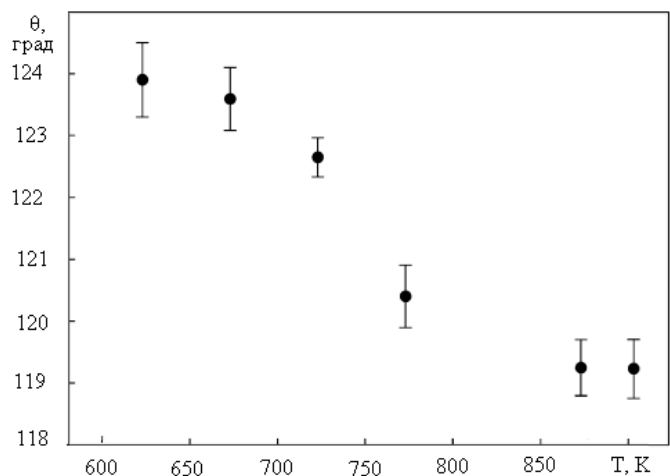

Рис. 9. Температурная зависимость углов смачивания поверхности аустенитной стали AISI316L в атмосфере аргона [20]

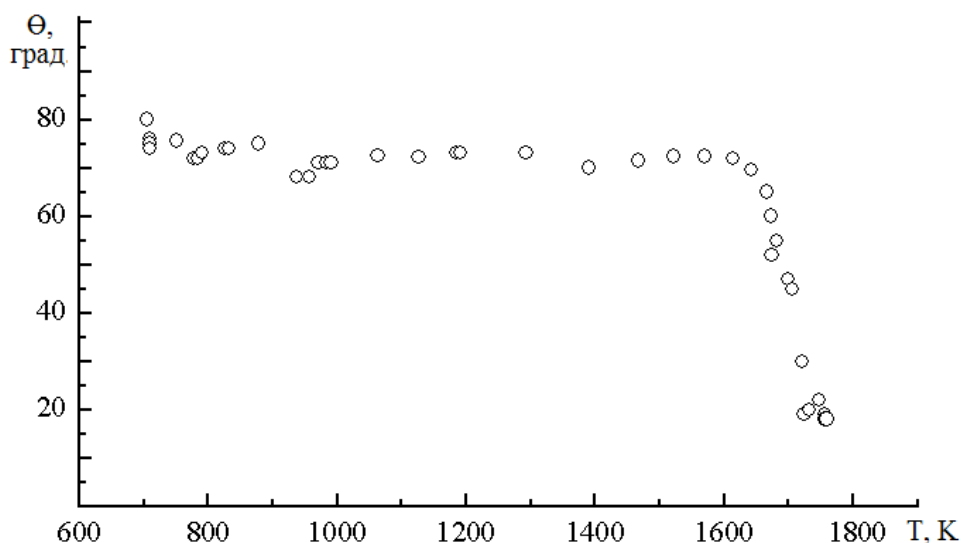

Рис. 10. Температурная зависимость смачиваемости реакторной стали 12X18H10T жидким сплавом (PbBi)эвт + 20.86 ат. % Li ($Pb_{35.3}Bi_{43.8}Li_{20.9}$) в условиях вакуума

го начинается быстрое уменьшение краевого угла смачивания до $\theta = 20^\circ$.

На рис. 11 показана температурная зависимость смачиваемости стали 12X18H10T жидким эвтектическим сплавом (PbBi)_{эвт} с содержанием 35.1 ат. % Li, т.е. расплавом $Pb_{29.2}Bi_{35.7}Li_{35.1}$. Как видно на рис. 11, жидкий расплав $Pb_{29.2}Bi_{35.7}Li_{35.1}$ во всем температурном интервале измерений 775–1000 К также смачивает подложку из стали 12X18H10T. В начале, в температурном интервале до 800 К, происходит достаточно быстрое уменьшение краевого угла смачивания от 60 до

40°, но затем, по мере повышения температуры вплоть до 1000 К, угол смачивания, уменьшаясь по линейному закону, достигает при 975 К значения $\theta = 25^\circ$.

По нашему мнению, лучшее смачивание стали 12X18H10T жидким сплавом ($Pb_{29.2}Bi_{35.7}Li_{35.1}$), содержащим 35.1 ат. % Li, обусловлено большим (на 12 ат. % Li) содержанием лития в исходном эвтектическом сплаве PbBi, чем в сплаве с 20.86 ат. % Li.

Действительно, из сравнения графиков зависимостей $\theta(T)$ на рис. 10 и 12 следует, что для

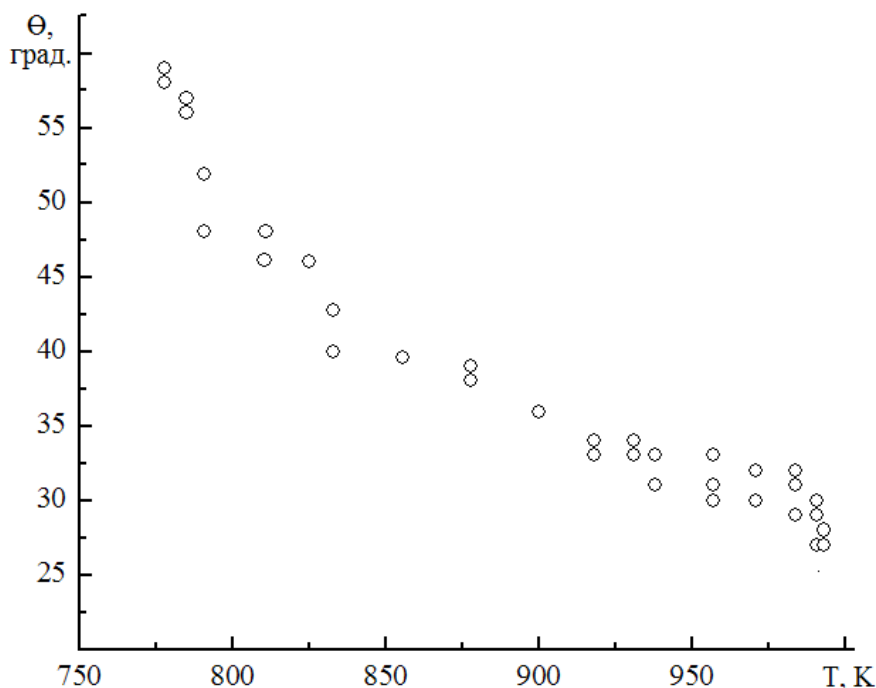

Рис. 11. Температурная зависимость смачиваемости реакторной стали 12X18H10T тройным жидким сплавом (PbBi)_{эвт} + 35.1 ат. % Li ($Pb_{29.2}Bi_{35.7}Li_{35.1}$) в условиях вакуума

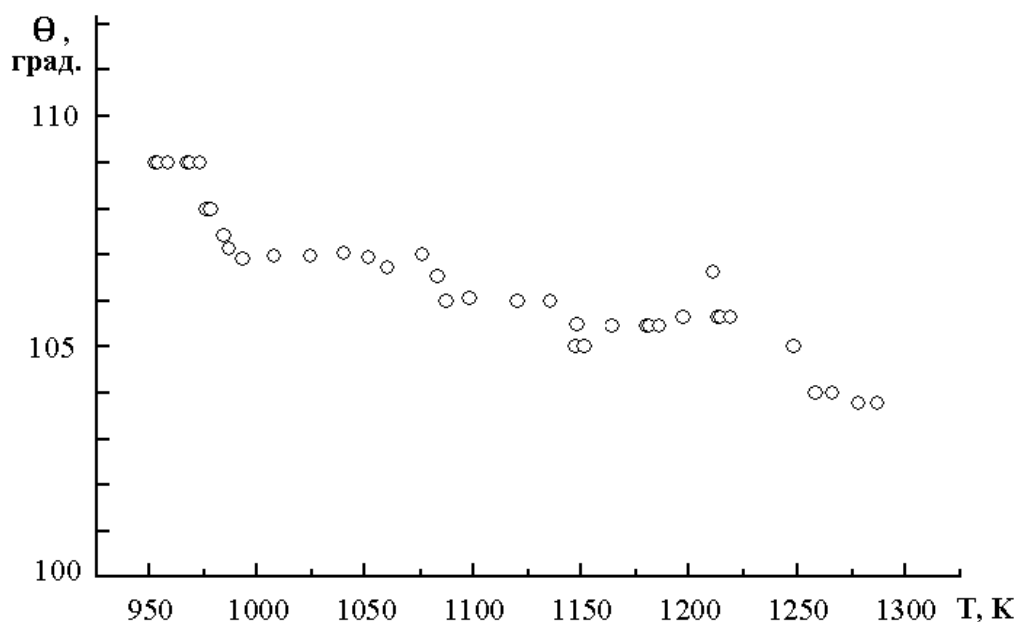

Рис. 12. Температурная зависимость углов смачивания жидким сплавом $Pb_{34.1}Bi_{42.3}Li_{23.6}$ поверхности стали 12X18H10T в атмосфере аргона

смачиваемости стали 12X18H10T жидким сплавом $(PbBi)_{эвт} + 20.86$ ат. % Li $\theta(T)$ систематически превышает на $20\text{--}30^\circ$ аналогичную зависимость $\theta(T)$ при смачивании сплавом $(PbBi)_{эвт} + 23.56$ ат. % Li ($Pb_{34.1}Bi_{42.3}Li_{23.6}$).

Наконец, представляет интерес сравнение политерм смачиваемости $\theta(T)$ стали 12X18H10T жидкими сплавами, мало отличающимися друг от друга по содержанию лития в $(PbBi)_{эвт}$, но одна из которых получена при измерениях θ в вакууме (около 10^{-4} Па), а другая – в атмосфере аргона (рис. 10 и 12).

Из сравнения двух политерм $\theta(T)$ видно, что они существенно отличаются друг от друга: жидкий сплав $(PbBi)_{эвт} + 20.86$ ат. % Li в условиях вакуума при всех температурах смачивает сталь, тогда как в атмосфере аргона расплав $(PbBi)_{эвт} + 23.56$ ат. % Li не смачивает поверхность стали 12X18H10T. Более того, в условиях вакуума на зависимости $\theta(T)$ обнаруживается КТС, которая отсутствует в случае проведения измерений в инертной атмосфере. Лучшая смачиваемость сталей жидкой эвтектикой PbBi с практически равными добавками лития в условиях вакуума, чем в инертной атмосфере аргона, по нашему мнению, обусловлена тем, что в вакууме поверхность стальной подложки вокруг капли расплава покрывается тонкой пленкой свинца и особенно висмута – легкоиспаряющимися компонентами эвтектического сплава Pb-Bi, тогда как в атмосфере аргона распыление компонентов смачивающей жидкости затруднено.

Выводы

1. Обнаружена критическая температура смачивания жидким свинцом поверхности стали ЭК-173, равная 920 К.
2. Уточнено значение критической температуры смачивания жидким висмутом поверхности стали ЭК-173, которая составила 840 К.
3. Изучена смачиваемость свинцово-висмутовым расплавом эвтектического состава реакторной стали ЭК-173 в зависимости от температуры и времени. Обнаружено, что в системе «жидкая эвтектика PbBi – сталь ЭК-173» имеется порог смачиваемости с критической температурой, равной около 1020 К.
4. Показано, что сталь марки ЭК-173 более устойчива в контакте с расплавленными висмутом, свинцом и особенно жидкоэвтектическим сплавом PbBi при более высоких температурах, чем конструкционная сталь 12X18H9T.
5. Представлены результаты экспериментального изучения смачиваемости реакторных сталей 12Cr18Ni9Ti и 12Cr18Ni10Ti эвтектическим расплавом PbBi в широкой области температур. Показано существенное различие данных о смачиваемости стали 12Cr18Ni10T, полученных в условиях вакуума и инертной атмосферы, особенно при высоких температурах: жидкий сплав $(PbBi)_{эвт}$ с содержанием 20.86 ат. % Li в условиях вакуума смачивает поверхность стали 12X18H10T, тогда как в атмосфере аргона расплав $(PbBi)_{эвт}$ с содержанием 23.56 ат. % Li не смачивает поверхность стали. По мнению авторов, это обусловлено тем, что в вакууме поверхности стальных подложек

вокруг капель расплавов покрываются тонкими пленками свинца и особенно висмута – легко-испаряющимися компонентами эвтектического сплава $Pb-Vi$, **облегчающими процесс смачивания.**

6. Температурная зависимость краевых углов смачиваемости $\theta(T)$ поверхности стали 12X18H10T жидким сплавом с участием лития $(PbVi)_{эвт} + 20.86$ ат. % Li **систематически превы-**

шает на 20–30° аналогичную зависимость $\theta(T)$ сплавом $(PbVi)_{эвт} + 35.1$ ат. % Li, т.е. **обнаружи-**вается тенденция к улучшению смачиваемости стали с повышением содержания лития в эвтектическом сплаве $PbVi$.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №13–08–00121 а + частично по госзаданию РФ №В00314, госрегистрация № 01201461042.

ЛИТЕРАТУРА

1. Субботин В.И., Арнольдов М.Н., Козлов Ф.А., Шимкевич А.Л. Атомная энергия. 2002. Т. 92. №1. С. 31–42.
2. Алчагиров Б.Б., Таова Т.М., Хоконов Х.Б. Труды первого Международн. симпозиума «Плавление и кристаллизация металлов и оксидов». Пос. Лоо, 26 сентября – 1 октября 2007 г. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2007. С. 170–178.
3. Protsenko P., Terlain A., Jeymond M., Eustathopoulos N. 10th International Conference on Fusion Reactor Materials. Baden-Baden, Germany. 14–19 October. 2001. P. 148.
4. Алчагиров Б.Б., Хоконов Х.Б. ТВТ. 1994. Т. 32. № 4. С. 590–626. (Теория и методы); ТВТ. 1994. Т. 32. № 5. С. 756–783. (Эксперимент).
5. Алчагиров Б.Б., Альбердиева Д.Х., Архестов Р.Х., Дышекова Ф.Ф., Кегадуева З.А., Коков А.А., Коков З.А. Доклады АМАН. 2015. Т. 17. №2. С. 63–69.
6. Коков З.А., Дышекова Ф.Ф., Коков А.А., Алчагиров Б.Б., Архестов Р.Х., Кегадуева З.А. Программа автоматизации физического эксперимента по измерению поверхностного натяжения жидкостей методом лежащей капли. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. № 2015614191 от 08.04.2015.
7. Проценко П.В. Смачивание поверхности и границ зерен тугоплавких металлов легкоплавкими расплавами. Автореф. дис. ... канд. хим. наук. М.: МГУ, 2002. 24 с.
8. Кириллов П.Л., Терентьева М.И., Денискина Н.Б. Теплофизические свойства материалов ядерной техники: учебно-справочное пособие для студентов специальностей: 14.03.05. Ядерные реакторы и энергетические установки, 14.04.04. Атомные электрические станции и установки / Под общ. ред. проф. П.Л. Кириллова; 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИздАт, 2007. 200 с.
9. Сумм Б.Д., Горюнов Ю.В. Физико-химические основы смачивания и растекания. М.: Химия, 1976. 232 с.
10. Алчагиров Б.Б., Таова Т.М., Тлупова М.М., Хоконов Х.Б. // Вестник КБГУ. Сер. физические науки. 2002. Вып. 7. С. 7–8.
11. Алчагиров Б.Б., Таова Т.М., Хоконов Х.Б., Бетуганов Э.Х., Муранов А.Н. Вестник КБГУ. Сер. физические науки. 2005. Вып. 10. С. 7–8.
12. Губжоков М.М., Ибрагимов Х.И., Канчуков В.З., Понежев М.Х., Созаев В.А., Хасанов А.И. // Вестник КБГУ. Сер. физические науки. 2003. Вып. 8. С. 21–22.
13. Кашежев А.З., Мозговой А.Г., Понежев М.Х., Созаев В.А., Хасанов А.И. // Вестник КБГУ. Сер. физические науки. 2008. Вып. 11. С. 7–8.
14. Алчагиров Б.Б., Чочаева А.М., Бекулов В.Б., Хоконов Х.Б., Арнольдов М.Н., Мозговой А.Г. Тепло-массоперенос и свойства жидких металлов. Материалы конференции. Т. 1. Обнинск, 2002. С. 83–86.
15. Баум Б.А., Клименков Е.А., Тягунов Г.В., Базин Ю.А. // Изв. вузов. Черная металлургия. 1984. №11. С. 54.
16. Губенко А.Я., Шотаев А.Н., Ерманченков В.А. Адгезия расплавов и пайка материалов. Киев: Наукова думка, 1982. № 9. С. 47–51.
17. Кашежев А.З. Поверхностное натяжение жидких разбавленных сплавов на основе олова, индия и смачивание меди и спецсталей олово-серебряной и свинец-висмутовой эвтектиками // Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. физ.-мат. наук по специальности 01.04.07. – физика конденсированного состояния. Нальчик: КБГУ, 2009. 20 с.
18. Кашежев А.З., Кутуев Р.А., Понежев М.Х., Созаев В.А., Хасанов А.И., Шерметов А.Х. Смачивание стали 12X18H9T свинец-висмутовой эвтектикой // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 4 (29). 2015. С. 22–25.
19. Ивановский М.Н., Сорокин В.П., Субботин В.И. Испарение и конденсация металлов. М.: Атомиздат, 1976. 216 с.

20. Терентьев Д.И., Барбин Н.М., Борисенко А.В., Алексеев С.Г., Попель П.С. Тезисы докладов XIII Российской конференции по теплофизическим свойствам веществ (с международным участием). Новосибирск: Изд-во Института теплофизики СО РАН, 2011. С. 253–254.
21. *Giuranno D., Gnesco F., Ricci E., Novakovic R.* Intermetallics. 2003. V. 11. P. 1313–1317.
22. Кашежев А.З., Кутуев Р.А., Понежев М.Х., Созаев В.А., Хасанов А.И., Шерметов А.Х. Смачивание стали 12Х18Н9Т свинец-висмутовой эвтектикой // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 4 (29). 2015. С. 22–25.

ФОРМИРОВАНИЕ СТОЛБЧАТЫХ КРИСТАЛЛОВ В АКТИВНЫХ КОЛЛОИДНЫХ СУСПЕНЗИЯХ

© В.Х. МЕЖИДОВ¹, Р.Х. ДАДАШЕВ², З.Ш. ГАЦАЕВ¹

¹ Грозненский государственный нефтяной технический университет
им. акад. М.Д. Миллионщикова, г. Грозный

² Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

Аннотация. Установлено, что в активных коллоидных суспензиях, полученных из наночастиц бентонита и водного раствора NaCl, при определенных условиях эксперимента, формируется система высокой степени метастабильности, способная к бездиффузионному фазовому переходу и образованию столбчатых кристаллов различных видов.

Ключевые слова: бентонит, коллоиды, бездиффузионный фазовый переход, столбчатые кристаллы.

Abstract. It was found that in active colloidal suspensions of nanoparticles whose were prepared from bentonite and aqueous solution of NaCl, under certain experimental conditions, a system of high metastability is capable for diffusionless phase change and the formation of columnar crystals of various kinds.

Keywords: bentonite, colloids, diffusionless phase transition, columnar crystals.

Коллоидные суспензии занимают значительное место при решении многих технических и технологических задач. Этим обусловлен большой интерес и огромное внимание к ним ученых, работающих в различных направлениях современной науки. В последние годы заметно активизировались исследования активных коллоидов с частицами, имеющими анизотропную форму. Коллоидные суспензии называются активными, если они находятся в неравновесном термодинамическом состоянии. В таких системах возможны значительные изменения дисперсности наночастиц и характера их взаимодействия, влияющие на механизм формирования твердой фазы [1].

В работах [2–4] показано, что рост кристаллов может происходить не только слоисто-спиральным методом, т.е. присоединением одиночных атомов, ионов или молекул. В растворах высокое пресыщение на начальном этапе может быть снято образованием множества центров роста, которые затем ориентированно срачиваются. В [5–8] доказывается, что при высоких переохлаждениях расплавов возможен бездиффузионный фазовый переход, если скорость диффузии атомов ниже величины скорости перемещения границы раздела твердой и жидкой фаз. При этом образовавшаяся твердая фаза имеет такой же химический состав, что и исходный переохлажденный расплав. Следует отметить, что достижение высоких переохлаждений и наблюдение бездиффузионных фазовых переходов в расплавах является технически сложной задачей [5]. Возможно,

это одна из причин отсутствия в научной литературе работ, посвященных изучению этих процессов в растворах солей.

На основании изложенного в данной работе ставится задача: в суспензии с наночастицами бентонита, где дисперсионной средой является водный раствор соли NaCl, достичь высокого пресыщения, достаточного для бездиффузионного фазового перехода. Предполагается, что высокому пресыщению должны способствовать высокая вязкость коллоида и сродство между бентонитом и катионами натрия, выражающееся в том, что ионы натрия выступают наиболее эффективными обменными катионами, обеспечивающими сильную связь с наноструктурой этой глины и её высокую набухаемость.

Методика проведения эксперимента. В наших опытах использован наноструктурный материал – бентонит месторождения Катаяма (Чеченская Республика). Он состоит из пакетов толщиной ~1 нанометр, образованных двумя отрицательно заряженными слоями тетраэдров кремнезема и расположенным между ними слоем октаэдра глинозема. Такая конструкция требует наличия в межпакетном пространстве обменных катионов, которые необходимы для компенсации отрицательного заряда тетраэдрического слоя.

Для опытов природный образец бентонита отмучивали, подвергали активации при бентонитовом числе 15, измельчали на шаровой мельнице Retsch PM 100 (Германия). Далее готовили суспензию из водного раствора NaCl и тонкоди-

сперсного бентонита, который подвергали дальнейшему измельчению действием ультразвука, затем центрифугированием отбирали образцы различной дисперсности и концентрации наночастиц. Распределение частиц бентонита по раз-

мерам в водной суспензии определяли анализатором субмикронных частиц HORIBA (Япония). Для экспериментов отбирали суспензии, которым соответствуют одномодальные и симметричные гистограммы (рис. 1).

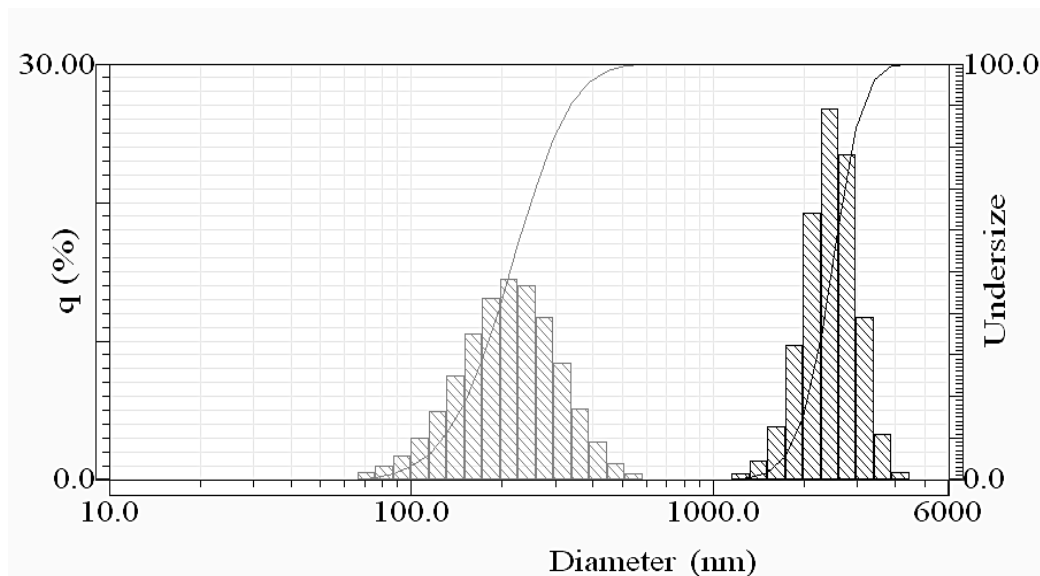

Рис. 1. Гистограммы образцов наночастиц бентонита

Минимальный размер частиц бентонита начинался с ~ 70 нм, а моды имели значения более 120 нм. Концентрацию частиц в суспензии оценивали через массу твердой фазы и параметр «Динамика», который определяется прибором HORIBA.

Таким образом, образцы активных коллоидов представляли из себя пробирки с суспензиями, где твердой фазой являются наночастицы бентонита известных размеров и концентраций, а дисперсионной средой – водный раствор NaCl заданной концентрации обменных катионов. Их располагали в камеру с постоянной температурой, давлением, влажностью и наблюдали за процессом испарения воды. Медленное испарение воды в атмосферу приводило к увеличению концентрации наночастиц бентонита и обменных катионов натрия в дисперсионной среде. Изменяющееся при этом ионное равновесие между дисперсионной средой и наночастицами бентонита восстанавливалось путем перехода части катионов натрия в межпакетную область, что обусловлено необходимостью компенсации отрицательного заряда тетраэдрического слоя. Процесс роста концентрации наночастиц и катионов на межпакетных поверхностях происходил в течение всего периода испарения воды и сопровождался набуханием и диспергированием частиц бентонита, а также увеличением количества катионов

натрия на единице площади поверхности твердой фазы. Наряду с этим в объеме коллоида происходило формирование геля, а на её поверхности – твердой корки. Со временем, по мере испарения воды, толщина корки растет, и на ней формируются микрокристаллы обменных катионов. Процесс завершается образованием на поверхности корки бентонита участков, из которых выходит, а иногда и выбрасывается набухший коллоид. Он быстро переходил в твердое состояние различной морфологии (внешнего вида).

Результаты и их обсуждение. На рис. 2а-г приведены фотографии твердых фаз, образованных вследствие выхода на поверхность образца набухшего коллоида. Выход этот может быть в виде взрывообразного выброса коллоида, вместе с коркой твердого слоя бентонита, от которого остались следы границ отрыва (рис. 2 а). Другой характер выхода набухшего коллоида представлен на рис. 2 б.

Видно, что по периметру столбчатых кристаллов наблюдаются разрушения поверхностной корки. Фрагменты этой корки сохранились также на вершинах некоторых кристаллов. На наш взгляд, частичный выход набухшего коллоида (рис. 2б) обусловлен невысоким давлением процесса набухания, а толщина столбчатых кристаллов определяется степенью метастабильности коллоида.

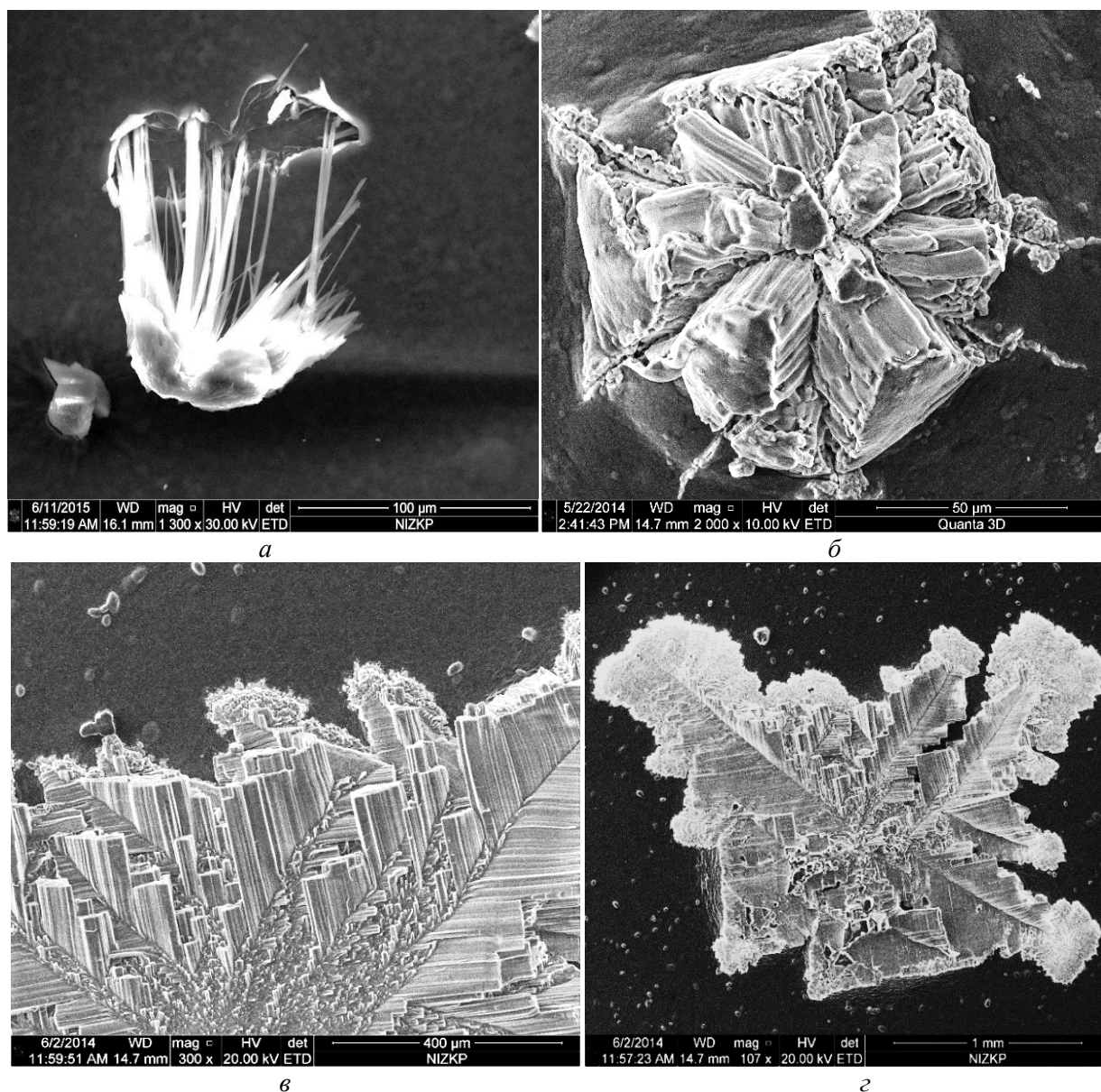

Рис. 2. Кристаллические фазы, полученные на поверхности опытных образцов при выходе набухшего коллоида

На рис. 2в, г представлены столбчатые кристаллы на почти плоской поверхности. Несложно заметить, что их рост происходил вдоль строго определенных направлений, и при этом формировались отдельные блоки кристаллов, расположенных относительно друг друга преимущественно под прямыми углами. Кроме этого, в центральной части рис. 2г формируются столбчатые кристаллы, перпендикулярные плоской поверхности, и их сечения заметны в виде темных точек или пятен. Очевидно, что в центре пересечения рядов столбчатых кристаллов на поверхность выходил пересыщенный по NaCl набухший коллоид, и на нем происходило зарождение и рост столбчатых кристаллов. Столбцы твердой фазы могут иметь формы сечений, свойственные кристаллам NaCl диффузионного роста, в том числе и квадратные

(рис. 3а, б). Однако твердая фаза в виде многих полос, представленная на рис. 2а, сформировалась за время удаления набухшего коллоида от поверхности образца, что не возможно при малых скоростях диффузионного роста кристаллов NaCl, имеющих порядок ~1 мкм/мин. Следовательно, на рис. 2а представлен бездиффузионный рост кристаллов в виде полос в направлении, противоположном вектору скорости полета коллоида.

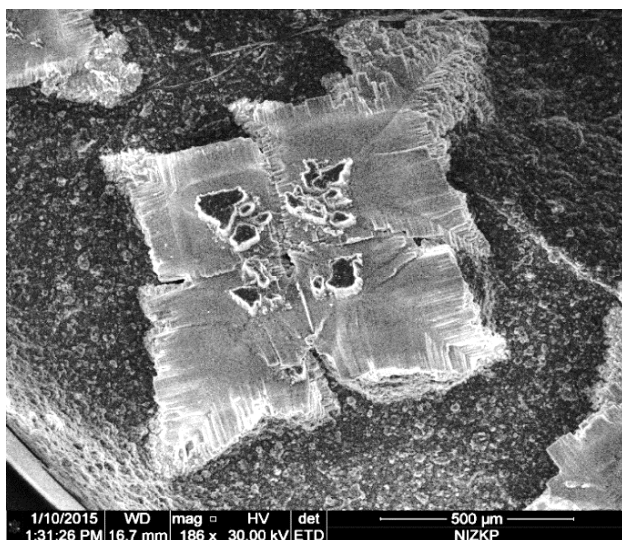
Обращает на себя внимание совершенство поверхностей столбчатых кристаллов и отсутствие на них классических признаков роста – слоев и ступеней, которые должны были обнаруживаться растровым электронным микроскопом QUANTA 3D (США) при больших увеличениях. Кроме того, диффузионный рост кристаллов по-

средством присоединения одиночных ионов, атомов или молекул должен приводить к периодическому скоплению примесей в твердой фазе. В нашем случае в роли примесей могли бы оказаться твердые частицы бентонита размерами сотни нанометров или различные обменные катионы. Однако исследование химического состава поверхностей столбчатых кристаллов, проведенное нами энергодисперсионным спектрометром EDAX, не обнаруживает периодического скопления каких-либо примесей.

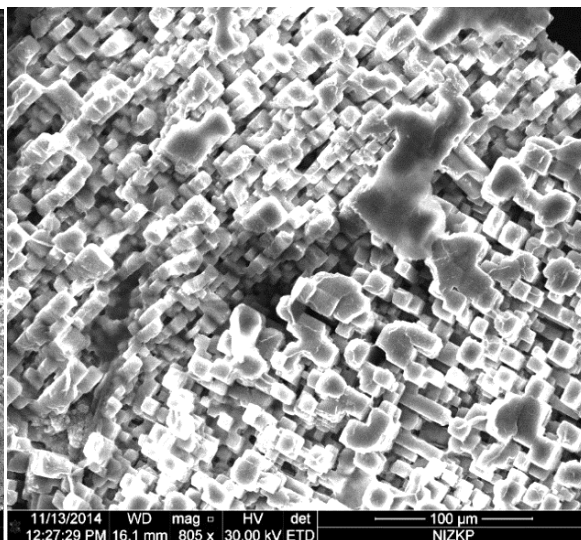
Как отмечено выше, в процессе испарения воды из коллоида происходит рост вязкости коллоида и концентрации катионов натрия, связанных определенным образом с наночастицами бентонита. Указанные два обстоятельства затрудняют образование центров кристаллизации и

создают условия для достижения высокого пересыщения коллоида по соли NaCl. Эта система, имеющая высокую степень метастабильности, в процессе набухания выбрасывается в атмосферу и способна к высокоскоростным, бездиффузионным фазовым переходам, обусловленным ориентационной перестройкой атомов, групп атомов и наночастиц бентонита. В глубоко переохлажденных расплавах подобный фазовый переход имеет скорость десятки метров в секунду, и при этом формируется такой же химический состав, что и исходный расплав [5–8].

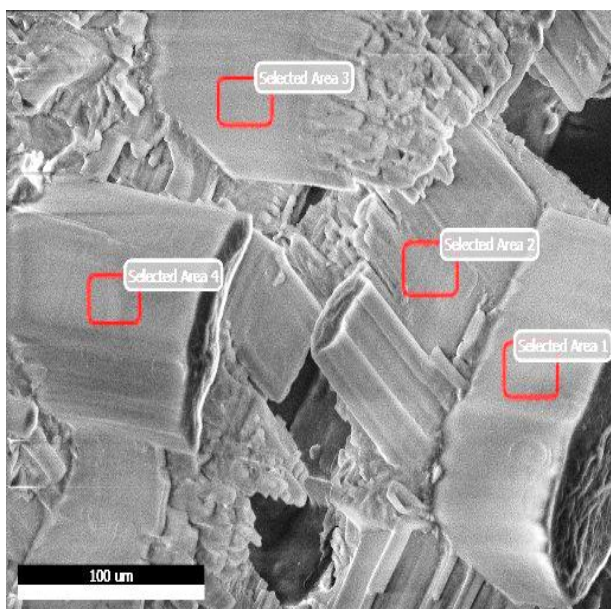
В работах [2–3] показано, что рост кристаллов в пересыщенных растворах возможен как вследствие объединения зародившихся кристаллических блоков, так и ориентированного сращивания наночастиц. Из наших экспериментов

а

б

в

Элементы	Весовые проценты			
	1	2	3	4
C	8.11	3.76	15.3	8.83
O	10.8	9.56	10.49	5.75
Na	34.13	38.66	25.33	31.85
Mg	0.68	1.33	0.2	0.24
Al	0.68	0.95	1	0.65
Si	0.27	0.33	0.36	0.2
Cl	44.81	44.53	46.9	51.89
K	0.06	0.2	0.04	0.07
Ca	0.24	0.39	0.1	0.22
Ti	0.06	0.09	0.09	0.12
Fe	0.1	0.11	0.11	0.1
Co	0.07	0.09	0.1	0.08

Рис. 3. Столбчатые кристаллы (а, б, в) и таблица их химического состава

следует, что при бездиффузионном фазовом переходе возможно ориентационное сращивание наночастиц различного химического состава и размерами до микрометра.

В наших опытах пока не удалось зафиксировать продолжительность процесса выхода коллоида на поверхность и стадии формирования твердой фазы. Это, видимо, связано с высокой скоростью этих процессов, т.е. набухшая гелеобразная фаза выбрасывается в атмосферу и немедленно переходит в твердое состояние различной морфологии. Морфология образовавшейся твердой фазы, на наш взгляд, в основном определяется пресыщением и степенью набухания, хотя не исключается влияние и других факторов.

На рис. 3а представлен участок, на котором произошел выход на поверхность и затвердевание небольшого количества набухшего коллоида. Видно, что образование твердой фазы началось с квадрата, и при диффузионном росте по классическому механизму оно должно было завершиться формированием кубического кристалла NaCl. Однако недостаток строительного материала – коллоида – привел к формированию столбчатых кристаллов вместо кубического. Поэтому встречается множество локальных разнонаправленных кристаллических образований, которые формировались с большой скоростью в условиях конкуренции за строительный материал. На это указывают также столбчатые кристаллы, расположенные перпендикулярно к квадратной горизонтальной плоскости в виде черных пятен (рис. 3а).

Таким образом, полученные экспериментальные результаты дают основание утверждать, что в активном коллоиде, состоящем из наноча-

стиц бентонита и раствора соли NaCl, формируется высокое пересыщение, которое способно к бездиффузионному фазовому переходу. Этот результат открывает возможности перед экспериментаторами для исследования процессов кристаллизации пересыщенных коллоидов. Следует так же отметить, что при этом твердая фаза имеет тот же химический состав, что и коллоид, вышедший на поверхность на данном участке. Об этом свидетельствуют результаты определения химического состава твердой фазы, представленные в таблице для четырех различных кристаллов (рис. 3в), полученных из одного и того же коллоида. Видно, что до 80% массы столбчатых кристаллов состоит из соли NaCl, остальное это наночастицы бентонита.

Заключение. В работе исследовано формирование столбчатых кристаллов в активных коллоидах, которые состоят из водного раствора NaCl и наночастиц бентонита.

Показано, что высокое сродство катионов натрия и наночастиц бентонита позволяет получить коллоид высокого пересыщения и набухаемости, который бездиффузионно переходит в твердую фазу подобно глубоко переохлажденным расплавам, сохраняя исходный химический состав.

Экспериментальные результаты показали, что морфология твердой фазы может иметь вид столбчатых кристаллов, на наш взгляд, это происходит вследствие расщепления в соответствии с симметрией исходного кристалла, направлением его скорейшего роста и интенсивности расщепления [9].

Полученные результаты могут быть использованы для создания новых материалов заданного состава и различных морфологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арансон И.С. Активные коллоиды // Успехи физических наук, 2013. Т. 183. №1. С. 87–101.
2. Иванов В.К., Федоров П.П., Баранчиков А.Е., Осико В.В. Ориентационное сращивание частиц: 100 лет исследования классического механизма роста кристаллов // Успехи химии, 2014. Т. 83. № 12. С. 1204–1222.
3. Линников О.Д. Механизм формирования осадка при спонтанной кристаллизации солей из пересыщенных водных растворов // Успехи химии, 2014. Т. 83. № 4. С. 343–364.
4. Юшкин Н.П. Теория микроблочного роста кристаллов в природных гетерогенных растворах. Сыктывкар: Изд-во Ин-та геологии КФ АН СССР, 1971.
5. Херлах Д., Голенко П., Холланд-Мориц Д. Метастабильные материалы из переохлажденных расплавов. М.-Ижевск, 2010. 481 с.
6. Galenko P., Sobolev S. Local nonequilibrium effect on rapid solidification of alloys // Physical Review E/1997. Vol. 55. № 1. P. 343–352.
7. Тарабаев Л.П., Есин В.О. Компьютерное моделирование морфологии и скорости роста кристаллов в условиях сверхбыстрого охлаждения расплава Fe-B // 2007. Металлы. № 6. С. 40–46.
8. Соболев С.Л. Влияние локальной неравновесности на высокоскоростное затвердевание бинарных сплавов // Журнал технической физики, 1998. Т. 68. № 3. С. 45–52.
9. Кантор Б.З. Минерал рассказывает о себе. М.: «Недра», 1985. 133 с.

ОСОБЕННОСТИ ГИДРОГЕНИЗАЦИИ ПОЛИКРЕМНИЕВЫХ ТОНКОПЛЕНОЧНЫХ ТРАНЗИСТОРНЫХ СТРУКТУР В ПЛАЗМЕННОМ РАЗРЯДЕ

© Г.А. МУСТАФАЕВ¹, А.Г. МУСТАФАЕВ², А.И. ХАСАНОВ³

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик

² Дагестанский государственный институт народного хозяйства, г. Махачкала

³ Чеченский государственный университет, г. Грозный

Аннотация. В работе показано, что плотность поверхностных состояний снижается при использовании эффекта Пеннинга и воздействии разряда ВЧ плазмы в процессе гидрогенизации. Использование плазменных реакторов является перспективным методом в технологии построения жидкокристаллических дисплеев на активной матрице. Показано, что при гидрогенизации в атмосфере чистого водорода наблюдается незначительное улучшение переходных характеристик.

Ключевые слова: эффект Пеннинга, ВЧ плазма, процесс гидрогенизации, активно-матричные жидкокристаллические дисплеи.

Abstract. The article shows that the density of surface states decreases when using the Penning effect and impacting the HF plasma discharge in the hydrogenation process. Using plasma reactors is a promising method in the technology of construction of liquid-crystal displays in the active matrix. It is shown that in the hydrogenation process there is a significant improvement of the transfer characteristics in an atmosphere of pure hydrogen.

Keywords: Penning effect, HF plasma, hydrogenation process, active-matrix liquid crystal displays.

Поликремниевые тонкопленочные транзисторы являются объектом большого интереса в связи с их использованием в активно-матричных жидкокристаллических дисплеях (AMLCD) и устройствах памяти [1–2]. Однако границы зерен и внутризерновые дефекты поликремниевых пленок сильно влияют на производительность тонкопленочных транзисторов. Исследования показали, что применение гидрогенизации высокоэффективно в устранении этих недостатков. Некоторые методы были использованы для проведения гидрогенизации, в том числе в плазменных реакторах диодного типа с плоскопараллельным электродом, в плазменных реакторах при условии электронного циклотронного резонанса. При гидрогенизации количество водорода, вводимого в поверхностный слой, зависит от времени обработки, а также от плотности ионов в плазме. С целью сокращения времени гидрогенизации в работе использовали плазмохимический реактор индуктивного разряда для получения источника плазмы водорода высокой плотности [3]. Для стимулирования ионизации водорода в процессе гидрогенизации в водородную плазму вводился аргон.

Были сформированы стандартные n-канальные поликремниевые транзисторы. Проводилась рекристаллизация 100-нм слоя аморфного кремния при 600°C в течение 24 ч. Подзатворный

диэлектрик SiO₂ толщиной 17 нм выращивают осаждением из жидкой фазы. После был сформирован поликремниевый затвор, области истока/стока, затворная композиция была легирована фосфором, методом ионов имплантации (5,5*10¹⁵ см⁻², 42 кэВ). Далее проводили активацию легирующей примеси при 600°C в течение 24 ч. Буферный слой толщиной 550 нм формировали методом плазмохимического осаждения из газовой фазы. Алюминиевые электроды были сформированы распылением при 400°C в течение 30 мин в атмосфере азота. Далее проводилась гидрогенизация в плазмохимическом реакторе индуктивного разряда при 55 мТорр и 650 Вт на частоте 13,56 МГц в течение 20 мин. Во время воздействия плазмы на подложке было плавающее смещение, подложкодержатель не нагревался. При воздействии на подложку в реакторе ионов и электронов её температура достигла 290 °C в течение 330 с. Доля Ag в составе плазмы – 0,3. Качественный состав плазмы был проанализирован с помощью масс-спектрометра.

Исследование показало, что при гидрогенизации в атмосфере чистого водорода наблюдается незначительное улучшение переходных характеристик. Это означает, что водородная плазма не может обеспечить достаточно эффективную плотность нейтрального или ионизированного водорода (H или H⁺) для пассивации. Для обеспе-

Таблица 1

Параметр	Обработка в H_2/Ag плазме	Контрольная пластина
Пороговое напряжение, В	2,2	4,3
Крутизна, В/дек	0,30	0,77
Подвижность, $cm^2 \cdot s^{-1}/V$	29,1	22,1
Ток включения, мкА	430	270
Плотность поверхностных состояний, cm^{-2}	$1,10 \cdot 10^{13}$	$2,70 \cdot 10^{13}$

чения достаточной для гидрогенизации плотности H или H^+ и повышения ионизации в плазме был введен аргон. Характеристики тонкопленочных транзисторов улучшились после обработки в H_2/Ag плазме, которые отображены в таблице 1.

В работе показано, что плотность поверхностных состояний снижается при использовании эффекта Пеннинга и воздействии разряда ВЧ плазмы в процессе гидрогенизации. Для дальнейшего повышения эффективности пассивации и надежности тонкопленочных транзисторов после

гидрогенизации проводился отжиг. Можно сделать вывод о том, что использование плазменных реакторов диодного типа с плоскопараллельным электродом и H_2/Ag плазмы для гидрогенизации является перспективным методом в технологии построения жидкокристаллических дисплеев на активной матрице.

Работа выполнена на кафедре компьютерных технологий и интегральных микросхем Кабардино-Балкарского государственного университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ohshima H. and Matsueda Y.* (1994), Poly-Si TFT and driver integration technology. Electron. Comm. Jpn. Pt. II, 77: 46–55.
2. *Matsumura H., Ohdaira K. and Nishizaki S.* (2010), Advantage of plasma-less deposition: Cat-CVD fabrication of a-Si TFT with current drivability equivalent to poly-Si TFT. Phys. Status Solidi C. 7: 1132–1135.
3. *Мустафаев Г.А., Мустафаев А.Г.* Разработка процесса формирования глубокой изоляции структур кремний на изоляторе // Нано- и микросистемная техника. № 1. 2009. С. 30–32.

УДК 93/94

ИНОСТРАННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

© С.А. ГАЙТАМИРОВА

Чеченский государственный университет, г. Грозный

Аннотация. В статье рассматривается вопрос привлечения иностранного капитала на Кавказ. Вопрос о конкретных масштабах присутствия иностранного капитала в Грозненской нефтяной промышленности является несколько сложным. Международными по масштабу своей деятельности были и крупнейшие русские объединения, имевшие интересы в Грозном – «Русская генеральная нефтяная корпорация» и «Нобель».

Ключевые слова: иностранное предпринимательство, Терская область, капитал, Кавказ, акционеры, Грозный, нефтяная промышленность.

Abstract. The article discusses the problem of attracting foreign capital to the Caucasus. The question on the specific scale of foreign capital in the Grozny oil industry is a little more complex. The largest Russian associations, such as “Russian General Petroleum Corporation” and “Nobel” had interests in Grozny.

Keywords: foreign business, Terek region, capital, Caucasus, shareholders, Grozny, petroleum industry.

Правительство Александра III приняло ком-промиссное решение: Правилами от 3 июня 1892 г. предусматривалось, что иностранные общества и евреи могут приобретать в пользование или собственность нефтеносные земли, но «не иначе, как с особого каждый раз разрешения министра государственных имуществ, по соглашению с министрами внутренних дел и финансов и с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе» [1, с. 24]. Как пишет Л.Е. Шепелев, приблизительно с 1893 г. появилась программа индустриализации России. Реализовать ее предполагалось с помощью протекционистской системы и путем привлечения иностранного капитала [2, с. 120–165]. Ведущую роль в разработке и реализации программы сыграл министр финансов С.Ю. Витте. В докладной записке государю С.Ю. Витте писал: «Если страна не богата собственными капиталами, а в них настоятельно нуждается и государство, и промышленность, то нет другого выхода из такого положения, как привлечение капиталов из-за границы» [3, с. 135]. С.Ю. Витте прекрасно понимал противоречивые последствия такой политики, возможность оказаться в определенной зависимости от иностранного капитала, необходимость платить за инвестиции высокую цену. Он писал: «Действительно, иностранные капиталы привлекаются

высокой доходностью предприятий у нас; но, очевидно, что не будь такой доходности не существовало бы и побуждения к перемещению капиталов, тем более что создание предприятий всегда, а в незнакомой стране – в особенности связано с риском и многие из иностранных предпринимателей платятся иногда за этот риск полной потерей капитала... Ничто в мире не дается даром, и, чтобы создать свою промышленность, страна должна нести известные жертвы; но эти жертвы временные, и, во всяком случае, ниже тех выгод, которые достигаются широким применением народного труда и разработкой естественных богатств страны за счет иностранных капиталов» [4, с. 140–142].

Однако в стране были и влиятельные противники широкого привлечения иностранных капиталов на Кавказ. Военный министр генерал А.Н. Куропаткин в ноябре 1898 г. писал: «Я не сторонник слишком спешного развития промышленности в казачьих владениях за счет, особенно, иностранных капиталов и при помощи иностранцев и евреев. Лучше позже, но, чтобы разработка естественных богатств в казачьих областях осталась в русских руках. Так лучше и для государства, и для казачьих интересов» [5]. Эта позиция Куропаткина была сообщена, в частности, начальнику Терской области и наказному атаману Терского

казачьего войска С.В. Каханову, который не поддержал мнение министра, обращая внимание на то, что «...опыт последнего времени указал, что только при их (иностранных капиталов. – Авт.) участии тот или другой промысел ставится наиболее рациональным способом и увеличивается его производство» [6].

1 мая 1899 г. Особое совещание высказалось в пользу широкого допуска английских капиталов в бакинскую нефтяную промышленность. Такая позиция правительства отразилась и на отношении к английским капиталам в грозненской нефтяной промышленности. 27 мая 1899 г. А.Н. Куропаткин откорректировал свои прежние взгляды, он предложил Главному управлению казачьих войск: «Во всех случаях по допуску иностранных капиталов в казачьих областях действовать строго на основании существующих законоположений, руководствуясь Высочайшей волей, последовавшей после обсуждений вопроса об иностранных капиталах в Особом совещании. Иных тормозов, кроме указанных в законе, проникновению иностранных капиталов в казачьи земли не ставить» [7].

В Грозный устремились зарубежные капиталы – напрямую, устанавливая схемы финансового контроля. Каков был удельный вес иностранного капитала? Установить это всегда было непросто, так как капитал в отрасли почти целиком был акционерным, следовало внимательно изучать и анализировать списки акционеров. Именно ссылаясь на анализ списка акционеров, С.И. Потолов оценил долю бельгийского капитала в обществе «И.А. Ахвердов и К» в конце 1898 г. в 94%, а русскую – в 6% [8, с. 112].

Для фирмы Ахвердова, которую с середины 1890-х гг. называли бельгийской, это, видимо, вполне достоверное соотношение капиталов. Но было ли оно характерно для грозненской нефтяной промышленности в целом? В 1905 г. известный геолог И.Н. Стрижов писал: «Настоящих хозяев грозненского дела в Грозном увидеть трудно. Это большей частью иностранцы, петербуржцы, москвичи» [9, с. 104]. Таким образом, современник фиксирует, что наряду с иностранцами немалую роль играли и русские столичные капиталы. Абсолютного доминирования иностранных капиталов, как это следует из текста Стрижова, в Грозном не было.

Вопрос о конкретных масштабах присутствия иностранного капитала в Грозненской нефтяной промышленности (как и в нефтепромышленности России в целом) является весьма сложным. Большое влияние на подсчеты доли иностранно-

го капитала раньше оказывали партийные установки: официальное объявление России «полукOLONией Запада» подталкивало некоторых ученых к завышению доли иностранного капитала. Но и чисто технически рассчитать, насколько та или иная компания была русской, а насколько – иностранной, оказывается очень сложно. Л.Н. Колосов полагал, что «полное представление о составе капитала той или иной фирмы могли бы дать списки лиц, обладавших большей частью акций предприятий, т.е. списки главных акционеров и библиографические данные об этих людях» [10, с. 65]. То есть самих по себе данных о гражданстве или подданстве еще недостаточно, их следует внимательно проанализировать. А что делать, если ценная бумага не именная? Еще в 1907 г. журнал «Нефтяное дело» писал: «Точно подсчитать сумму денег, вложенных англичанами единолично или в виде акционерных компаний с отделениями за границей в русские нефтепромышленные предприятия, почти невозможно» [11, с. 358].

В начале века «Англо-Русское Максимовское общество» по национальной принадлежности капитала было русским, но название компании вводило в заблуждение. И В.С. Зив, и Л. Эвентов включали его в число иностранных [12, с. 21–22, 33]. Достоверно известно, что это не так. Так, в 1910 г. на заседании Терского отделения Русского технического общества отмечалось, что «Англо-Русское Максимовское общество» было обществом «с самым ничтожным участием иностранцев, денежное значение которых, с течением времени, не увеличивалось, а уменьшалось» [13, с. 8]. По мнению М.А. Коха и П.В. Оля, в 1912 г. в Грозненском районе капитал всех нефтяных компаний составлял 22993 тыс. руб., при этом русским предпринимателям принадлежал капитал величиной лишь в 2760 тыс. руб. [14, с. 33]. Доля русского капитала (всего 12%) явно занижалась. Как обратил внимание еще И.Ф. Гиндин, методология подсчетов доли русского и иностранного капитала Олем не раскрывалась; Оля устанавливал только сам факт участия иностранного капитала, а как определялись его размеры, Оля не сообщал [15, с. 395].

Л. Эвентов полагал, что в начале века «С.-Петербургское нефтепромышленное общество» («СПЕНО») принадлежало английскому капиталу, В. Зив считал его французским. На наш взгляд, гораздо более аргументированной является позиция Л.Н. Колосова, доказывавшего, что, во всяком случае до 1910 г., «СПЕНО» было русской фирмой из Максимовской группы [10,

с. 123–124]. Как считает Л.Н. Колосов, к началу 1903 г. следующие грозненские нефтяные компании можно отнести к русскому капиталу:

- «Англо-Русское Максимовское общество»;
- «С.-Петербургское нефтепромышленное общество»;
- «Первое Грозненское нефтепромышленное товарищество»;
- «Челекено-Дагестанское товарищество»;
- «Алхан-Юртовское нефтепромышленное общество»;
- «Общество Владикавказской железной дороги» (в объеме вложений в 1 млн. руб.);
- заводы «Успех» и «Надежда».

Таким образом, всего на русские капиталы в 1903 г. приходилось 34% – 7698800 руб., из совокупных капиталов грозненской нефтяной промышленности в 22671625 руб. [10, с. 132]. К бесспорно русским предприятиям следует отнести нефтеперерабатывающий завод, принадлежавший Владикавказской железной дороге, а также находившиеся в ее собственности нефтехранилища, нефтепроводы, насосные станции и т.д. В 1912 г. Владикавказская железная дорога приобрела свои нефтепромыслы.

В начале 1914 г. газета «Грозненские новости» сообщала: «Высочайше утвержден журнал совета министров по вопросу об объединении нефтепромышленных фирм Путилова, Англо-Русского Максимовского, Петербургского и Первого Грозненского в одно акционерное С.-Петербургское общество. Иностранцы к управлению делами этого общества допускаются в незначительном числе, евреи вовсе устранены» [16, с. 2]. По оценке, опубликованной в 1994 г. А.И. Хасбулатовым, перед Первой мировой войной в Грозненской нефтяной промышленности 45,1% капитала приходилось на английский и голландский, 27,2% – на русский, 28,1% – на французский и бельгийский [17, с. 74].

Нефтяные капиталы в изучаемый период принадлежали преимущественно отнюдь не жителям Терской области, которая стала крупной сферой приложения международного капитала. Международными по масштабам своей деятельности были и крупнейшие русские объединения, имевшие интересы в Грозном – «Русская генеральная нефтяная корпорация» и «Нобель».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Наниташвили Н.Л.* Экспансия иностранного капитала в Закавказье (конец XIX – начало XX вв.). Тбилиси, 1988.
2. *Шепелев Л.Е.* Новый источник для изучения торгово-промышленной политики царского правительства в конце XIX в. // Актуальные проблемы архивоведения и источниковедения. Ч. 2. М., 1983.
3. Докладная записка Витте Николаю II Февраль 1900 г. // Историк-марксист. 1935. №2–3. С. 135–142.
4. *Витте С.Ю.* Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. СПб., 1912.
5. РГВИА. Ф. 4/л/. Оп. 65. Д. 99. Л. 1.
6. РГВИА. Ф. 4/л/. Оп. 65. Д. 99. Л. 22.
7. РГВИА. Ф. 4/л/. Оп. 65. Д. 99. Л. 6.
8. *Потолов С.И.* Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893–1903 гг.). М., 1932.
9. *Стрижов И.Н.* Грозненское нефтяное дело // Русская мысль. 1905. Кн. 12.
10. *Колосов Л.Н.* Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893–1917 гг.). Грозный, 1962.
11. Нефтяное дело. 1907. №5. С. 358–395.
12. *Зив В.С.* Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. Пг., 1916; *Эвентов Л.* Иностранный капитал в нефтяной промышленности России. М.-Л., 1925.
13. Труды Терского отделения Русского Технического общества. Вып. IV. Грозный, 1910.
14. *Кох М.А., Оль П.В.* Нефтяная промышленность // Богатства СССР. Вып. 1. М., 1925.
15. *Гиндин И.Ф.* Русские коммерческие банки. М., 1948.
16. Грозненские новости. 1914. №30.
17. *Хасбулатов А.И.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX – начало XX в.). М., 1994.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И УРОКИ

© Ш.А. ГАПУРОВ, Т.И. ГАЦИЕВА, А.М. СУГАИПОВА

Академия наук Чеченский Республики, г. Грозный

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы о причинах, хронологии и содержании Кавказской войны. Особое внимание уделено итогам и урокам Кавказской войны. Отмечается, что главным уроком этой войны стало понимание того, что возникающие на Кавказе проблемы надо решать политическими средствами.

Ключевые слова: Кавказская война, Россия, Чечня, горцы.

Abstract. The article considers the controversial questions on the causes, chronology and content of the Caucasian War. Particular attention is paid to the results and lessons of the Caucasian War. The main lesson to be learned from this war is that all the problems in the Caucasus should be solved by political means.

Keywords: Caucasian war, Russia, Chechnya, the mountaineers.

В 2014 г. исполнилось 150 лет со дня окончания Кавказской войны XIX в. (1818–1864 гг.) – самого затяжного и длительного военного конфликта на территории России. Она была страшной трагедией для всех вовлеченных в войну сторон, сопровождалась большими человеческими жертвами, страшными разрушениями (прежде всего для горской стороны). Дискуссии и споры (далеко не всегда научного характера) о причинах, хронологии, содержании и главное – об уроках Кавказской войны – продолжают по сегодняшний день. В данной работе нам бы тоже хотелось немного порассуждать об итогах и уроках этой войны. Правда, речь будет идти прежде всего о Чечне и ее месте в Кавказской войне.

С середины XVI в., в силу взаимной заинтересованности, Россия и Чечня начали устанавливать политические и экономические отношения. Формально, по царским грамотам, подписываемым взаимным документам, считалось, что Россия устанавливала в Чечне подданнические отношения. Но фактически эти отношения вплоть до последней трети XVIII в. носили характер военно-политического союза. С конца же XVIII – начала XIX в. Россия начала устанавливать в Чечне свою административную власть. Начала включать этот регион в свою, российскую административную систему. Чечня стала частью Кавказского наместничества. Однако, если в равнинной Чечне с 1807 г. была создана российская административная власть (при этом учитывались и пожелания местных обществ), то горная часть Чечни оставалась вне контроля России. При этом хотелось бы подчеркнуть одно: вряд ли можно, без оговорок, говорить о том, что с начала XIX в. Чечня стала колонией России. Взаимоотношения метрополии

и колонии носили несколько иной характер, чем система российско-чеченских отношений конца XVIII – начала XIX в. Когда российская администрация в конце 1818 г. попыталась установить в Чечне колониальные порядки, чеченцы подняли вооруженное восстание.

Разумеется, на длительном пути развития российско-чеченских отношений в XVI–XVIII вв. были и сложности, и конфликты, и проблемы. Но все они разрешались без длительного кровавого противостояния, когда обе стороны демонстрировали готовность к компромиссам.

Кавказская война не была борьбой горцев против их присоединения к России. И чеченцы, и остальные народы Северного Кавказа с XVI в. стремились к военно-политическому союзу, а затем и к государственному единству с Россией, хотя в каждом регионе Северного Кавказа этот процесс протекал по-своему.

Кавказская война была вызвана (и это, на наш взгляд, главная её причина) стремлением кавказского наместника А.П. Ермолова (а позже и его преемниками) установить в крае жёсткую российскую власть (причём в кратчайшие сроки) военными, силовыми методами, с грубым вмешательством российской администрации во внутреннюю жизнь горцев. Та система власти, которую пытался на Северном Кавказе создать А.П. Ермолов, была очень близка к колониальным порядкам. Да и действовал он в крае как жестокий колонизатор, совершенно не учитывая особые отношения, которые с XVI в. сложились у России с горскими народами, особенно с чеченцами. Ведь писал же он издевательски, что на Северном Кавказе нет горского общества, которое не хотело бы быть союзником России и отправить посольство

в Петербург. А сам пытался показать горцам, что они не союзники, а колониально-подданные. В ответ в 1818 г. сперва чеченцы, а затем дагестанцы и кабардинцы подняли вооруженное восстание против российской власти в ермоловском варианте. По мере развития восстания оно превратилось в мощное народно-освободительное движение, направленное уже на создание независимого горского государства. И в период Кавказской войны события развивались по известному закону истории: в любом народном движении по мере его продолжения, роста жертв происходит радикализация. В начале Кавказской войны ещё нет лозунгов о создании самостоятельного горского государства: они появятся значительно позже.

На наш взгляд, Кавказская война началась в 1818 г., со строительства крепости Грозная. Не потому, что была построена эта крепость. Строительство этой крепости было началом выполнения программы (плана) А.П. Ермолова по установлению на Северном Кавказе в кратчайшие сроки (в течение 2–3 лет) твёрдой российской власти силовыми методами, при беспрекословной покорности населения. С порядками как в крепостнической России. Этот план Ермолова был разработан им в ноябре 1817 г., дополнен весной 1818 г. Царь утвердил его в марте 1818 г.

Чечня находилась в эпицентре Кавказской войны. Именно она оказала наиболее упорное и организованное сопротивление российским войскам. Не потому, что чеченцы были такими уж упертыми противниками России. Дело было в другом. С 1819 г. (с небольшим перерывом в 1826–1830-х гг.) чеченская равнина ежегодно подвергалась постоянным нападениям российских войск. На этой равнине трудно было найти селение, которое не уничтожилось бы в год по несколько раз, с запасами сена, продовольствия. Подобной тактикой российская кавказская администрация пыталась, во-первых, лишить Шамиля продовольственной базы (ополчение или армию имама кормила в основном Чечня); во-вторых, покорить чеченцев угрозой голода. «Оголодить» – как тогда говорили. В результате Чечня понесла огромные людские потери (больше других регионов Северного Кавказа): от голода, болезней и нападений российских войск на чеченские населённые пункты. В начале XIX в. в Чечне проживало около 150 тыс. человек. Через 60 лет, после окончания Кавказской войны, здесь проживало ровно столько же. За 60 лет население Чечни не увеличилось нисколько. Понятно, что каждый карательный поход в Большую и Малую Чечню

приводил лишь к ужесточению сопротивления чеченцев. Получался страшный, кровавый, замкнутый круг: ультимативная, репрессивная политика кавказской администрации в Чечне с 1818 г. породила вооруженное сопротивление чеченцев; российская власть ответила на это ужесточением репрессий, регулярными карательными походами. Это, в свою очередь, порождало новое недовольство, новое озлобление у населения Чечни. Сопротивление становилось все более массовым и ожесточенным.

В 1840-е гг. Чечня стала ареной ожесточенных военных действий, когда российское командование пыталось подавить восстание только силовыми методами. Однако после Даргинской трагедии 1845 г. российское командование решило внести коррективы в свою военно-политическую тактику в регионе [1, с. 51]. Шамиль одержал целый ряд побед над российскими войсками, создал своё теократическое государство – имагат. Это был период, когда российское командование явно не могло найти верную тактику в борьбе с восставшими горцами. Существующая тактика – набег и экспедиции вглубь дагестанских и чеченских гор – не приносила успехов. Новая тактика ещё не была выработана. Даргинская трагедия убедила и Петербург, и кавказское командование в необходимости срочного поиска новых методов для подавления народно-освободительного движения горцев Дагестана и Чечни. С конца 40-х гг. XIX в. российское командование переходит к «методичному и системному покорению» Северо-Восточного Кавказа – строительству новых укрепленных линий, которые переносятся к самому подножию гор (например, Передовая Чеченская линия, которая шла вдоль подошвы Чёрных гор – Ачхой, Воздвиженское, Куринское до Хасав-Юрта), основание казачьих станиц по Сунже, активная рубка просек, закрепление (путём строительства так называемых «временных укреплений») на занимаемых территориях, лишение жителей имамата всех средств существования (путём уничтожения аулов, посевов, угона скота, создания в целом «выжженных зон»), переселение непокорного населения на подконтрольные российским властям территории на равнине и вблизи российских укреплений.

Одновременно, с начала 1850-х гг., начинается кризис внутри имамата. Это теократическое государство было создано имамом Шамилем на эгалитарных принципах ислама. Безусловно, Шамиль совершил настоящую социальную революцию, введя шариат вместо адатов. Осуществление этой задачи в условиях Северо-Восточного

Кавказа и особенно в горных районах Чечни было чрезвычайно сложным делом. Ислам к концу первой четверти XIX в. не успел ещё пустить здесь глубокие корни, и вековые адаты занимали весьма важное место в общественной жизни горцев. Попытки утвердить шариат наталкивались здесь на противодействие сил, поддерживающих адаты. Причём поддержка эта скорее была неосознанной и нецеленаправленной: просто горцы в массе своей на этнопсихологическом уровне продолжали придерживаться древних традиций и устоявшихся стереотипов. Шариат же имел целый ряд преимуществ перед адатом. Он отличался сакральностью, так как воспринимался мусульманами как закон божественной справедливости. В отличие от узкоместных адатов, иногда не совпадавших даже в пределах одного этноса, шариат был более универсален и этим способствовал централизации государственного управления и складыванию общих гражданских начал у разных народов, проживавших в имамате. Введение шариатских норм значительно сократило ущерб, приносимый кровной мезью, а сокращение размера калыма намного улучшило демографический климат. Личные права женщин и права собственности крестьян шариат защищал более твёрдо и последовательно, нежели адат.

Шариат и основанные на нём законы играли серьёзную роль в освободительном движении горцев и составили правовую базу государственной системы имамата и значительно изменили политико-правовое сознание горцев. Однако самым эффективным методом во многих отношениях оказывалась декларация принципа равенства всех мусульман перед Аллахом и шариатом, независимо от социального статуса, имущественного положения и занимаемой должности. А принцип равенства был основополагающим моментом в миропонимании горца, не «испорченного» ещё необходимостью подчинения государственным законам. Жители «вольных обществ» Дагестана и Чечни понимали принцип «Пусть все будут бедными, но равными» в буквальном смысле этих слов. Правда, тут следует сделать оговорку. Проблема социального равенства была более острой, и, следовательно, актуальной, для Дагестана с его относительно развитыми феодальными отношениями, чем для Чечни, где феодальные отношения несколько «запаздывали» в своем становлении. В Чечне более актуальной была задача борьбы за независимость. Это очень верно заметил один из дореволюционных авторов. Шамиль, отмечал он, «позвал народ на борьбу уже не во имя газавата, а во имя давно желанного слова – равенства. В лице

Булач-Хана он уничтожает последнюю отрасль аварской владетельной фамилии, отнимает все привилегии у беков и вводит полное равенство. С этой стороны Шамиль становится популярным в Дагестане и число его сторонников быстро растёт. Успех в борьбе с русскими еще более усиливает его влияние и слава о Шамиле доходит до Чечни, которая тоже признаёт его имамом. Но в Чечне существует полное социальное равенство. Следовательно, для чеченца Шамиль нужен не только как апостол равенства, но как опытный вождь в борьбе» [2, с. 72].

Общие закономерности общественно-экономического развития уже к началу 1850-х гг. неизбежно стали превращать имамат Шамиля в феодальное государство, правда, со своими особенностями. Наибы и другие «чиновники» имама стали превращаться в обычных феодалов. А это было неприемлемо и нетерпимо для свободных общинников Дагестана и Чечни. Особенно для Чечни, где уже были традиции борьбы с зарождающейся феодальной властью. Уже к середине 1850-х гг. «новые» феодалы (светские и духовные) в сознании чеченцев стали ассоциироваться с властью и именем Шамиля. Очень образно писал об этом С. Фарфоровский: «Скоро наступает суровая действительность. Гнет наибов и мюридов становится для привыкших к свободе чеченцев более и более невыносимым. Сам Шамиль отступает от своей первоначальной идеи. Он хочет солдат превратить в монахов. Чеченцам же нужен вождь, а не мулла. О равенстве не стало и речи. Там, где оно было, Шамиль стремится его уничтожить, вводя теократическое начало» [2, с. 72]. Этот фактор, наравне с усиливающимся давлением царских войск, и привёл постепенно к ослаблению сопротивления чеченцев российской власти.

Говоря о завершении Кавказской войны, следует указать и на такой момент: победа в ней для российской стороны была в определённой степени обеспечена изменениями, которые стали ответом российских войск на военные, культурные и природно-климатические реалии этого региона. Совмещение преимуществ регулярной армии с боевыми достоинствами партизанских действий, приспособление тактики и снаряжения к местным условиям, усвоение войсками Кавказского корпуса не только боевых приёмов горцев, но и элементов туземной военной культуры – все это способствовало завершению войны: возрастала эффективность действий армии, произошло «сближение» знаковых систем обеих сторон, которые стали лучше понимать друг друга [3, с. 66].

С 1818 г., с момента перехода А.П. Ермоловым реки Сунжа, началось утверждение российской власти в Чечне силовыми, чрезвычайно жестокими методами. Регулярно совершались карательные экспедиции против чеченцев, уничтожались аулы и продовольственная база, устанавливалась военно-экономическая блокада чеченских районов. Это вело к огромным потерям среди мирного чеченского населения, вынужденного постоянно скрываться в лесах из-за нападений российских войск. Все это привело к невиданному по силе сопротивлению чеченцев. Оно было вызвано не особой воинственностью и «дикостью» чеченцев: большинство из них с XVIII в. стремилось найти приемлемые формы сосуществования с Россией и вовсе не было против признания российской власти. Но при сохранении определённой автономии внутри Российского государства. Однако начиная с ермоловских времен подобное было абсолютно неприемлемо для российских властей. Они требовали безусловной покорности от чеченцев, не предлагая взамен ничего приемлемого для горцев. И самое главное, на деле не гарантируя неприкосновенности их земли, обычаев, традиций.

С начала 50-х гг. XIX в. сопротивление чеченцев российским властям начинает ослабевать. Отдельные чеченские наибы начинают переходить на сторону России. Целые селения, не желая продолжать вооруженную борьбу, переселяются на подконтрольные российским властям территории. Причиной тому стал целый ряд факторов: надвигающаяся угроза полного уничтожения народа, безмерная усталость от долгой, бесконечной войны и т.д. Н.И. Покровский, рассуждая о причинах поражения горцев в Кавказской войне, в качестве таковых называл: отречение предводителей движения от первоначальной программы, произвол и лихоимство чиновников имамата и узденской верхушки, истощение крестьянских масс в ходе продолжительной войны. По мнению Н.И. Покровского, в ходе войны все более и более вскрывались противоречия, существовавшие подспудно с самого начала движения, перешедшие затем в открытые выступления против имамата. Одновременно с растущим недовольством крестьянских масс усиливались и разногласия в правящих кругах, которые особенно обострились в начале 50-х гг. XIX в. [4, с. 25].

Но, на наш взгляд, были тут и факторы другого порядка.

В силу особенностей общественно-экономического развития чеченцы, по нашему мнению, в отличие от кабардинцев, большей части

дагестанцев, не были в XVIII и в первой половине XIX в. готовы к восприятию государственных институтов. Тут факторы и социального, и психологического характера. Чеченцам присуще гипертрофированное чувство свободолюбия и индивидуализма. В XVII–XVIII вв. чеченцы многократно восставали против инонациональных (кабардинских и дагестанских) феодалов, пытавшихся подчинить их своей власти. Крупнейшее такое восстание, подавленное крайне жестоко царскими войсками, относится к середине XVIII в. То, что чеченцы в 1840 г. признали Шамиля имамом Чечни, – «заслуга» царских генералов, которые крайне жестокими и бездарными методами пытались установить российскую власть над ними. Недовольство против царских колониальных порядков среди чеченцев на рубеже 30–40-х гг. XIX в. было настолько сильным, что они безоговорочно приняли в 1840 г. и власть Шамиля (который к тому времени пользовался огромным авторитетом на Северо-Восточном Кавказе), и идеологию мюридизма.

Но к началу 1850-х гг. настроения в чеченском обществе начали меняться. Освободительной войне против России не было видно конца, победа в ней становилась все более призрачной, население несло огромные потери. А власть дагестанских наибов и в целом власть Шамиля становилась для чеченцев все более тягостной. Чеченцы приняли эту власть во имя освободительных целей. Но теперь, в начале 1850-х гг., было очевидно, что они оказались невыполнимыми. И тогда чеченцы стали выступать против власти имама. Хотя выбор и был небольшой: или власть имама с перспективой бесконечной войны, или российская власть с надеждой, что она учтёт свои предыдущие ошибки и будет лучше, чем при Пулло. Во всяком случае, Воронцов и Барятинский в своих воззваниях обещали изменения к лучшему: уважение к горским обычаям, традициям, религии, неприкосновенность земельной собственности. А чеченцы, увы, очень легковверны. Когда горцев обманули в очередной раз, вспыхнуло новое крупное восстание в Дагестане и в Чечне в 1877 г. Эту ситуацию, в которой оказались горцы в середине XIX в., отразил в свое время Н.А. Дობролюбов: «Управление Шамиля казалось тяжело для племен, непривыкших к повиновению, а выгод никаких от этого управления они не находили. Напротив, они видели, что жизнь мирных селений, находящихся под покровительством русских, гораздо спокойнее. Следовательно, им представлялся уже выбор – не между свободой и покорностью, а только – между покорностью Ша-

милю, без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским, с надеждою на мир и удобства быта. Само собою разумеется, что рано или поздно выбор их должен был склониться на последнее» [5, с. 155]. В начале XX в. мнение, близкое к выводам Н.А. Добролюбова, высказывал и М.Н. Покровский: «...Чечня восстала против русских не для того чтобы променять один деспотизм на другой. Она готова была временно подчиниться военной диктатуре Шамиля – но для государства мюридов с его своеобразной пуританской дисциплиной сравнительно зажиточная и мало склонная к аскетизму Чечня представляла плохую почву. Режим Шамиля с его наивами здесь невольно наводит на воспоминания о режиме Кромвеля и его генерал-майоров, подготовившем в Англии XVIII в. антиреспубликанскую и антипуританскую реакцию.

«...За каждую попытку сопротивляться власти имама или даже просто уклониться от исполнения его приказа вина виновная семья или целый аул подвергались военной экзекуции – своего рода драгонде: к ним ставили на постой дагестанские войска. Этот последний прием придавал власти Шамиля над Чечней характер форменного иноземного господства, и чеченцам оставалось выбирать, что лучше – быть ли под властью русских или под игом лезгин. ...Пока русская опасность была близка, а русский гнет в свежей памяти, этот режим еще переносился – с глухим ропотом, но без открытого протеста. Но старая неволя быстро сглаживалась в памяти...». С начала же 50-х гг. XIX в. «все большее и большее количество чеченцев перебегает от Шамиля к русским, предпочитая спокойную зависимость вечной тревоге жителей «немирной» Чечни» [4, с. 68–71].

В том, что чеченцы в середине XIX в. постепенно переставали поддерживать власть Шамиля, была и другая причина. Первоначально, разделив Чечню на наибства, в качестве наибов Шамиль назначал мухаджиров – лиц нечеченского происхождения, считая, что они, не обладая там родственными связями, будут проводить более жесткую политику и не считаться с местными обычаями. Переселявшимся в Чечню дагестанцам Шамиль выделял участки из общинных владений, разрешал им также покупать и арендовать землю. Значительные угодья он отводил под базу, обеспечивавшую снабжение войск. В дальнейшем треть чеченских земель была им передана мухаджирам. Чеченцы были против такой политики. В ответ зачинщики подвергались смертной казни, а жители непокорных деревень расселялись по другим общинам [6, с. 144].

В чеченском обществе с конца XVI в., и даже в первой половине XIX в., в разгар Кавказской войны, всегда были определенные силы, которые, несмотря ни на что, ориентировались на Россию [7, с. 28]. Притеречные чеченцы стремились жить в мире с царскими властями, имели тесные экономические и куначеские отношения с казаками, среди которых у них были и прямые родственники (ведь терско-сунженское казачество в XVI–XVII вв. формировалось не только из русских, но и из представителей горских народов). В тот период жены большинства казаков были из горянок. Даже в период всеобщего восстания в Чечне в 1840 г. далеко не все притеречные чеченцы присоединились к Шамилю. Начиная с ермоловских времён чеченцы верно служили России, воюя, наравне с русскими солдатами, против своих «немирных» соотечественников. Многие чеченцы служили лазутчиками русских властей и проводниками для их войск. Правда, тут мотивы могли быть разные, в том числе и корысть. М.Я. Ольшевский отмечал по этому поводу: «...Лазутчиков и проводников можно было всегда находить не только между «мирными чеченцами», то есть жившими возле наших укреплений, но и среди неприятеля, охотно посещавшего наши укрепления. ...Под опасением смерти чеченцы доставляли самые положительные сведения о намерениях своих собратий и были самыми надежными проводниками для наших отрядов, при нападении не только на соседние аулы, но и на те из них, в которых жили их друзья и даже близкие родственники» [8, с. 68].

Любая война – это ненависть, кровь, жестокость. Все это было и в Кавказской войне. Но в ней была и одна особенность, порождённая, по нашему убеждению, предыдущими (до начала XIX в.), преимущественно мирными, взаимоотношениями русских и горцев – уважением достойных противников друг к другу. Горцы с уважением относились ко многим русским военачальникам, не замеченным в бессмысленных жестокостях. К Паскевичу, Барятинскому, ко многим русским офицерам низшего звена. М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, очень многие декабристы имели друзей среди горцев. И многие русские офицеры и генералы, участники Кавказской войны, с уважением отзывались о своих противниках-горцах. Так, генерал-лейтенант Галафеев, командовавший боем на реке Валерик 11 июля 1840 г. (боем, вошедшим в историю Кавказа и в историю мировой литературы благодаря таланту М.Ю. Лермонтова), писал в реляции Николаю I: «Должен отдать также справедливость чеченцам. Они исполнили

все, чтобы сделать наш успех сомнительным. И нам остается вдвойне понять, почему в старину поле боя именовалось полем чести» [9, с. 29].

Наблюдение за сегодняшними политическими событиями в России, за теми процессами и течениями, которые разворачиваются в российском обществе, приводит к печальному выводу, что тема Кавказской войны ещё, видимо, долго будет оставаться актуальной, и необходимость её объективного и беспристрастного изучения отпадет еще не скоро. Сегодня в России немало сил разного националистического окраса, которые пытаются извратить в нужном им русле историю русско-северокавказских взаимоотношений в XIX в., чтобы использовать эти фальсификации истории в своих далеко не прогрессивных целях. И которые направлены далеко не на укрепление многонационального Российского государства. «Поэтому было бы правильно, извлекая уроки из прошлого, подумать о будущем, думать о том, что именно в единении наша сила. Мы должны учиться друг у друга мудрости, культуре, языкам. Знание языков, знание культуры народов Северного Кавказа, знание культуры народов Закавказья, знание культуры народов Средней Азии, Казахстана – вот сила того феномена, который действительно возникает сейчас» [9, с. 22].

И ещё один момент. Профессор В.В. Дегоев в одной из своих работ справедливо замечает, что очень многие историки, рассуждая о Кавказской войне XIX в., смотрят на неё, оценивая её с точки зрения событий в Чечне и в целом на Северном Кавказе конца XX – начала XXI в., в «пылу и в угаре» от военных действий, вновь развернувшихся здесь в 1994–1995, 1999 гг. «Чеченская война конца XX века, видимо, всегда будет ассоциироваться с Кавказской войной XIX столетия, – пишет он. – А посему российское общество еще не скоро избавится от глубоко пристрастного восприятия этой исторической проблемы. Трудно рассчитывать и на полную непредвзятость профессиональных исследователей, которые смотрят в бурное прошлое из не менее суматошного настоящего, подвергаясь мощному воздействию ментальных стереотипов и эмоций своей эпохи» [10, с. 295]. Исходя из вышесказанного можно понять (но не оправдать, разумеется) суждения и оценки некоторых авторов рубежа XX–XXI вв. о Кавказской войне. Но ведь за последние 10–15 лет экономическая и политическая ситуация в Чеченской Республике коренным образом изменилась. В кратчайшие сроки под руководством Р.А. Кадырова республика отстроена, стала одним из

стабильных регионов России. Глава республики самым решительным образом ведет борьбу с разного рода террористами. Горячо отстаивает единство и интересы России (чему примером события в Ливане в 2006–2007 гг., Южной Осетии – в 2008 г., Украине – с 2014 г.).

Чеченцы и своим трудом, и с оружием в руках доказывают сегодня, что они – истинные патриоты России. Так может быть, уважаемые историки, уважаемые коллеги, хотя бы сегодня и дальше будем писать о Кавказской войне XIX в. и об участии в ней Чечни уважительно и объективно, ради интересов науки и будущего многонациональной России? Очень хотелось бы на это надеяться.

Выступая на научной конференции в Москве в октябре 1997 г., Д.О. Рогозин, один из идеологов современного русского национализма, говорил очень правильные, мироутверждающие слова: «Кто-то хочет представить, что ситуация на Кавказе – это борьба горцев с русскими, с русским государством, с русской властью. Так ли это? Не так. Я думаю, что времени у нас сегодня немного. И мне кажется, что, опираясь на прошлое, мы должны сделать для себя очень важные выводы, которые могли бы лечь в основу общекавказского общежития.

...Это мирное разрешение всех имеющихся конфликтов. Кавказская война прошлого столетия и трагические события этого века показали, что военного разрешения проблем Северного Кавказа нет и быть не может. Судьбы настолько переплетены на этом маленьком клочке земли, что нет ни одной силы и нет такого оружия, что смогло бы убедить в одной исключительной правде, только в одной истине. Поэтому – только мирное разрешение.

...Это уважение к исторической памяти. Мы сегодня подчеркиваем наше уважение к имаму Шамилю, но надеемся, что будем вместе также отмечать даты, связанные со многими русскими деятелями культуры, науки, искусства, военного дела. Это наша с вами общая история – со всеми ее проблемами, со всеми ее черными и светлыми страницами.

...Из Москвы легко делать политические заявления, в Москве легко искать и бороться с «лицами кавказской национальности», а потом это будет отзывать страшной кровью и в ближнем зарубежье, и на Кавказе. Сегодня мы обязаны просто договариваться...

Это недопущение мифологизации противоречий, демонизации партнеров по диалогу. Очень легко найти в нашей истории то, что позволит нам

сегодня ярче сказать с трибуны, жестче заявить о своих претензиях к другому народу. Нужно ли это делать? Уверен, что нет» [10, с. 26–27].

Историю российско-северокавказских отношений нужно изучать и дальше. Изучать спокойно и, главное, объективно, не впадая в крайности.

Это нужно во имя уважения к прошлому российских народов, во имя укрепления многонационального Российского государства, политической стабильности в нашем общем доме, где все народы должны быть равноправны и равно уважаемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Магомаева Ф.В. Политическая ситуация в Чечне в середине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2014. № 1 (22). С. 51–56.
2. Фарфоровский С. Шамиль и чеченцы // Русский архив. 1913. № 6.
3. Латин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.
4. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.
5. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. М., 1937. С. 155.
6. Закс А.Б. Ташу-Хаджи – сподвижник Шамиля. Грозный, 1992. С. 144.
7. Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Саралиева Л.Ш. Страницы политической истории Чечни конца XVIII века // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2015. № 2 (27). С. 24–29.
8. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003.
9. Шамиль и Кавказская война. История и современность. М., 1998.
10. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе. М., 2003.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КРЕДИТНО-БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В ЧЕЧНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

© М.М. ГОРТИКОВА

Национальный музей Чеченской Республики, г. Грозный

***Аннотация.** В статье на основе анализа новых архивных материалов рассматривается проблема зарождения и развития кредитно-банковской системы в Чечне. Вовлечение северокавказского региона в экономическое пространство России способствовало формированию местной банковской системы. Создаются кредитно-банковские учреждения, кредитные товарищества. В сферу торгово-промышленного капитала входит национальная буржуазия. Иностранцы инвестировали экономическому развитию региона.*

***Ключевые слова:** кредиты, банк, инвестиции, капитал, коммерсанты, кредитное товарищество.*

***Abstract.** The article considers the problem of origin and banking system development in Chechnya in the late XIX – early XX century on the basis of the analysis of new archival material. The involvement of the North Caucasus region in the Russian economic space contributed to the formation of the local banking system. Banking institutions and credit associations have been created. The national bourgeoisie is a part of the trade and industrial capital field. Foreign investments have been contributed to the economic development of the region.*

***Keywords:** loans, bank, investments, capital, merchants, credit partnership.*

Зарождение кредитно-банковской системы на Северном Кавказе, и в частности в Чечне, происходит в 60–70-е гг. XIX в. Этому процессу способствовали окончание Кавказской войны, буржуазные реформы в России, в том числе и в банковской сфере, строительство железных дорог.

Открытие нефти в промышленных масштабах в Чечне вызвало приток в 90-х гг. XIX в. иностранного капитала. Вследствие этого создается целый ряд нефтяных компаний. Так, в 1893 г. было основано первое Грозненское нефтепромышленное товарищество, а также общество «Ахвердов и К°», возникшее в 1896 г. в Антверпене, акции которого принадлежали бельгийским предпринимателям и т.д. Появляются также «Англо-Русское нефтяное общество», «Московское нефтепромышленное общество», «Санкт-Петербургское нефтепромышленное общество» и др. [1, с. 244–245].

По инициативе французских финансистов в начале XX в. произошло преобразование общества «Русский Стандарт» (Кубанская область) в «Русский Грозненский Стандарт» с капиталом в 2.975 тыс. руб. В 1900 г. капитал нового грозненского общества достиг 3.839 тыс. руб. [2, с. 36].

В Чечне получает развитие фабрично-заводская промышленность: открываются кирпичные заводы «Слон» С.М. Хангельдиева, чугунолитейные заводы «Молот» Т.В. Белозерского и др. [1, с. 242].

Интенсивно развивается в Чечне торговля. Большинство торговых заведений находилось в Грозном, Владикавказе, Гудермесе, Хасавюрте и в других городах и населенных пунктах Северного Кавказа. Зарождается крупная местная буржуазия [3, с. 100]. Появляется новый тип коммерсантов, с которыми не прочь были иметь дело известные банки. В их числе Ахматхан Эльмурзаев, Эльмурза Мадиев, Арсамирзоевы, Касум Баширов, Аарон Вишнеvский, Филимон Криликов и др. Состоятельные люди предпочитали хранить капитал в финансовых заведениях.

Первый банк на Тереке был открыт в 1865 г. Во Владикавказе в 1881 г. появилось отделение государственного банка. Грозненский общественный банк начал действовать по решению Городского Совета от 6 февраля 1862 г. и приговора Грозненского городского общества от 30 сентября 1872 г. Банк осуществлял такие операции, как прием вкладов, учет векселей, выдача ссуд под залог процентных бумаг, драгоценностей, товаров, а также грозненской недвижимости [4, с. 318–319].

По сведениям исследователя Н.И. Штанько, Грозненский городской общественный банк возник в 1874 г. Основной его капитал возрос от начальной суммы в 255 руб. 90 коп. до 21467 руб. в 1879 г. Однако с 1880 г. банк перестал публиковать свои отчеты. Причиной явился общий экономический кризис в стране в 80-е гг. XIX в.

Крах Грозненского общественного банка в 1885 г. усугубил тяжелое экономическое положение г. Грозный [5, с. 45]. Газета «Терские ведомости» отмечала: «Ограничение и, наконец, совершенное прекращение ссуд из банка не могло, понятно, не отразиться невыгодно на торговле и промышленности» [6].

Несмотря на общий российский кризис, местная экономика получила дальнейшее развитие. Во второй половине XIX в. в Грозном вновь появляются банки и другие кредитные учреждения.

В 1895 г. в Грозном открывается отделение Азово-Донского коммерческого банка. К началу Первой мировой войны это старейшее местное кредитное учреждение имело наиболее прочное положение. Обладая солидной клиентурой, отделение действовало с хорошей прибылью. Вклады в его текущие счета перед Первой мировой войной составляли 6 млн. рублей. Правда, в 1915 г. вклады сократились до 4½ млн. рублей [7].

В 1914 г. управляющим Грозненского отделения Азово-Донского коммерческого банка был Б.А. Юноша-Шанявский [8, с. 68]. Согласно выявленному нами архивному источнику, дворянин Б.А. Юноша-Шанявский уделял внимание развитию местной промышленности. Так, в 1910 г. на его собственном участке в Грозном (45-й квартал на углу Куринской и Ильинской улиц) планировалось строительство электромеханической фабрики купца М.Я. Клейнзингера. Проект этого предприятия был утвержден военным генерал-губернатором Терской области и наказным атаманом Терского казачьего войска на основании циркуляра Министерства торговли и промышленности от 28 июля 1910 г. [9].

Развитие Грозненской промышленности, торговли и кредита привлекало внимание разных банков. В 1910 г. в Грозном было открыто отделение ведущего «нефтяного» в России (по оценке проф. И.Ф. Гиндина) Русско-Азиатского банка. В августе 1914 г. в городе начал действовать Тифлисский Коммерческий банк, а в 1915 г. – Волжско-Камский.

Банки вступали в конкуренцию между собой за вкладчиков. «Дирекция Волжско-Камского банка, по словам отчета, старалась вербовать себе клиентуру где только можно – во Владикавказе, Хасав-Юрте, Кизляре...» [10, с. 39].

Владельцы наличных средств открывали счета в банках и сберкассах. С конца мая 1891 г. по декабрь 1892 г. в Грозненскую сберкассау 499 вкладчиками было внесено около 30 тысяч рублей. Вкладчиками являлись 159 младших воин-

ских чинов, 60 офицеров, 29 горожан, 21 купец, 172 крестьянина, 4 дворника и др. [11]. В 1911 г. число вкладчиков Грозненской сберкассы достигло 9631. Сумма вкладов превысила более 2 млн. рублей [12, с. 3–51].

В начале XX в. усиливается процесс сращения банков с промышленными предприятиями. В 1913 г. 42 лица, причастные к деятельности 12 коммерческих банков, занимали 96 должностей в правлениях нефтяных предприятий [13]. Ярким примером является участие в развитии Грозненской нефтяной промышленности председателя правления Русско-Азиатского банка А.И. Путилова. Крупный российский финансист А.И. Путилов одновременно был учредителем Международного англо-французско-русского нефтяного треста «Ойль», владевшего в Грозном не менее 13 предприятиями. Особый интерес А.И. Путилов проявлял к грозненским предприятиям, принадлежавшим ростовским капиталистам Максимовым.

Влияние банковского капитала ускорило процесс развития нефтяной отрасли в Чечне. Банки предоставляли фирмам в кредит деньги на развитие промышленности, принимали участие в создании новых нефтяных компаний. Посредством банков проводились сделки по купле и продаже акций грозненских фирм. «Русские и граничные банки брали на себя размещение акций нефтяных предприятий на внутреннем и внешнем рынках, вводили акции грозненских фирм в котировку на русских и граничных биржах» [14, с. 59–60]. Таким образом, банки становились стержнем капиталистического оборота.

Определенную роль в развитии кредита в Чечне, как и в России в целом, сыграла аграрная реформа П.А. Столыпина. Целью нового аграрного курса являлось разрушение крестьянской общины и создание фермерских хозяйств. Так, предполагалось формирование хуторов, поощряемое экономическими льготами, в том числе при получении ссуд.

Российский указ от 1912 г. о расширении ссудной помощи Крестьянского поземельного банка облегчал сельчанам процесс получения ссуд для покупки или аренды земель. Банки предоставляли ссуды на льготных условиях, без процентов, с обязательным возвращением денег в течение 10 лет [1, с. 238–239].

Важной стороной Столыпинской реформы явилось переселение крестьян из густонаселенных мест в необжитые районы. Так, в 1913 г. в Терскую область прибыли 7946 русских переселенцев. Поощрялась скупка земель Крестьян-

ским банком у частных лиц и в дальнейшем перепродажа их товариществам по скупке земли [14, с. 45].

В Терской области кредитные товарищества появились в 1904 г. В 1910 г. было открыто Грозненское общество взаимного кредита, возглавляемое русскими и чеченскими капиталистами. На 1 января 1915 г. его баланс составлял 670 тыс. рублей, а учет – 520 тыс. рублей. Общество, поддерживаемое отделениями крупных банков, обслуживало торговлю и промышленность г. Грозный и его окрестностей. К 1914 г. в его состав входило 680 пайщиков. В обществе состояли крупные купцы, промышленники, землевладельцы и домовладельцы. Членами Совета являлись Ф.И. Воронов, М.Т. Мациев, А.Ш. Эльмурзаев, А.И. Вишневский, А.А. Арсамирзоев и др. Общий оборот общества составлял более 30 млн. руб. [15, с. 629–630].

Безусловно, кредитно-банковская система в Чечне способствовала развитию капитализма. При этом, по утверждению известного исследователя Л.Н. Колосова, роль финансовых учреждений в начале «не вышла за пределы обычных ссудно-посреднических операций, свойственных банкам в домонополистический период развития капитализма». Местные отделения банков и другие кредитные учреждения принимали вклады от состоятельных людей, открывали им счета, учитывали векселя и т.д. Основными же и наиболее выгодными финансовыми операциями в России считались товарно-ссудные операции. Такие операции в Чечне проводились с нефтяными товарами [10, с. 38–40].

В Терской области в конце 1911 г. действовало 59 кредитных товариществ, из них в Чечено-Ингушетии их было 12 [10, с. 39].

В сельской местности региона имелось 50 кредитных товариществ, ведавших вкладами и займами. Общая сумма кредитов составляла 2829812 руб. С 1908 по 1911 г. было выдано 68853 ссуды на 4525928 руб. (для продажи товаров, изготовления ремесленных изделий, аренды земли и т.д.) [3, с. 105].

Деятельность кредитных товариществ объединял Терский Союз учреждений мелкого кредита. Согласно источнику, в списке кредитных и ссудо-сберегательных товариществ Терского Союза в мае 1918 г. в числе 113 учреждений значились 17 товариществ (Грозненское городское и сельские), созданных в Чечне.

На общем майском собрании были подведены итоги деятельности Терского Союза за 1917 г. Политические события в России привели к зна-

чительному упадку экономики. Это отразилось также на деятельности кредитных учреждений Терской области. В частности, возникли трудности при проведении посреднических операций по закупке и распределению сельскохозяйственного оборудования [16, с. 69–73].

Представляет определенный интерес источник, отражающий опыт работы ссудо-сберегательного товарищества на Таврическом хуторе Грозненского отдела. Данное товарищество, возникшее 3 августа 1913 г., также входило в состав Терского Союза учреждений мелкого кредита. Создание его было важным как для русских людей, населявших хутор, так и для жителей окрестных чеченских аулов. Услуги новоявленных кредиторов по причине высоких процентов оказались доступны не всем сельчанам. Наконец, хозяйственникам была предоставлена альтернатива в виде кредитного товарищества.

Первоначальный основной капитал Таврического товарищества в 3.000 руб. при паевом 329 руб. 50 коп. в 1917 г. составлял уже 3.600 руб., а при учете запасного, специального и паевого капитала – 18.871 руб. Количество членов товарищества увеличилось с 87 до 1207. Проводились операции по выдаче населению ссуд, приобретению сельскохозяйственного инвентаря, сбыту товаров. Результат деятельности товарищества являлся позитивным.

В 1917 г. в связи с отъездом хуторчан и в том числе первого председателя товарищества Е.К. Саранчи состоялось собрание членов Таврического товарищества. Единогласно было принято постановление о награждении Е.К. Саранчи за вклад в развитие кредитного дела «адресом» от имени товарищества и золотыми часами. Таким образом, коренные жители чеченских селений подтвердили свою приверженность идеям дружбы, уважения к иноязычному населению [17, с. 54–56].

Согласно архивным данным, в 1876 г. Грозненское городское общественное управление утвердило на трехлетний срок два списка претендентов в члены правления Грозненского городского общественного банка и лиц с правом голоса в процессе выборов. В первом списке среди членов правления Грозненского общественного банка (в числе 188 лиц) значатся купцы 1-й гильдии – Михаил Михайлович Демидов, Аким Исаевич Исакович, Мария Акимовна Носова; купцы 2-й гильдии – Демид Михайлович Пресняков, Николай Иванович Ярморкин; полковник Петр Гаврилович Беллик, майор Улубей Чуликов, поручик Шахбий Чуликов и др.

Во втором списке (в числе 12 лиц) в графе «на должность директора» банка значатся фамилии купца 1-й гильдии, почетного гражданина Алексея Васильевича Макеева, вышеназванного купца 2-й гильдии Николая Ивановича Ярморкина, владикавказского купца 1-й гильдии Афанасия Ивановича Лошкарева; в графе «в товарищи директора» названы такие крупные грозненские коммерсанты, как вышеназванный купец 1-й гильдии А.И. Исакович, купец 2-й гильдии Аарон Исаевич Вишневецкий и др. [18].

Почти половина фамилий (64 чел.) из первого списка обозначает местных купцов 1-й и 2-й гильдии. 10 горожан из второго списка также относились к предпринимательскому сословию. Наличие во втором списке фамилии владикавказского купца А.И. Лошкарева подтверждает факт экономических связей предпринимателей северокавказского региона. Как видим, данный документ отражает процесс внедрения в местную банковскую систему представителей купечества, промышленников, а также офицерской элиты.

Крупные грозненские предприниматели располагались большим недвижимым имуществом и значительными капиталами. Об этом свидетельствуют источники. Так, среди коммерсантов выделялись предприимчивостью братья-купцы Мациевы. В «Списке домовладельцев гор. Грозного чеченской национальности» из документа, где названы 91 фамилия собственников и стоимость их недвижимости, первое место по величине недвижимости занимает купец 2-й гильдии, один из основоположников г. Грозный Геха Мациев. Стоимость его недвижимого имущества,

отраженная в этом архивном источнике за 1910 г., составляла 88.000 рублей. Стоимость домовладений Арцу Чермоева (наследники), Курумовых (наследники), Бей-Султана Баширова и других собственников оказалась значительно ниже, чем у Г. Мациева [19]. Капиталист Эльмурза Мациев обладал недвижимостью в полмиллиона рублей. В отчете комиссионерства Русско-Азиатского банка купцы Мациевы характеризовались как «аккуратные плательщики и осторожные, знающие свое дело коммерсанты» [10, с. 40].

Местные предприниматели взаимодействовали с отделениями разных российских банков, в том числе северокавказских. Так, крупный чеченский купец Сулейман Бадиев пользовался кредитами Дербентского банка. В Петровском филиале Русско-Азиатского банка были заключены договоры с купцами из городов Гудермес и Аргун, а также с грозненским товариществом «Работник» [20, с. 166, 181].

Таким образом, зарождение местной кредитно-банковской системы в конце XIX – начале XX в. явилось результатом вовлечения Чечни в экономическое пространство страны, способствовало укреплению связей региона с Россией.

Весомую роль в экономическом развитии Чечни сыграл также иностранный капитал. Явившись фактором развития нефтяной отрасли, инвестиции содействовали и деятельности кредитно-банковских учреждений. Местные коммерсанты взаимодействовали с представителями российских и зарубежных деловых кругов. Чечня втягивалась не только во всероссийский, но и в мировой рынок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
2. Эвентов Л. Иностраный капитал в нефтяной промышленности России (1874–1917). М., 1925.
3. Эльбуздукаева Т.У. Чечня и Ингушетия в 20–30 годы XX века: опыт модернизации. М.: Парнас, 2011.
4. Ибрагимова З.Х. Царское прошлое чеченцев: наука и культура. М., 2009.
5. Штанько Н.И. Из истории города Грозного в пореформенный период (1869–1893 гг.). Грозный, 1950.
6. Газ. Терские ведомости. 1885 г. №1.
7. ЦГИАЛ. Ф. 630, оп. 1, д. 347, л. 9–10.
8. Терский календарь на 1914 г. Владикавказ, 1913.
9. АУП ЧР. Ф. 236, оп. 1, д. 897, л. 1–9.
10. Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма (Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции). Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860–1940). Известия. Т. IV. Вып. 1. История. Грозный, 1964.
11. ГАЧР. Ф. 9, оп. 1, д. 1, л. 1–99.
12. Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912.
13. Финансовая газета. 13 мая 1913 г.

14. *Колосов Л.Н.* Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907–1917 годы). Грозный, 1968.
15. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Грозный, 2008.
16. Протокол Очередного Общего Собрания уполномоченных кредитных товариществ Терского Союза Учреждений Мелкого Кредита, состоявшегося в г. Владикавказ 12–14 (25–27) мая 1918 г. Владикавказ: Тип. «Т-во Печатниковъ», 1919 г.
17. Кооперативная мысль. Издание Терского Союза учреждений мелкого кредита и Владикавказского Общества Оптовых закупок. Владикавказ. №3–4. 1918.
18. АУП ЧР. Ф. 236, оп. 1, д. 760, л. 25–27, 32, 33.
19. РГИА. Ф. 1278, оп. 2, д. 2563, л. 42–43. 1910 г.
20. *Губаханова Р.А.* Предпринимательство в Дагестане (1860–1917): торговый капитал. Махачкала, 2006.

ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ
(К 65-ЛЕТИЮ ГАПУРОВА ШАХРУДИНА АЙДИЕВИЧА)

© И.А. КЕРИМОВ, С.С. МАГАМАДОВ, А.А. АБУМУСЛИМОВ

Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

Аннотация. В статье рассматривается научная, научно-организационная и общественно-политическая деятельность доктора исторических наук, профессора, академика АН ЧР, президента АН ЧР Гапурова Ш.А. Дается оценка его вклада в науку и практику в области новой и новейшей истории, истории народов Северного Кавказа, стран Азии и Африки.

Ключевые слова: Гапуров, Чечня, Северный Кавказ, Россия, Академия наук Чеченской Республики, русско-чеченские взаимоотношения.

Abstract. The article discusses the scientific, scientific-organizational and political activity of Gapurov Sh.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, the President of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. The paper evaluates his contribution to the science and practices in the field of modern and contemporary history, history of the people of the North Caucasus, Asia and Africa.

Keywords: Gapurov, Chechnya, North Caucasus, Russia, the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russian-Chechen relations.

6 января 2016 г. исполнилось 65 лет со дня рождения Гапурова Шахрудина Айдиевича, известного учёного и педагога, внесшего неоценимый вклад в изучение истории народов Северного Кавказа, истории ислама, стран Азии и Африки.

Гапуров Ш.А. родился в Средней Азии в г. Таш-Кумыр Киргизской ССР, куда в том числе сталинским режимом был депортирован чеченский народ. Тяжёлые условия жизни, голод, болезни в буквальном смысле косили чеченцев в первые годы высылки. Шахрудину не было и двух лет, когда умер отец. Мать была вынуждена пойти на работу в угольную шахту, чтобы прокормить осиротевших детей.

В 1957 г. Шахрудин пошёл в школу в Таш-Кумыре, однако учёба не ладилась: мальчик плохо знал русский язык и не понимал, о чём говорит учительница. К счастью, в ноябре того же года семья вернулась на историческую родину. Шахрудин продолжил учёбу в с. Булгат-Ирзу Ножай-Юртовского района Чечено-Ингушской АССР. Это один из горных районов республики. В школе в начальных классах преподавали на родном чеченском языке, и Шахрудин закончил первый класс лучшим учеником. С пятого класса он пристрастился к чтению художественной литературы. В селе не было библиотеки, и за книгами приходилось ходить в соседние сёла, за 8–10 км. В феврале 1966 г. после продолжительной болезни (туберкулёз – как результат работы в шахте в Таш-Кумыре) умерла мать Шахрудина.

В с. Булгат-Ирзу была только восьмилетняя школа. Шахрудин продолжил учёбу в Бенойской средней школе. В 1968 г. он окончил её с золотой медалью. Выбор специальности был предначертан – на исторический факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института (ЧГПИ). Увлечённость историей мальчику привил учитель истории Бенойской средней школы (он же и директор) Леид Межидов, человек энциклопедических знаний, глубокой порядочности, один из образованнейших людей района. У Леида была огромная (в несколько тысяч книг) библиотека. За два года Шахрудин перечитал большинство из них.

В 1968 г. Гапуров Ш.А. поступает (при конкурсе 6 человек на место) на исторический факультет ЧГПИ, и с первого курса был в числе лучших студентов. В 1972 г. он с отличием окончил университет (институт). В начале 1972 г. ЧГПИ был преобразован в Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого (ЧИГУ). Шефство над молодым вузом взял на себя Ростовский государственный университет (РГУ) и выделил два целевых места в аспирантуру для выпускников ЧИГУ на очную форму обучения. Одно из этих мест заслуженно, благодаря своей трудоспособности и любви к исторической науке получил Шахрудин Айдиевич – по специальности «Всеобщая история».

В период учёбы в аспирантуре РГУ основным направлением его научных исследований ста-

новятся вопросы деятельности аграрного сектора коалиционных правительств штатов Уттар Прадеш, Бихар, Пенджаб (1967 г.), а также некоторые аспекты идейно-политической борьбы по аграрной политике. Выбор темы кандидатской диссертации по истории Индии руководство аспирантуры одобрило. Однако ни в РГУ, ни вообще в вузах и научных учреждениях Северного Кавказа в то время не было ни одного специалиста-индоведа.

Пришлось за консультацией ехать в Москву, в Институт стран Азии и Африки при МГУ. Без каких-либо рекомендаций в незнакомый вуз, к незнакомым людям. Однако Гапурову повезло: оказалось, что заведующим кафедрой истории стран Южной Азии ИСАА при МГУ был Владимир Иванович Павлов, уроженец станицы Каргалинская Шелковского района ЧИАССР. Он отнёсся к Шахрудину Айдиевичу доброжелательно, действительно, как к земляку, и оказывал ему помощь на протяжении всего периода работы над кандидатской диссертацией. Научным руководителем Гапунова был назначен Григорий Григорьевич Котовский – сын знаменитого героя Гражданской войны, работавший одновременно заведующим отделом Индии и Пакистана в Институте востоковедения АН СССР. Однако возникли проблемы языкового барьера: при сборе документов большинство источников по истории Индии было на английском языке, а Гапуров изучал в вузе немецкий (в школе Ножай-Юрта, в глубинке, естественно, вообще не преподавали иностранные языки). Пришлось заниматься самостоятельно изучением английского языка. В течение четырёх месяцев словарный запас достиг до 1000 слов, что позволило начать работу. В первый период работы сбора документов ему было очень тяжело, специалисты зарубежной истории знают, что те газеты выходили ежедневно и по 16 страниц. За 10 лет перелопатить огромное количество газет и журналов были тяжким трудом.

В конце 1976 г. Гапуров окончил аспирантуру с представлением к защите диссертации на тему «Идейно-политическая борьба по аграрному вопросу в Индии в 1959–1969 гг.», которую защитил в мае 1978 г. в ИСАА при МГУ, став первым индоведом на Северном Кавказе. Традиционными центрами индоведения были Москва, Ленинград и Ташкент. Видимо, именно поэтому, в силу «экзотичности» ситуации, в 1984 г. к Гапурову из Москвы, из редакции журнала «Совет Лэнд», распространяемого в Индии, приехали два корреспондента, чтобы написать статью о молодом учёном из Чечни. В те годы между Советским союзом и Индией были очень дружественные

отношения. Через три месяца из советского посольства в Дели он получил этот журнал с богатой иллюстрированной статьёй о нём. Заголовок был в чисто индийском духе – «Индийская любовь чеченского горца».

С 1977 г. Ш.А. Гапуров беспрерывно работает в Чеченском государственном университете (ЧГУ). В 1987 г. ему присвоено учёное звание доцента по кафедре всеобщей истории. С того же года по настоящее время является заведующим кафедрой всеобщей истории данного вуза. Разработал и на высоком научно-методическом уровне читает актуальные курсы лекций по новой и новейшей истории стран Азии и Африки. Им также разработаны курсы лекций по ряду специальных дисциплин: «Национальный вопрос и политика в странах Азии в новейшее время», «Северный Кавказ в политических взаимоотношениях России, Османской империи и Ирана в XVIII в.», «Опыт и проблемы национально-государственного строительства в независимой Индии» и т.д. Лекции Ш.А. Гапунова пользуются большим успехом у студентов.

В самые трудные годы для университета (1998–2000 гг.) Шахрудин Айдиевич занимал должность проректора по воспитательной работе ЧГУ.

В тяжёлое время (конец 1999 г. – начало 2000 г.) для чеченского народа его семья была вынуждена покинуть республику. Оказавшись в Москве, он проделал большую работу по сбору материалов. Изучал фонды Центрального государственного архива древних актов, Архива внешней политики России, Центрального государственного военно-исторического архива.

В начале 2004 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX века». Президиум ВАК министерства образования науки РФ («Бюллетень ВАК», № 2 за 2005 г.) отметил докторскую диссертацию Гапунова Ш.А. среди 5 лучших диссертаций 2004 г.

В начале 2006 г. ему присвоено учёное звание профессора по кафедре всеобщей истории. В июле 2006 г. на годовичном Общем собрании Академии наук Чеченской Республики он был избран действительным-членом (академиком) и президентом Академии наук Чеченской Республики. Распоряжением Правительства Чеченской Республики № 375-р от 31.07.2006 г. Ш.А. Гапуров был утверждён на данной должности за подписью Р.А. Кадырова.

2 февраля 2011 г. Гапуров Ш.А. переизбран на должность президента Академии наук Чечен-

ской Республики (Указ Главы Чеченской Республики № 56 от 04.04.2011 г.).

15 октября 2015 г. Гапуров Ш.А. вновь избран президентом Академии наук Чеченской Республики (Указ Главы Чеченской Республики № 207 от 24.11.2015 г.) уже на третий срок, что является признанием его заслуг в развитии и восстановлении науки в республике и России в целом.

В конце 1970-х гг. приходит понимание, что необходимо приступить к фундаментальному исследованию истории народов Северного Кавказа, в первую очередь истории Чечни. Именно с этого момента и начинается изучение Ш.А. Гапуровым истории взаимоотношений российской власти и местного населения в трёх крупнейших регионах Северного Кавказа (Чечне, Дагестане и Кабарде) на протяжении непростого, наполненного важнейшими историческими событиями периода отечественной истории – второй половины XVIII – первой половины XIX в.

Для каждого народа, входившего в состав Российской империи, а затем в СССР, вопрос о взаимоотношениях с Россией является одним из кардинальных. Как, с какого времени, какой характер носили эти взаимоотношения, как было осуществлено присоединение и вхождение в состав России – эти процессы, сложные и противоречивые, служили предметом многих дискуссий. Были суждения юбилейно-лакировочные, были и есть высказывания, рождённые на почве сепаратизма и рисующие в чёрном свете сближение народов Северного Кавказа с Россией [1].

Ответ на возникающие сложные вопросы может быть только один – тщательное, объективное, по-настоящему научное исследование, не скрывающее трудностей и противоречий процесса, вскрывающее как позитивные, так и негативные его стороны.

История слабо защищена от фальсификаций. Достаточно недобросовестному автору вычеркнуть одну фразу из важного документа, и всё изложение может обрести противоположный смысл.

Шахрудин Айдиевич проявил себя подлинным учёным-исследователем, твёрдым сторонником правдивого, честного освещения истории. Он в архивах провёл кропотливую работу: в Санкт-Петербурге фонды Российского государственного исторического архива, в Тбилиси – фонды Центрального государственного исторического архива Республики Грузия, фонды областных и республиканских архивов – в Астрахани, Владикавказе, Грозном, Нальчике, Махачкале. Немало дней он провёл в архиве Санкт-Петербургского

отделения Института истории РАН, в отделах рукописей Российской государственной библиотеки, Российской государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Государственной исторической библиотеки, Института востоковедения РАН, Института научной информации общественных наук.

Труды Ш.А. Гапурова – настоящая энциклопедия жизни народов Северного Кавказа XVIII–XIX вв. Автор подробно, основательно рассказывает о территории и населении Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабарды и Балкарии, о хозяйственной жизни республик, исследует социальные отношения и политический строй. Он не идеализирует прошлое, показывает и антифеодальные выступления, и национально-освободительную борьбу народов Северного Кавказа, и становление дружеских союзнических взаимоотношений России с народами Кавказа.

Чечня, находясь в сердце Кавказа, имела огромное значение для решения многих важнейших проблем, связанных с судьбой края в целом. Ш.А. Гапуров развёртывает широкое полотно развития взаимоотношений Чечни с Россией, Грузией, Дагестаном, Кабардой, Балкарией и другими кавказскими народами.

Талантливый исследователь, прекрасный организатор науки, высокоэрудированный автор, прошедший великолепную школу общения с московскими, ростовскими, дагестанскими, кабардинскими, балкарскими, владикавказскими и другими учёными, человек, бесконечно влюблённый в прошлое родного края, до конца преданный идее писать честно и правдиво, Шахрудин Айдиевич создаёт замечательные труды.

Он не очерняет историю взаимоотношений России с Чечней, народами Кавказа, но и не лакирует её. Он резко критикует тех флюгероподобных историков (к сожалению, их было много в советское время, и ныне вовсе не стало меньше), которые преувеличивали прогрессивную цивилизаторскую роль России, предавая забвению жестокую колонизаторскую роль царизма. Не менее вредны и взгляды тех авторов, которые искажают суть русско-кавказских отношений, выискивая только негатив [1].

Большой авторитет Шахрудина Айдиевича Гапурова предопределяется многочисленными публикациями, монографиями, получившими высокую оценку научной общественности. Каждый его труд заключает в себе огромный корпус документов, впервые вводимых в научный оборот и глубоко и обстоятельно теоретически им осмысленных. Диапазон его научных интересов

необычайно широк, он простирается от раннего Средневековья до современности. Знание учёным глубин истории способствует всестороннему осмыслению им неразрывной связи времен, даёт возможность просматривать прошлое как единый процесс со всеми присущими ему зигзагами, поворотами, катаклизмами. Такими он видит пути родной Чечни к сближению с Россией.

Вклад Ш.А. Гапунова в отечественную историю столь велик, что без этих работ уже никому не обойтись – ни у нас в России, ни за рубежом. В них раскрыты уходящие в седую старину связи горцев Северного Кавказа, взаимоотношения Чечни с Россией с XVI–XVII вв., документально, по самостоятельно выявленным и осмысленным первоисточникам рассмотрены бурные и трагические события российско-чеченского взаимодействия XVIII–XIX столетий. По результатам исследований опубликован ряд монографий.

Под руководством Гапунова Ш.А. подготовлен и издан II том «Истории Чечни с древнейших времён до наших дней», посвященный политической, общественной и социально-экономической истории чеченского народа в XIX столетии.

В монографии использовано значительное количество новых источников, позволивших осветить малоисследованные ранее вопросы истории Чечни, с объективных позиций раскрыть историю чеченского народа, а также развенчать негативные мифы и стереотипы, сложившиеся в последние десятилетия вокруг вопросов Кавказской войны и русско-чеченских взаимоотношений в XIX в. [2].

В монографии «Северный Кавказ в период «проконсульства» А.П. Ермолова (1816–1827 гг.)» рассматривается один из самых сложных и драматических периодов в истории народов Северного Кавказа и в российско-горских отношениях – период 1816–1827 гг., когда главнокомандующим (наместником, «проконсулом») Кавказа был генерал А.П. Ермолов. Дается характеристика личности Ермолова, подробный анализ его плана покорения народов Северного Кавказа. Отмечается, что в качестве универсального средства решения всех возникающих в регионе проблем Ермолов избрал тактику устрашения горцев. Показано, что именно жестокие действия царских войск при генерале Ермолове породили массовое недовольство горцев, вылившееся в национально-освободительное движение в 20–50-е гг. XIX в. В работе рассматривается эволюция взглядов А.П. Ермолова на политику России на Северном Кавказе, отмечается, что к концу своей службы на Кавказе он приходит к выводу о непригодно-

сти военных методов для окончательного присоединения горских народов к России [3].

В работе «Россия и Чечня в первой половине XIX века» рассматривается переломный период в развитии российско-чеченских отношений – первая четверть XIX в., когда царизм, отказавшись от вассально-союзнических отношений с вайнахами, переходит к военно-колониальным методам подчинения Чечни. Отмечается, что покорение Чечни было частью реализации обширного плана Петербурга по установлению на Северном Кавказе реальной российской власти. На базе обширного архивного материала показывается, что все попытки чеченцев мирным, переговорным путём достичь взаимоприемлемого компромисса в присоединении Чечни к России кончились неудачей. Жестокие колониальные методы – массовая конфискация земель, изгнание равнинных чеченцев в горы, регулярные карательные экспедиции, военно-экономическая блокада – вызвали вооруженное сопротивление чеченцев, ставшее важной частью национально-освободительного движения северокавказских горцев в первой половине XIX в. [4].

В монографии «Чечня и Ермолов (1816–1827 гг.)» рассматривается политическое развитие Чечни в 1816–1827 гг., т.е. в период, когда главнокомандующим и главноуправляющим (наместником) на Кавказе был генерал А.П. Ермолов. Показаны место и роль Чечни в планах Ермолова по покорению народов Северного Кавказа. Отмечается, что репрессивная политика А.П. Ермолова в Чечне вызвала вооруженное сопротивление чеченцев уже с 1818 г., что считается началом Кавказской войны. В то же время отмечается, что чеченское население в бассейне Терека и Сунжи всячески стремилось избежать вооруженного противостояния с Россией, искало мирные, компромиссные пути разрешения возникающих проблем. В работе дана характеристика противоречивой и сложной личности А.П. Ермолова. Подчеркивается, что к концу кавказской эпопеи Ермолова происходит значительное изменение его взглядов на методы покорения Чечни, фактический отказ от военно-силовых мер в пользу политико-экономических реформ [5].

В работе «Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (страницы хроники русско-горской трагедии XIX века)» показана политика российских властей в Чечне в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. Отмечается, что жестокие методы её проведения, грубое вмешательство военных властей в обычаи и традиции чеченцев привели к возникновению в Чечне массового народно-

освободительного движения, к вхождению Чечни в имамат Шамиля. Очень подробно, в хронологической последовательности показаны военные действия на территории Чечни в 50-х гг. XIX в. Обозначено, что на протяжении всей Кавказской войны чеченцы пытались найти мирный, компромиссный вариант присоединения Чечни к России. Работа имеет обширную источниковую базу: архивные документы и публикации XIX в. [6].

В работах «Россия и Чечня (последняя треть XVIII – первая половина XIX в.)», «Проблемы социально-экономического развития Чечни (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)» на основе анализа большого круга исторических источников рассматриваются российско-чеченские отношения в XVIII – **первой половине XIX в.** Отмечено, что они зародились в результате взаимной заинтересованности в конце XVIII в. **Показано**, что с последней трети XVIII в. царская Россия начала устанавливать свою власть в Чечне преимущественно военными методами, что привело к обострению российско-чеченских отношений, а затем в первой половине XIX в. – к активному участию чеченцев в Кавказской войне. Главный вывод: чеченцы всегда стремились к мирным, добрососедским отношениям с Россией [7–8].

В работах «...Дикой вольности любовь» (освободительное движение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в.), «Народные движения в Чечне в 60–70-е годы XIX века» показано социально-экономическое и политическое положение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в. Отмечается, что массовое изъятие земель у горцев, национальный и экономический гнет породили недовольство в горных районах Чечни. В ответ в начале 60-х гг. XIX в. и в 1877 г. в Ичкерии и в Аргунском округе вспыхнули восстания, освободительные по своему характеру. Наибольшее внимание в работе уделено восстанию 1877 г. под руководством Алибека Алдамова. В работе подчеркивается, что население равнинной Чечни, вовлеченное уже в культурно-экономическое поле Российского государства, не приняло участия в восстании [9–10].

В работах «Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 гг.)», «Социально-политическое развитие Северного Кавказа в начале XIX в.» на основе анализа общественно-экономического положения Чечни, Кабарды и Дагестана, интересов России в регионе показана политика царизма на Северном Кавказе в первые полтора десятилетия XIX в. **Отмечается**, что на рубеже XVIII–XIX вв. в кавказской политике России происходят качественные изменения: вместо «политики ласканий», политики вассально-союзнических отношений, которой

Россия следовала в регионе в XVI–XVIII вв., она переходит к прямому колониальному подчинению северокавказских народов. Показано, что новая политика России начала XIX в. **на Северном Кавказе** привела к нарушению веками сложившихся, преимущественно мирных, дружественных отношений между горцами и вызвала вооруженный конфликт между ними, получивший название Кавказской войны. На основе анализа обширного круга источников показаны причины зарождения этой войны, ее ранние этапы [11–12].

В работе «Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в.» показаны место и роль Дагестана в кавказской политике России в конце XVIII – первой половине XIX в. Дан анализ основных факторов, влиявших на формирование этапов этой политики. Отмечается, что уже с конца XVIII в. взаимная заинтересованность России и Дагестана привела к установлению между ними тесных политических и экономических связей. Однако этот курс на постепенное присоединение Дагестана к России преимущественно политическими методами был прерван после назначения кавказским наместником генерала А.П. Ермолова. Его репрессивная политика в Дагестане привела к вооруженному сопротивлению горцев [13].

В монографии «Кабарда в Кавказской политике России (конец XVIII – первая четверть XIX)» на основе большого круга исторических источников рассматриваются российско-кабардинские отношения в конце XVIII – первой четверти XIX в. **Российская администрация**, отбросив многовековой опыт военно-союзнических отношений с Кабардой, начала силовыми методами устанавливать в регионе свою власть, что вызвало резкое обострение российско-кабардинских отношений. В то же время большая часть зависимых кабардинских крестьян («черный народ») была за установление в Кабарде российской власти, надеясь на ослабление феодального гнета [14].

В работе «Страны Востока и колониальная политика европейских держав» показано общественно-экономическое положение ведущих стран Востока в XVI в. накануне европейской колонизации. Выявлены особенности развития восточных стран, обусловившие их известное отставание от стран Европы. В работе проанализированы проблемы истории стран Востока, до сих пор остающиеся дискуссионными в востоковедении. Показаны этапы колониальной политики европейских держав [15].

В работах Ш.А. Гапурова на документальной базе раскрываются уходящие своими корнями в древность связи народов Северного Кавказа с Российским государством. Разоблачив завоеватель-

ный, захватнический характер политики царизма на Северном Кавказе, автор проанализировал и показал не только отрицательные, трагические стороны, но и серьёзные объективно-позитивные аспекты взаимоотношений коренных народов края с Россией в XVIII–XIX вв. [16–26].

Характерные черты Шахрудина Айдиевича как исследователя – умение профессионально отобрать, обобщить и подать материал, стремление вскрыть причины исторических событий и их закономерности, рассматривать явления общественной жизни в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Он стремится показать исторический процесс во всём его многообразии и на основе изучения различных источников создать правдивую картину в истории Чечни и народов Северного Кавказа.

На протяжении трёх десятилетий с именем Шахрудина Айдиевича неразрывно связано становление и успешное развитие исторической науки в Чеченской Республике, с момента, когда он стал заведующим кафедрой всеобщей истории ЧГУ, наиболее ярко его талант раскрылся после избрания президентом Академии наук Чеченской Республики.

Ш.А. Гапуров активно и плодотворно продолжает заниматься научно-исследовательской работой. Им опубликовано более 300 научных работ, 14 монографий.

Шахрудин Айдиевич успешно руководит в ЧГУ научной работой аспирантов. Под его руководством защищены одна докторская и шесть кандидатских диссертационных работ. В 2000 г. защищена кандидатская диссертация Осмаева А.Д. «Северный Кавказ во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой четверти XVIII в.», а в 2010 г. им же защищена докторская диссертация «Общественно-политическая и повседневная жизнь Чеченской Республики 1996–2005 гг.» в Институте истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН; в 2005 г. защищена кандидатская диссертация Закриева Б.Б. «Чечня в политике России в последней трети XVIII – начала XIX в.» в Институте истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН; в 2008 г. защищена кандидатская диссертация Эльмурзаевой Г.Б. «Исторический опыт социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в состав Российской Империи в 1864–1917 гг.» при Московском педагогическом государственном университете; в 2011 г. защищена кандидатская диссертация Гациевой Т.И. «Северо-Восточный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в первой трети XVIII в.» в ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский го-

сударственный университет имени К.Л. Хетагурова»; в 2013 г. защищена кандидатская диссертация Мусаева И.Л. «Торгово-экономические и культурные связи народов Чечни и Дагестана во второй половине XIX – начале XX вв.» в ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет»; в 2013 г. защищена кандидатская диссертация Товсултанова Р.А. «Социально-политическое развитие Чечни в конце 20-х – 50-х гг. XIX в.» в ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

В настоящее время под руководством Гапурова Ш.А. научно-исследовательской работой занимаются несколько аспирантов. Следует отметить, что Ш.А. Гапуров создал свою научную школу кавказоведов и востоковедов.

Безусловно, заслуги Ш.А. Гапурова как учёного перед отечественной наукой очень велики. Об этом говорят и громкие звания и титулы, которых он заслуженно удостоен. Но не вспомнить при этом, что он, как истинный гражданин своей страны, никогда не признает «чистую» науку, т.е. науку ради самой науки, значит, не дорисовать портрет оригинального исследователя. По его убеждению, объективно изученная и осмысленная история народов может и должна поставить на службу живущим накопленный веками жизненный опыт, ратную и трудовую героику их предков. Такое понимание роли истории в судьбах современных и грядущих поколений имеет особый смысл для многонационального кавказского региона. Он глубоко осознаёт, что нормальная жизнь в нашем крае, где сплелись судьбы сотен народов и этнических групп, невозможна без дружбы и взаимопонимания; что любые, самые сложные проблемы, возникающие между соседними народами, не только нужно, но и должно решать только мирными путями, как это веками делали наши мудрые предки.

Научно-исследовательскую работу Гапуров Ш.А. успешно сочетает с научно-организационной деятельностью в учебных и научных учреждениях Чеченской Республики. Принимает участие в различных научных форумах в России и за рубежом. Является постоянным организатором проведения международных, всероссийских, региональных и республиканских научных конференций по разным направлениям науки под эгидой Академии наук ЧР.

Шахрудин Айдиевич является заместителем председателя Объединённого диссертационного совета Д. 999.045.02 на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук на базе ЧГУ, КНИИ им. Х.И. Ибра-

гимова РАН, утверждённого приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 октября 2015 г.

Ш.А. Гапуров является главным редактором научно-аналитического журнала «Вестник Академии наук Чеченской Республики», включённого в перечень научных изданий, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации, и научно-образовательного журнала «Таллам». Принимает активное участие в работе редакционных коллегий в периодических научных журналах: «Вестник Владикавказского научного центра»; «Вестник Дагестанского научного центра»; «Гуманитарий Юга России»; «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион (Общественные науки)»; «Научная мысль Кавказа».

В 2012 г. Гапуров Ш.А. стал инициатором и постоянным сопредседателем проведения научного форума «Кадыровские чтения» на базе Академии наук Чеченской Республики, посвящённого знаменательным событиям и датам Чеченской Республики. Совместно с Парламентом Чеченской Республики и Правительством Чеченской Республики проведены на высоком научном уровне Всероссийские научно-практические конференции: «Послевоенная реконструкция в Чеченской Республике и мировой опыт», посвящённая 10-летию Дня Республики (Дня гражданского согласия и единения) (2012); «Конституционное и государственное строительство на Юге России: история и современность», посвящённая 10-летию Референдума 23 марта 2003 г. и принятия Конституции Чеченской Республики (2013); «Вклад народов Чечено-Ингушетии в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», посвящённая 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (2015). Итогом проведения этих конференций является издание трёх сборников научных материалов. 1–2 июня 2016 г. планируется провести 4-е Кадыровские чтения «Миротворческие процессы на Кавказе: уроки и перспективы», посвященные 65-летию со дня рождения первого Президента Чеченской Республики, Героя России А.А. Кадырова.

Помимо научной, научно-организационной и преподавательской работы, Гапуров Ш.А. известен и как общественный деятель. Он является доверенным лицом Президента Российской Федерации В.В. Путина, сопредседателем Общероссийского народного фронта в Чеченской Республике. Входит в состав общественных советов

при Главе Чеченской Республики, Правительства Чеченской Республики, Парламента Чеченской Республики.

Шахрудин Айдиевич обращает на себя внимание своей рассудительностью, основательностью, тонким юмором; он, несмотря на любые обстоятельства, всегда умело владеет собой, и кажется, что его невозможно вывести из себя. Но за внешним поистине олимпийским спокойствием скрывается чистая и ранимая душа.

Жизнь этого скромного и обаятельного человека можно сравнить с неустрашимым полётом могучего, гордого орла, который по мере прибавления сил рвётся все выше и выше, раздвигая горизонты, покоряя всё новые и новые высоты.

Несмотря на сложные ситуации на протяжении всей жизни, Гапуров Ш.А. внёс большую лепту в развитие науки Чеченской Республики. На сегодняшний день он активно продолжает научную, научно-организационную, педагогическую и общественную деятельность во благо и процветание Чеченской Республики [27].

Его заслуги перед Чеченской Республикой оценены руководством республики. В 2006 г. Указом Президента Чеченской Республики за заслуги в разработке приоритетных направлений науки и техники, воспитании и подготовке научных кадров, за высокий профессионализм, многолетний и добросовестный труд на благо Чеченской Республики ему присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки Чеченской Республики».

В 2007 г. Министерством образования РФ награждён нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

В 2008 г. награждён орденом «За развитие парламентаризма в Чеченской Республике».

В 2009 г. награждён медалью «За заслуги перед Чеченской Республикой».

Характеризуя жизненную позицию Шахрудина Айдиевича, можно с уверенностью сказать о нём замечательными словами А.С. Пушкина: «...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой Бог нам дал ее». Вся жизнь и деятельность видного сына чеченского народа, крупного учёного российского масштаба Шахрудина Айдиевича Гапурова говорит о том, что он неизменно и твёрдо следует этому завету великого поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Магамадов С.С.* Человек, учёный, педагог // Сборник научных трудов АН ЧР. № 1. Грозный: АН ЧР, 2011. С. 3–6.
2. *Гапуров Ш.А.* История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х т. Грозный: ФГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2013. 656 с.; ил.
3. *Гапуров Ш.А.* Северный Кавказ в период «проконсульства» А.П. Ермолова (1816–1827 гг.). Монография. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 384 с.
4. *Гапуров Ш.А.* Россия и Чечня в первой четверти XIX в. Нальчик, 2003. 448 с.
5. *Гапуров Ш.А.* Чечня и Ермолов (1816–1827 гг.). Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2006. 516 с.
6. *Гапуров Ш.А., Израйлов А.М., Товсултанов Р.А.* Чечня на завершающем этапе Кавказской войны: страницы хроники русско-горской трагедии XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 312 с.
7. *Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б.* Россия и Чечня (последняя треть XVIII – первая половина XIX в.). Грозный: Изд-во АН ЧР, 2009. 522 с.
8. *Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б.* Проблемы социально-экономического развития Чечни (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Грозный: ФГУП ИПК «Грозненский рабочий», 2011. 688 с.
9. *Гапуров Ш.А., Бакашов А.В., Саралиева Л.Ш.* «...Дикой вольности любовь» (освободительное движение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в.). Грозный: АН ЧР, 2011. 438 с.
10. *Гапуров Ш.А.* Народные движения в Чечне в 60–70-е годы XIX века. Грозный: АН ЧР, 2015. 440 с.
11. *Гапуров Ш.А.* Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 гг.). Нальчик: Эль-Фа, 2004. 489 с.
12. *Гапуров Ш.А.* Социально-политическое развитие Северного Кавказа в начале XIX в. Грозный: АО ИПК «Грозненский рабочий», 2015. 480 с.
13. *Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйлов А.М.* Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. Нальчик: ГП КБР РПК, 2008. 488 с.
14. *Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш.* Кабарда в Кавказской политике России (конец XVIII – первая четверть XIX). Грозный: АН ЧР, 2012. 374 с.
15. *Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б.* Страны Востока и колониальная политика европейских держав (XVI – середина XIX века). Грозный, 2007. 218 с.
16. *Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Магомаева Ф.В.* Политическая ситуация в Чечне в середине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2014. № 1 (22). С. 51–55.
17. *Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш.* Политическая ситуация в Чечне в начале 30-х гг. XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2014. № 2 (23). С. 53–57.
18. *Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Магомаева Ф.В.* Один враждует он – зачем? (вопросы войны и мира в кавказских произведениях русских литераторов первой половины XIX в.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2014. № 3 (24). С. 35–42.
19. *Гапуров Ш.А., Саралиева Л.Ш.* Л.Н. Толстой, терско-гребенские казаки и Кавказская война // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2014. № 4 (25). С. 52–57.
20. *Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Гапурова Л.Ш.* Кавказская тематика в сочинениях декабристов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2015. № 1 (26). С. 12–23.
21. *Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Гапурова Л.Ш.* Страницы политической истории Чечни конца XVIII в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2015. № 2 (27). С. 24–29.
22. *Гапуров Ш.А., Гарсаев Л.М.* Историческое общество Беной // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2015. № 3 (28). С. 22–28.
23. *Гапуров Ш.А.* Тяжёлые страницы истории Чечни // Таллам. Грозный, 2015. № 1 (8). С. 24–29.
24. *Гапуров Ш.А., Гарсаев Л.М.* Беной: история и этнография // Таллам. Грозный, 2015. № 2 (9). С. 17–22.
25. *Гапуров Ш.А., Гапурова М.Ш., Магомаева Ф.В.* Чечня в начале XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2015. № 4 (29). С. 35–41.
26. *Гапуров Ш.А., Магомаев В.Х., Гапурова М.Ш., Гапурова Л.Ш.* Экспедиция барона Розена в Чечню в 1832 г. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2015. № 4 (29). С. 42–48.
27. *Абумуслимов А.А., Чимаева Х.Р., Тасуева Т.С.* И.А. Керимов – талантливый учёный и организатор науки // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Грозный, 2015. № 3 (28). С. 113–117.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ С СЕВЕРОКАВКАЗСКИМИ НАРОДАМИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ СФЕРАХ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

© Д.С. КИДИРНИЯЗОВ

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

Аннотация. В статье рассматривается взаимовлияние и взаимодействие друг на друга восточнославянского населения (русских, украинцев, казаков) и народов Северного Кавказа в материальной и духовной культуре исследуемого периода.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, народы, язык, взаимоотношения, гостеприимство, браки, куняки, заимствования, одежда.

Abstract. The article discusses the mutual influence and interconnection between East Slavic population (Russian, Ukrainians, Cossacks) and the peoples of the North Caucasus in the material and spiritual culture of the studied period.

Keywords: Russia, Caucasus, people, language, relationships, hospitality, marriage, kunaks, borrowing, clothes.

Формирование Северного Кавказа происходило на протяжении нескольких веков и включало в себя и такой необходимый элемент как совместное проживание в одном регионе местных народов и восточнославянского населения, их социально-культурное «совместничество».

Как свидетельствуют многочисленные факты, живя рядом, представители различных этносов и конфессий находили все же точки соприкосновения и взаимодействовали.

Народы региона всегда хотели жить мирно и оберегать свои семьи, жилища как важное составляющее своего бытия. Обеспечивая свое прочное существование, северокавказцы отстаивали свой домашний очаг от неприятеля, а не стремились непременно «создать себе врага». О бережном отношении северокавказцев к своему дому отмечал автор XIX в. Н.К. Глиноецкий: «Взгляните на дома лезгин (все народы Дагестана. – Д.К.), на их сады: везде видно, что они заботятся о том, чтобы все это было прочно и долговечно. Эта поразительная черта как-то не ладится с известною их воинственностью...; но о них нельзя сказать, что они были бы войнолюбивы. Войнолюбивый... народ не станет так заботиться об устройстве своего благосостояния...» [1, с. 124–125].

Ярким отражением добрососедских взаимоотношений между местными народами и русскими являются песни и предания, повествующие о дружбе представителей различных народов. Так, в кумыкском «Йыре об Акарай» говорится о любви русской девушки и юноши-кумыка [2, с. 186–187].

С гармоникой все народы региона познакомились через русских в первой половине XIX в. Она сразу же вошла в состав народных музыкальных инструментов. У всех народов края гармоника в основном стала женским инструментом. Игра на гармонике сопровождала национальные танцы, вместе с тем она использовалась и как сольный инструмент [3, с. 103].

Наряду с русскими у терских казаков были в ходу местные музыкальные инструменты: зурна, свирель, двухструнная балалайка, барабан. На всех этих инструментах играли мужчины, на гармонике – обычно женщины, как и у местных народов. Мелодии горских песен и даже формы танца были восприняты казачеством. Возникший в станице Наурская круговой темпераментный танец – наурская лезгинка – стал национальным танцем терских казаков [4, с. 9].

Особое внимание русское население региона уделяло военизированным играм, готовившим молодёжь к службе, умению хорошо ездить на коне, владению в совершенстве холодным и огнестрельным оружием, умению метко стрелять на скаку, ориентироваться на местности. Живя в соседстве с местными народами, восточнославянское население перенимало у северокавказцев некоторые игры, в то же время передавая им свои. Например, казаки восприняли у местных народов такие игры, как «Перетягивание каната», «Борьба на поясах», «Наездники и кони», «Борьба всадников» и др.

Одним из обычаев, бытовавших в изучаемое время и оказавших огромное влияние на межэтнические связи, был обычай гостеприимства.

Обычай гостеприимства прочно вошел и в жизнь русского населения края. Гостеприимство оказывалось всем, независимо от этнической принадлежности и религии, но при этом соблюдались определенные приличия. Например, старались не задевать религиозные чувства гостя. Если дом казака посещал гость-мусульманин, то спиртное на стол не подавалось. Кроме того, ему было дано право самому забить скотину или птицу [5, с. 83–84].

Народы региона со временем настолько сблизилась с казаками, что отлично понимали друг друга, легко находили общий язык, у казаков и русских появились близкие друзья – кунаки в аулах, а у местных народов – в станицах и городах, они делили горе и радость, перенимали друг у друга положительный житейский опыт. Многочисленные архивные источники свидетельствуют о том, что между местными народами и терско-гребенскими казаками сложились добрососедские отношения. Так, например, во время неурожайного 1740 г. казаки помогали ногайцам провиантом и другими товарами [6, л. 10, 35–36 об., 105, 135]. Многие казаки и русские выезжали в аулы, где строили дома, мельницы, конюшни, разводили сады и виноградники, делали мебель для зажиточной местной верхушки.

В дореформенный период, несмотря на военные действия, часть казаков и русских сохраняла среди местных народов кунаков и родственников.

Веками общаясь между собой, казаки и местные народы все время пополняли свой словарный запас за счет русских, кавказских и тюркских слов. О разговорном языке терских казаков можно судить по ст. Наурская (Чечня). «Язык наурцев, – писал в начале XX в. П. Востриков, – довольно своеобразный. Их великорусский язык подвергался влиянию всевозможных народностей: то ногайцев, то калмыков, то лезгин, чеченцев и других горцев... От всех народностей, с которыми соприкасались казаки, они переняли много слов и оборотов» [5, с. 64].

Нередко бывали случаи, когда молодые юноши из местных народов, полюбив девушку, но, не будучи в состоянии уплатить за невесту калым, убегали с любимой в казачью станицу. Среди терских и кубанских казаков нередко причиной брака могло стать пленение местной девушки или договор с ее родителями, с выплатой калыма. Следует отметить, что военное командование, как правило, не препятствовало межэтническим бракам, а нередко даже способствовало. Ведь основной причиной подобных семейных союзов являлся недостаток женщин в казачьих стани-

цах [7, с. 611]. Необходимо также указать, что российские власти на Кавказе видели в русско-северокавказских браках еще одну выгодную особенность – межэтнические союзы способствовали складыванию традиций куначества, которые в мирное время тесно поддерживались, а в период Кавказской войны привлекались для освобождения из плена близкого родственника или для разведывательных целей [8, с. 496]. До сих пор в казачьих станицах сохранилось немало людей, далекие предки которых вышли из местных народов. Однако известны были и другие случаи. Так, в местных аулах проживало много представителей восточнославянского этноса, особенно в период Кавказской войны. Русские солдаты, казаки и крепостные крестьяне сами бежали в аулы. Со временем эти русские женились на местных девушках, обзаводились хозяйствами. Многие из беглых русских ассимилировались и навсегда оставались жить там [5, с. 90–91].

Наиболее сблизилась с северокавказскими народами гребенские и терские казаки, проживавшие в регионе издавна. В результате многолетнего мирного соседства с горскими народами среди замужних казачек было много женщин местного происхождения, особенно чеченок, ногаек и кабардинок [9, с. 194]. Как указывал крупный исследователь терского казачества И.Д. Попко, «казаки скоро вошли в дружеские и родственные связи с горцами... от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчальных» [10, с. 24]. В таких случаях нередко казаками выплачивался по местному обычаю калым. Но так как такой выкуп был зачастую не по карману простым казакам, то наиболее частым способом получения невесты было распространенное на Северном Кавказе «умыкание» (похищение девушки). Как отмечал известный кавказовед Ф.А. Щербина, «русская казачья вольница на Тереке... в первые времена своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе» [7, с. 337].

Отмеченные межэтнические контакты не могли не оказать своего влияния на свадебную обрядность. Так, в частности, у казаков взаимодействия выразились в обязательном включении в состав приданого и свадебных подарков металлических предметов и изделий, оставлении части приданного в семье родителей, исполнении лезгинки, игре на местных музыкальных инструментах, спортивно-развлекательных играх и состязаниях (джигитовка, стрельба и пр.), в ряде элементов свадебной одежды и украшений, похищении невесты [11, с. 58].

Принимая крещение, они вливались в состав гребенцев. И в XIX в. многие казачьи роды помнили о своем происхождении. О том, что в состав гребенского и кизлярского казачества вошли представители разных народов, свидетельствуют прозвища и фамилии казаков: Аука, Басман, Тарывердый, Хаджаев, Велиев, Казиев, Бетапов Шергипов, Кайтемиров, Татаров и др. [12, л. 30].

Известный собиратель русского фольклора на Северном Кавказе В.С. Кирюхин, ссылаясь на рассказ терской казачки из ст. Червленая писал: «Когда казаки прибыли на Кавказ, они в большинстве прибыли без жен. Они здесь жен воровали... В ст. Червленая живут ногайцы, и чеченцы, и тавлины. У червленцев чисто русских нет. Я, например, кабардинка по матери. Родословная показывает, что муж по происхождению яицкий казак, и его предкам почти триста лет. Мой дед прекрасно говорил по-ногайски и по-чеченски. Бабушка обладала кумыкским языком, ездила в Аксай...» [13, с. 167].

Особым гостеприимством отличались терско-гребенские казаки. Например, в ст. Червленая нашли приют и остались навсегда выходцы из многих регионов Северного Кавказа. Об этом красноречиво показывают фамилии станичников (Закаевы, Гулаевы, Байсунгуровы, Кучуковы и т.д.) [14, с. 106].

Следует отметить, что подобные случаи не были единственными в своем роде. Сын Фролова и кабардинской княжны Таймазовой (из ст. Червленая) Мисост (Иван) бежал на Кубань и сражался против русской армии. Подобная этническая прослойка в русских станицах служила своеобразным передаточным механизмом, звеном, соединяющим местные народы с гребенским казачеством [15, с. 226]. Многочисленные материалы свидетельствуют о том, что глубокое проникновение в другую культуру могло происходить не только в результате межэтнических браков, но и различных форм искусственного родства и дружественных отношений, которые позволяли воспринимать «чужую» культуру как «свою».

Таким образом, даже в самые сложные времена русские офицеры и местные народы находили повод для дружбы, которую они ценили.

Влияние местных народов на русское население было значительно и выражалось это в одежде, вооружении, нравах и обычаях. Уже в первой половине XVIII в. донской атаман С. Кочетов «сказывал», что казаки даже на Дону носят платье и русское, и татарское, и черкесское [16, с. 537].

Кавказская одежда в силу ее удобства со временем стала форменной для казачьих во-

йск. «Приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, – отмечал М. Арнольди, – находясь при одинаковых военных потребностях со своими соседями, неприятелями, не отставало от них как в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения» [17, с. 7].

Заимствовали местные народы у русских и типы жилищ, строительную технику. У местных народов появились современные европейского типа строения – жилища с русской печкой, деревянные кровати заменяли нары, появились столы, стулья, стали разводить овощные культуры, кавказский стол сделался более разнообразным и т.д.

Заимствования в области материальной культуры у русского населения и местных народов также были взаимными. Приезжая в станицы на ярмарки или в гости к кунаку, местные народы видели, как выглядели поселения и жилища русских и казаков. Местные народы перенимали то, что казалось им практичным и удобным. Казаки по кавказскому обычаю стали вешать на стену оружие [18, с. 184–185].

По прибытии на Северный Кавказ казаки стали заимствовать кавказское вооружение и костюм, так как они были лучше приспособлены к местным природно-климатическим и боевым условиям. Как писал В.А. Потто: «Тяжелые сабли и длинные неуклюжие пики были ими брошены, кинжал и шашка сделались их любимым оружием. Даже казацкие жупаны, и те отошли в область предания, заменяясь мало-помалу черкесками, которые казаки стали предпочитать за легкость и удобство покроя» [19, с. 18]. Кавказский костюм, состоявший из скроенных в талию бешмета, черкески и штанов с высокими сапогами, был очень удобен при верховой езде.

Русские солдаты и офицеры, получив опыт в местных условиях в ходе Кавказской войны, вносили изменения в свою форму, мало приспособленную для региона. Офицеры носили бурку, черкеску, кавказский клинок [20, с. 168]. Как писал современник: «Щегольство лошадыми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец, до того, что они в этом отношении перещеголяли» местное население [17, с. 8].

Женщины-казачки носили платье горского покроя с длинными рукавами, металлическими нагрудными застежками, местную шапочку и большой платок. Влиянием местного быта объясняется и пристрастие русских женщин к украшениям и косметике. Казачки носили серебряные пояса, монисты, браслеты, кольца. По местным рецептам женщины красили сурьмой брови и ресницы, румянили лицо и т.д. [21, с. 213].

Кроме того, у местных народов русским населением были заимствованы различные способы и методы ведения скотоводческого хозяйства, породы скота и другие элементы материальной культуры.

Заимствуя у местных народов форму одежды, казаки хорошо представляли, что это является следствием многовекового боевого и жизненного опыта, благодаря чему она столь удобна в военных условиях [22, с. 289].

Принятая казачеством одежда состояла из зипуна с открытой грудиной и черкески с галунной обшивкой; деревянных, украшенных костью или серебром патронников (газырей), которые в начале носились на поясе, подвешенные к нему на длинных шнурках, а позже прикреплялись на груди. Шапка из черного овчинного меха была двух видов: высокая и низкая, круглая, с узким меховым околышем и с суконным верхом, обшитым галуном. На ногах чувяки из сафьяновой кожи, а также ноговицы или наколенники. Кроме того, защитой от ветра, дождя и снега для головы и плеч был башлык. Не заменимая никаким плащом бурка совмещала в себе епанчу, шубу, постель, одеяло и шатер [10, с. 110–111].

Вместе с одеждой казаки переняли у местного населения и вооружение. Тяжелая сабля и длинные неуклюжие пики были ими заменены. Кинжал, шашка в тонких сафьяновых ножнах, не производившие ни звона, ни шума, сделались их надежным оружием [19, с. 136]. Со временем вооружение казаков стало еще более похожим на местное. Оно стало состоять из винтовки, одного или двух пистолетов, кинжала и шашки.

Кроме того, для предохранения винтовок от сырости казаки вместо обычных кожаных чехлов имели войлочные. Следует отметить, что в середине XIX в., по инициативе руководства Войска Донского, здесь также были введены чехлы из войлока [23, с. 215]. Казаки заимствовали также у местных жителей двухколесную арбу и рабочую езду на волах.

Казачество заимствовало у местного населения и всю конскую сбрую [24, с. 111], вплоть до медных стремян, имевших форму стаканчиков [17, с. 10]. Седло и все конское снаряжение было доведено до высшей степени изящества и легкости. Местное «седелечко» славилось в песнях и рассказах русского населения края [10, с. 11].

Заимствовав внешний вид, вооружение и снаряжение, казаки подражали местному населению и в поведении. Как отмечали современники, «казаки пользовались вполне заслуженною славою удалства и храбрости. На конях горских пород,

в красивом горском костюме, линейные казаки многое заняли от горцев: джигитовку, удалство и блестящую храбрость с театральным оттенком» [25, с. 198]. Казаки никогда не упускали случая показать удалство в одиночном бою. Как и местное население, в конной схватке они поминутно стреляли из винтовок и пистолетов, стремясь этим посеять панику в рядах противника и тем самым подготовить успех боя. После такой джигитовки казаки обычно выхватывали шашки и с яростью бросались на противника [26, с. 241].

Своеобразным явлением в период народно-освободительной борьбы были пешие казаки-пластуны, из которых формировались специальные части. Их появление было обусловлено необходимостью успешно действовать против мелких пеших отрядов повстанцев, пробиравшихся в тыл русских войск по горным речным плавням и лесным чащам. В этой борьбе пластуны должны были перенять у своих противников все приемы и способы ведения боя. Даже своей внешностью казаки-пластуны ничем не отличались от повстанцев. Потрепанная черкеска, покрытая многочисленными заплатами, порыжелая папаха, чувяки из кожи дикого кабана щетиною наружу – вот обычная одежда пластуна. Кроме того, ее дополняли сумка за плечами, кинжал и висящие у пояса пороховница, шило из рога горного козла, котелок и пр. [7, с. 497].

Необходимо отметить, что тактика пластунов, заимствованная у повстанцев, была полностью оценена военными специалистами только после Крымской войны, когда в боях за Севастополь в 1854–1855 гг. отличились 2-й и 8-й батальоны черноморских пластунов [27, с. 138].

Российские кавалеристы не раз использовали прием, заимствованный ими у горцев, которые обычно подвозили пеших воинов на крупах своих коней ближе к противнику или таким же образом помогали им при отступлении [28, с. 68].

Своеобразный тактический прием, который был выработан в ходе народно-освободительной борьбы горцев, заключался в том, что создавалась система так называемых «залогов». «Залог» – заранее выбранные укрытия, за которыми солдаты скрывались от огня противника. При наступлении или отступлении стрелковые цепи передавались от одного «залога» к другому, прикрывая друг друга огнем. Подобный тактический прием полностью был принят у повстанцев и усовершенствован применительно к тактике российских регулярных войск [29, с. 117].

Необходимо указать, что тактика маневренной войны, отработанная в северокавказском

регионе с учетом военного мастерства местных народов, с успехом использовалась российской армией, в основном кавалерией и в особенности казачьими корпусами, и на других театрах боевых действий. Опыт, приобретенный в ходе Кавказской войны, нашел широкое отражение в российских кавалерийских уставах, методах обучения и боевой подготовке.

Следует отметить, что природная среда влияла не только на развитие тех или иных отраслей хозяйства восточнославянского населения, но и на особенности каждой из этих отраслей. Например, различались основные земледельческие культуры, которые возделывались в степной и предгорной зонах Северного Кавказа. Так, в плоскостных станицах большую часть зерновых составляли озимые, а в предгорных – яровые культуры. На равнине в больших размерах выращивали просо, а в левобережье Терека даже рис. Кроме того, значительные земельные площади занимали бахчевые культуры (арбузы, дыни), а гречихи или картофеля было немного. В предгорных русских селениях и станицах с более прохладным и влажным климатом не сеяли или почти не сеяли просо, не сажали арбузы, зато выращивали в больших количествах картофель, капусту, гречиху и пр.

Под непосредственным влиянием общения с восточнославянским этносом к местному населению стали проникать из центральных регионов страны более усовершенствованные орудия труда. Таврические крестьяне завезли в Предкавказье овец-мериносов, лошадей, новые породы крупного рогатого скота.

Народы региона оказали определенное влияние на материальную культуру казачества, в том числе на одежду. Бельевая или постельная одежда (рубаха и штаны) русского населения шилась из отбеленного холста. Бешмет шили из разнообразных тканей. Зимний бешмет был стеганым, а летний – на подкладке. На бешмет надевалась черкеска. В состав формы одежды казаков входила также бурка. Головной убор шапку-папаху шили из овчины. Казаки носили головные уборы даже летом [30, с. 48, 49].

Необходимо отметить, что влияние русского казачества особенно ярко прослеживалось в материальной культуре, прежде всего, равнинных и предгорных жителей региона, научившихся у своих восточнославянских соседей более культурным бытовым навыкам и усовершенствованным приемам ведения сельского хозяйства.

Под влиянием русских тип жилища местного жителя резко меняется и внешне, и внутренне. Местные народы стали строить по образцу жилищ своих русских соседей деревянные, саман-

ные, каменные или кирпичные дома с черепичной крышей и с окнами. Во внутреннем убранстве своего жилища местные жители начали подражать русскому казаку. Местные народы поняли преимущество русской печки перед горским очагом. Неуклюжие нары вытесняются изящной железной кроватью, низенький треножник – русским столом и т.д.

Северокавказские народы и казаки в совместной жизни не могли не влиять друг на друга в культурном отношении. Известно, что гребенские казаки садоводству, виноделию и шелководству научились у народов Дагестана, издавна занимавшихся этими отраслями хозяйства на Кумыкской плоскости.

Свою одежду, ничем не отличающуюся от горской, русские и казаки позаимствовали у местных народов. Неудобные и неприспособленные для верховой езды казацкие жупаны были вытеснены легкими и удобными черкесками.

Влияние местных народов отразилось и в домашнем быту терско-гребенских казаков. Согласно мнению известного исследователя истории терского казачества И. Попко, казаки переняли у местного населения «внутреннее убранство домов; в одном углу – оружие и доспехи, развешанные по стене, в другом – постели и одеяла, сложенные правильными кипами, а на самом видном месте, по полочкам – посуда, тщательно вычищенная и парадно расставленная» [10, с. 24].

Казаки и русские переселенцы позаимствовали у местных народов ряд национальных блюд: чурек – пресный хлеб, пироги с начинкой из сыра или овощей и пр.

Влияние культуры местных народов нашло свое отражение не только в материальной, но и в духовной сфере терско-гребенских и кубанских казаков. Любопытно в этом отношении указать отражение северокавказской культуры в народном эпосе гребенского казачества. Народные сказки, предания, поговорки и легенды, очень распространенные среди терско-гребенских казаков, судя по композиции, юмору и остроумию, как точно подметил Немирович-Данченко, первоначально возникли у народов Северо-Восточного Кавказа, в частности Дагестана [31, № 32]

Вместе с изменениями в материальной культуре местных народов происходили изменения в их языке, который обогащался русскими словами. В речи местного населения появились, например, такие русские слова, как «пеш» (печь), «биричка» (бричка), «калош» (галоши), «истол» (стол) и др. Также весьма значительным было и влияние местных языков на говор казаков и русских переселенцев.

Таким образом, многовековое соседство русских и казаков с народами Северного Кавказа взаимно обогатило материальную и духовную культуру и тех, и других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глиноецкий Н.К. Поездка в Дагестан // Военный сборник. М., 1862.
2. Аджиев А.М. Русско-кумыкские взаимосвязи, отраженные в фольклоре кумыков // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1990.
3. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967.
4. Абдулвахабова Б.Б.-А. Семейные традиции и обряды чеченцев и терско-гребенского казачества // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы девятой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2014.
5. Востриков П. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // СМОМПК. Тифлис, 1907. Вып. 37.
6. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 45.
7. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринбург, 1910.
8. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
9. Кирюхин В.С. Отражение современной истории, этнических связей и национальных отношений в русском фольклоре на Северном Кавказе, а также на Дону, Прикаспии, Яике во взаимодействии. Саратов, 2000.
10. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880. Вып. 1.
11. Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI – XIX веке // КЭС. Вып. 8. М., 1984.
12. ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 105.
13. Русский прозаический фольклор в Дагестане и на Северном Кавказе (в записях 1972–1975 гг.) / Публикация, вступит. статья и коммент. В.С. Кирюхина. Махачкала, 1980.
14. Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Армавир, 2001.
15. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д., 2001.
16. Историческое описание земли Войска Донского. СПб., 1872. Т. 2.
17. Арнольди М. Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. СПб., 1890.
18. Невская Т.А. Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Казачество и народы России. Материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008.
19. Потто В.А. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. 1.
20. Каченовский В. Первое знакомство с Кавказом // Военный сборник. М., 1863. № 7.
21. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.
22. Захарьин И.Н. Кавказ и его герои. СПб., 1902.
23. Дукмасов. Современное обмундирование и вооружение казаков // Военный сборник. М., 1871. №2.
24. Есаул. Пешие казаки // Военный сборник. 1860. №1.
25. Филиппсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. 1883. Т. 3.
26. Драгунский офицер. Воспоминания о Закавказском походе // Военный сборник. 1860. № 1.
27. Есаул. Черноморские пластуны в Севастополе // Военный сборник. 1874. № 6.
28. Потто В. История 44го драгунского Нижегородского полка. СПб., 1893. Т. 2.
29. Зиссерман А. История 80го пехотного Кабардинского полка. СПб., 1881. Т. 3.
30. Кизляр – столица Нижне-Терского казачества. Махачкала, 2010.
31. Немирович-Данченко В.И. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. 1888. № 32.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ЧЕЧЕНЦЕВ В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ XVI–XVII ВВ.

© Т.С. МАГОМАДОВА

Чеченский государственный университет, г. Грозный

Аннотация. Русские документы XVI–XVII вв. зафиксировали более 250 имен собственных чеченцев-окочан, которые находились на государственной службе в военно-административном центре России на Северном Кавказе Терском городе, а также тех чеченцев-горцев, которые в той или иной мере соприкасались с русскими и их политикой в Чечне. Эти имена дают важный и интересный материал для изучения Чечни XVI–XVII вв. и более позднего времени.

Ключевые слова: Россия, Чечня, русские письменные источники, имена собственные чеченцев, вспомогательный материал для изучения прошлого Чечни.

Abstract. The Russian documents of the XVI–XVII centuries have captured more than 250 names of Chechens-Okoks that employed in the Civil Service at the military administrative center of Russia in the North Caucasus in Tersky city, as well as those of the Chechens, the highlanders, who were in contact with the Russians and their policy in Chechnya. These names give important and interesting material for the study of Chechnya in XVI–XVII centuries and at a later time.

Keywords: Russia, Chechnya, Russian written sources, the names of the Chechens, auxiliary material for studying the past of Chechnya.

Русские письменные источники XVI–XVII вв. впервые дают довольно большое количество личных имен чеченцев. Имена собственные той отдаленной эпохи могут стать дополнительным материалом для историков, этнографов, социологов, религиоведов, культурологов, языковедов и др. и потому требуют внимательного рассмотрения. Это один из источников изучения прошлого, который представляет ономастическое богатство Чечни, достойное внимания специалистов.

В русских документах как названия отдельных этнических групп чеченцев, так и их имена передавались в русифицированной форме, обычно искаженными так, что порой затруднительно прочитать [1, с. 60–64].

Имена чеченцев зафиксированы в царских грамотах, донесениях («отписках») в Москву астраханских и терских воевод, росписи населения Терского города, Терских расходных книгах, выписках астраханской таможни, челобитных чеченских и кабардинских мурз, записях приема посольств в Москве, грамотах из Посольского приказа, письменных обращениях («памяти») и т.д.

В данной статье изъят практически все упоминаемые в известных русских источниках XVI–XVII вв. имена чеченцев. Их более 250. Эти имена принадлежат в основном персоналиям из ококов-окочан, являющихся частью чеченцев, которые с конца XVI в. осели близ царской крепости Терской город и стали российскими «государевыми служилыми людьми», за что по-

лучали денежное и хлебное жалованье. И, как принято было в России, имена сопровождалась фамилиями, что значительно расширяет их круг. Пространный список терских окочан связан со служебной деятельностью: им поручались поездки во все уголки Северного Кавказа и за пределы для сбора информации о политической ситуации в крае, сопровождения русских посольств в Грузию и обратно до Терека, они бывали в Москве и других российских городах в качестве гонцов, участвовали в военных походах, писали челобитные на имя царя, вели торговые операции, сопровождали кабардинских князей и чеченских мурз в Москву и т.д.

Длительная жизнь окочан вблизи с другими северокавказскими народами и русскими сказалась на ономастике, которая порой носит этнический характер (Кумычка, Нагайка, Черкас, Кабарты, Адыга), много тюркских заимствований (Батыр, Кермен, Ачелей, Кутум, Алтын, Балык), несомненно, есть имена местного происхождения (Кентя, Дики, Чюра, Хашачка), весьма распространены мусульманские имена (Ахмат, Багаматка, Исупка, Хасан, Абдула, Осман) и даже русские (Петряй, Офонаско, Фома) у тех, кто принял православие и стал «новокрещеном».

Другая часть имен собственных (их около двадцати) принадлежит горским чеченцам – шибутам и мичкизам, с которыми царская администрация имела не столь широкие контакты. В основном горских представителей называют только именами, без фамилии. Их имена разно-

образны и носят самобытный локальный характер (Аврак, Бисяш, Затышко, Декидко, Магач, Зовзей).

Многие имена чеченцев (как, впрочем, и имена других этносов) в русских документах XVI–XVII вв. звучат в уменьшительно-пренебрежительной форме (Юсупка, Турушка, Сосланка, Смаилко). В этом есть своеобразие тогдашнего российского этикета. Даже для бояр и князей начиная с XV в. утверждается форма обращения к государю: «Я есмь холоп твой». Посол Германской империи Сигизмунд Герберштейн в начале XVI в. отмечал: «На Руси все они называют себя холопами, т.е. рабами государя» [2, с. 85]. Вплоть до екатерининского времени, как правило, в обращениях на царское имя (в челобитных) все подданные, в том числе и окочане, независимо

от социального и этнического происхождения называли себя «холопами», «рабами». Екатерина II запретила употребление этих слов.

Чеченские личные имена уже не раз становились объектом интереса исследователей. Работы И.Ю. Алироева, Н.С. Бибулатова, Н.Г. Ахриева, М.Х. Багаева и др. дают ценную информацию в целом об историческом развитии собственных имен чеченцев [3].

Цель данной работы – выявить и представить собственные имена чеченцев из русских письменных источников XVI–XVII вв., установить, кто были носители этих имен, в связи с какими обстоятельствами они упоминаются в документах. Надеюсь, данный материал заинтересует специалистов для более глубокого изучения этого важного пласта истории.

№	Дата	Имена и фамилии	Социальное положение, род занятий	Сведения о них, в связи с какими событиями упомянуты
1	1586 г.	Ших-мурза Окоцкий (Ших-мурза Ишеримов)	Мурза, глава феодального чеченского владения Окоцкая земля	Донесение астраханского воеводы в Посольский приказ с сообщением о намерении Ших-мурзы выехать в Астрахань [4, с. 13–14; 5, с. 16–17, 62–66; 8, с. 215–219; 9, с. 59–60; 14, с. 18–30]
2	1586 г.	Бязия, Урак	Люди Ших-мурзы	Ших-мурза посылал их к воеводе в Астрахань с сообщением, что хочет ехать туда, так как ему большая угроза со стороны недругов [4, с. 13]
3	1588 г.	Батай (Батай-мурза Шихмурзин)	Племянник Ших-мурзы, заложник (аманат) его верности России, с 1595 г. «терский жилец», в 1609 г. тайно бежит из Терского города в Окоцкую землю	Послан Ших-мурзой в Москву к царю Федору Ивановичу с двумя грамотами [5, с. 62–65; 10, с. 94–99]
4	1588 г.	Ушаром-мурза	Отец Ших-мурзы, предводитель ококов (умер в 1580-х гг.)	Ших-мурза упоминает о нем в своей грамоте царю Федору Ивановичу, «что с отцом своим с Ушарым мурзою тебе, государю, верою и правдою служили» [4, с. 17–18]
5	1588 г.	Кермен, Урак, Алей, Микин	«Слуги» Батая	Они сопровождали в 1588 г. Батая в Москву к царю Федору Ивановичу [4, с. 17]
6	1601 г.	Янай Ахин, Дидей Мустапаров	Терские окочане, находившиеся на государственной службе (выходцы из Окоцкой земли)	Терские воеводы послали их к грузинскому царю Александру с целью получения от него сведений про турецкие, персидские и «про горские про всякие вести» [4, с. 41]
7	1603 г.	Хармурза Абдалин	Житель из селения Того Аргунского ущелья	С грузинским посольством царя Александра по торговым делам приезжал в Терский город [15, с. 141]
8	1605 г.	Тавбурлу Темиргозин, Аларсан, Батыр, Уракча, Салтан-бек	«Товарыщи» Батая (уздени)	С ними Батай-мурза приехал в Москву к царю. На московском престоле был уже Лжедмитрий I [5, с. 517–520; 6, с. 73–75; 4, с. 46–50]

9	1609 г.	Саламко Илбуздуков, Кутум (его жена), Алтын (жена Батай-мурзы), Индричейко Урак Старый Смаил Итин Черербаш Алибеков, Алибек Старый	Терские окочане Окочанин Окочанин Окочане	Бежали из Терского города вместе с Батай-мурзой От него бежали вместе с Батай-мурзой «3 холопа да девка» Он вместе с другими окоцкими людьми преследовал беглецов Им отданы были отбитые у Батай-мурзы некоторые из беглецов [5, с. 524–527; 4, с. 63–65]
10	1614 г.	Урак Итинов, Табурка Ураков, Адыга Бибердин, Урак Молодой, Кея Илзияров, Дидей Мустапаров, Юзешар Янбеков, Багыр Акин, Охмат Иналов, Одя Ятеков, Кентя Кербеков, Черюбаш Алебеков, Табура Ураков, Урак Янмеков, Тербулат Бибердин, Арахча Мачюкин, Смаилко Ичин, Псенчей Чоробашов	«Лучшие люди из окочан» Терского города	От их имени написана челобитная служилых окочан Терского города царю Михаилу Федоровичу (эта часть окочан представляла 160 их «товарищей»). Челобитная послана поздравить царя с восшествием на престол и о пожаловании их за службу [5, с. 554–555; 4, с. 54–56]
11	1614 г.	Ахмат Амалеев (Иналов), Ачелей Халеев	Терские жильцы (служилые окочане)	Послы от окочан в Москву в 1614 г. к царю Михаилу Федоровичу. Привезли челобитную терских окочан 1614 г. Были на приеме у царя [5, с. 557; 4, с. 61–62]
12	1614 г.	Дербыш Божиков, Петряй Илтаров	«Терские жильцы окоцкие»	Воевода Терского города посылал их в Мичкизы «проведывати про шах-Басса и про горские про всякие вести и про кумыкского мурзу Салтан-Магмута з братьею» [7, с. 43–45; 4, с. 56]
13	1614 г.	Албирюй Когостров, Когостров-мурза Битемирев	Жители Окоцкой земли	В стане кумыкского мурзы Салтан-Магмута приезжали на р. Быстрая, куда в качестве аманата в Терский город привозил мурза своего сына [7, с. 43–45; 4, с. 60]
14	1616 г.	Урак Агумов, Балык Тавказаков, Ахматко Иналиков, Кея Илзеяров, Черербаш Албеков, Одя Отеков, Урак Чамачюкин	Служилые окочане Терского города	Кроме двух первых, остальные уже были подписантами челобитной терских окочан царю 1614 г. Перечисленные окочане отмечены в челобитной 1616 г. Эти «лучшие» от имени всех окочан писали царю о своих нуждах [5, с. 558–561; 6, с. 94–96; 4, с. 73–76]
15	1618 г.	Тавбур Чураков	Терский окочанин (упомянут в 1614 г. в челобитной окочан)	Получил в Терском городе «государево жалованье для уварской (аварской. – Т.М.) службы 6 аршин сукна» [4, с. 80]
16	1618 г.	Уракча Мачюкин (Урак Чамачюкин, Арахча Мачюкин)	Терский служилый окочанин. Упомянут в челобитных 1614, 1616 гг. Возможно, он же был в	Получил «государево жалованье» за службу «4 аршина сукна». Ездил «в Мулки и в Шибуты для государева дела» [4, с. 81]

			1605 г. с Батай-мурзой в Москве («Уракча»)	
17	1618 г.	Келя Ильдеярв, Черешаш Алибеков	Терские окоцкие служилые люди. Оба в списке «лучших людей» в челобитных 1614, 1616 гг.	За «мерезинскую службу» («мерези» – тайп Мержой) им дано «государево жалованье» «на наговицы 1 аршин сукна аглинского (английского. – Т.М.)» [4, с. 81]
18	1618 г.	Аламбек	Мичкизянин (Мичкизы – юго-восточная часть Чечни)	Получил 6 аршин сукна «государева жалованья»: «привез государев ясак из мичкизских кабаков в Терский город» [4, с. 81]
19	1620 г.	Аврак	Мичкизянин, аманат в Терском городе	Получил «государево жалованье» [4, с. 91]
20	1625 г.	Асанко	Служилый окочанин	Сопровождал татарина – посланника из Терского города в Шемаху вместе с другими окочанами и новокрещенами. Был взят в плен в Кайдакском владении в Дагестане [16]
21	1628 г.	Лаварсанко Языев, Затышко Лаварсанов	Шибутские люди (шибуты – жители Аргунского ущелья)	За 20 дворов приносили присягу в Терском городе, что они будут московскому царю «служити и прямити» [4, с. 111–112]
22	1628 г.	Арасланко, Декидко	Шибутские люди	«А с ними человек с 30» напали на гребенские казачьи городки [4, с. 111–112]
23	1634 г.	Бикша Алеев	Терский окочанин, уздень кабардинского князя Шолоха. Он же «дядька» (аталык) – воспитатель князя	Кабардинский мурза Кельмамат Куденетович Черкасский в челобитной царю Михаилу Федоровичу просит взять его под защиту от окочанина Бикши Алеева [4, с. 116, 129, 139, 143, 144; 11, с. 147–154]
24	1634 г.	Контеш Булатов	Терский служилый окочанин	Продал кабардинскому князю Кельмамету Черкасскому невольницу (ясырку) с сыном [4, с. 117]
25	1634 г.	Келко Илзияров, Черешашко Алибеков, Батыр Когакин	Окоцкие люди. Имена двух первых стоят в челобитной терских окочан 1614, 1616 гг. Имя третьего – в челобитной 1614 г. Возможно, это тот Батыр, который в 1605 г. сопровождал Батай-мурзу в Москву	Челобитная служилых окочан Терского города царю Михаилу Федоровичу о денежном и хлебном жалованье [4, с. 117–120]
26	1640 г.	Черкес Алеев, Ялмурза Алеев	Окочане Терского города, братья Бикши Алеева, задворные уздени (живущие вне двора своего феодала) кабардинского князя Муцала Черкасского	Упомянуты в росписи населения Терского города [4, с. 129, 143, 168–176]
27	1640 г.	Албир-мурза Костров (Кохостров)	Окоцкий мурза. Старший сын мурзы Кохострова Битемирова, который в 1621 г. ездил в Москву к царю представить себя и передать челобитную служилых окочан	Упомянут в росписи населения Терского города [4, с. 130, 139–142, 297]
28	1640 г.	Катайка, Кумычка, Бахчей, Белекей, Мисерка Балыков, Бетяй Тадышев	Уздени Албир-мурзы Кохострова. Двое последних конкретно обозначены окочанами	Упомянуты в росписи населения Терского города [6, с. 194; 4, с. 130]

29	1640 г.	Касюлдюков, Черешашка Давруков, Чекелка Куранов, Кумачка Ураков, Лепшихи Адыгин, Бакуй, Черюка Иванчеев, Кечелека Иванчеев, Алток Мазин, Сосланка Асебеев, Нагайка Кичеев, Абалыкчейка, Ротка Козебердеев, Азей Алебеков, Бугадай Кунубаев, Елакчейка Куранов, Улунбечка Куранов, Черкаска Ураков, Чагырка Танбулатов, Такай Смаилев, Келтей, Малаи, Салтаначка Иванчеев, Муса Абыз, Юсупка Иванчеев, Офонаско, Утейка	Дворовые окочане Муцала Черкасского (живущие во дворе своего феодала) Задворные окочане Муцала Черкасского (живущие вне двора феодала)	Упомянуты в росписи населения Терского города [6, с. 196; 4, с. 133–134; 15, с. 163]
30	1640 г.	Баймурза	Терский окочанин	У него имелись невольники (ясыри) из грузин [4, с. 308]
31	1641 г.	Донечка Черешашев	Терский окочанин, уздень кабардинского мурзы Кельмамета Черкасского	Послан терским воеводой вместе с другим узденем в Москву с донесением. Оба пишут челобитную царю о выдаче дорожного корма, неполученного ими в 1640 г. [4, с. 135, 298]
32	1642 г.	Алхан Дикеев	Житель Дикеевой деревни Шибутской «землицы»	Привез от грузинского царя письмо воеводе Терского города [4, с. 136, 137; 12, с. 117–121]
33	1644 г.	Петряй	Окочанин, житель Черкасской слободы Терского города	Кумык Черюм из Эндери пишет челобитную царю, в которой жалуется на Петряя, держащего у себя его дворового человека [4, с. 164]
34	1645 г.	Чепан Кохостров	Окоцкий мурза, младший сын мурзы Кохострова Битемирова	Челобитная царю о пожаловании его прибавкою к жалованью и владением узденями и «людьми» его умершего брата мурзы Албира Кохострова [4, с. 139–141; 13, с. 122–130]
35	1645 г.	Обдырханка, Чепаловка, Ханмурзка	Окочане, сыновья трех братьев – узденей Алеевых (Бикши, Черкеса, Янмурзы)	Грамота из Посольского приказа терскому воеводе о поверстании в задворные уздени к мурзе Муцалу Черкасскому трех сыновей его узденей Бикши, Черкеса и Янмурзы Алеевых [4, с. 143]
36	1646 г.	Фома Максимов, Ахмат Сигунов	Новокрещен Служилый окочанин	Присланы с «языками» (пленниками) в Москву с Дона князем С.Р. Пожарским и князем М.С. Черкасским. Пишут челобитную царю о пожаловании их поденным кормом и питьем [4, с. 146–147]
37	1646 г.	Турушка Семсюрлов	Терский окочанин	Прислан с Дона князем М.С. Черкасским вместе с другими гонцами с вестью о победе [4, с. 147]

38	1646 г.	Айдемирко	Мичкизянин	С тремя «товарищами» вез из Мичкизской земли в Терский город ясак [4, с. 148–149]
39	1647 г.	Ушарим, Магач	Мичкизяне, жители Терского города, которые «живут на Терке долгое время»	Терский воевода посылает их в Мичкизскую землю уговаривать соотечественников принести шерсть [4, с. 163–166]
40	1647 г.	Муралей	«Выборный лутчий человек ото всей Мичкизской земли»	Вместе с четырьмя выборными людьми должен был заверить терского воеводу о покорности всей Мичкизской земли московскому царю [4, с. 165]
41	1647 г.	Алги, Анак, Ильдей Каса	Шибутские «начальные люди» Аманат, которого дали шибутские «начальные люди» в Терский город	Они с селениями своими «з Баранцевым (Варанды. – Т.М.), да с Тумцоювым (Тумсо. – Т.М.), да с Шандаровым (Вашандарой. – Т.М.), да с Уйшевым (?)» принесли присягу о покорности и дали аманата в Терский город [4, с. 166–167]
42	1653 г.	Чюра, Чюрайка (Черешаш Алибеков)	Окочанин, уздень кабардинского князя М.С. Черкасского	Пишет челобитную на имя царя об уплате денег за купленного им пленника – грузинца с семьей, которые взяты у него в Терках «для заводу государева шелкова дела» [4, с. 176–177]
43	1653 г.	Айдемир Бисяш	Шибутский «начальный человек» Сын Айдемира, аманат в Терском городе	Просит терского воеводу заменить находящегося в Терском городе в аманатах его сына Бисяша другим аманатом [4, с. 177]
44	1653 г.	Зовзей (Зодзей)	Шибутянин, аманат в Терском городе	В 1651 г. горские селения Чанты, Чинхой, Дзумсой, Вашандарой принесли присягу о покорности и дали в Терский город аманата Зовзея, которого вскоре заменил сын Айдемира Бисяш [4, с. 178]
45	1653 г.	Минкиш Мустин	Терский служилый окочанин	Пишет челобитную царю Алексею Михайловичу об уплате денег за бежавших холопов-грузинцев [4, с. 180–181]
46	1653 г.	Чопа, Хасан, Сонгубек, Сабанчи, Ба... (не разборчиво), Кази, Канберда, Сайт мурза, Нагай, Батыр, Черкас, Лорва (не разборчиво), Сент, Абдула, Вагап, Осман, Султан, Багамат, Хасанали, Ханкши, Камышник, Янхот,	Терские окочане	Список убитых терских окочан при осаде персидскими и дагестанскими войсками Сунженского острога (23 человека)

		Гаш Байтемир, Барташ, Куджа, Мыща, Урак, Будачи, Чокмарик Ялча, Урай, Некес, Басик, Отелиши, Гагац, Сабабиче, Минкши, Тугурбек, Джанбулат, Кабарти, Элмурза, Будачи, Ашиков брат, Акбас, Умар	Терские окочане Терские окочане	Раненые в сражении под Сунженским острогом (7 человек) Взяты в плен в сражении под Сунженским острогом (16 человек) [17]
47	1653 г.	Утемышко Арахчеев	Терский служилый окочанин	Был взят в плен кумыкскими людьми при осаде Сунженского острога. Находился в Казаныцком владении в Дагестане. Выкуплен из плена [6, с. 316]
48	1657 г.	Алихан, Сусло, Алгак (Алгян)	Трое жителей из Шибутского джамаата (сельской общины)	Вместе с тушинскими посланниками и грузинским царем Теймуразом прибыли в Москву от трех «землиц» Шибутского джамаата «Варанты (Варандой. – Т.М.), Чечани (Чанти. – Т.М.), Тонся (Тумсой. – Т.М.)... чтобы быть подданными великого царя» [4, с. 184]
49	1672 г.	Янтуначка Кумыков	Терский окочанин	Занимается торговлей. Астраханская таможня дала добро отпустить его с товаром до Терского города [7, с. 202; 4, с. 213]
50	1672 г.	Эльтутар Чепает	Терский окоцкий мурза, сын Чепан-мурзы Кохострова	Грамота из Посольского приказа астраханскому воеводе, чтобы отпустить его и всю делегацию, приехавшую в Москву с известием о победе над калмыцким феодалом Аблаем, дать гонцам струг, кормщика, гребцов, корма и питья в дорогу от Астрахани до Терека [4, с. 213]
51	1673 г.	Норалычка, Ялбечка	Терские окочане – «торговые люди»	Прибыли с товаром из Дербента в Астрахань [4, с. 215–216]
52	1675 г.	Энбулат Эльмурзин	Терский служилый окочанин	Везет из Астрахани товар в Терский город [4, с. 221, 222, 249–250]
53	1675 г.	Конейка Аллабердеев	Служилый окочанин – «торговый человек», с ним десять «работных людей»	Отпущен астраханской таможней с товаром в Терский город [4, с. 224]
54	1675 г.	Чирачко Альбеков (Чюрачка, Чюра) см. № 9, 10, 14, 17, 25	Терский окочанин, уздень князя Каспулата Муцаловича Черкаского	Отпущен из Астрахани в Терский город с товаром [4, с. 224–225]

55	1675 г.	Елчебар Туланов	Терский служилый окочанин	Отпущен таможней из Астрахани в Терки с товаром [4, с. 225]
56	1675 г.	Ялтох Канбулатов	Уздень окоцкого мурзы Эльтугара Канбулатова	Вместе с другими узденями мурзы получил жалованье [4, с. 229]
57	1676 г.	Черкеско Алтозов, Багаматко Черюев (возможно, сын Чюры Албекова)	Терские окочане князя Каспулата Муцаловича Черкасского, с ними еще 8 человек «работных людей»	Отпущены из Астрахани с товаром (соль, рожь, просо) [4, с. 229–230]
58	1676 г.	Чепай Костров (Кохостров) см. № 34, Ертаул (его сын)	Окоцкий мурза	Челобитная о выдаче им хлебного жалованья на 1676 г. [4, с. 231–232, 234–236]
59	1680 г.	Эльтутар Чепав см. № 133–138, Тапиш Чепав	Окоцкие мурзы, сыновья Чепана Кохострова	Челобитная о выдаче им хлебного жалованья [4, с. 236–237]
60	1686 г.	Касайка Кабардин, Багаматко Соломов, Алейка Родивонов, Кулка Корнаев, Жанабечка Юзяшаров, Черечка Хашин, Етчебарка Булин, Бармалейка Булин, Женебечка Канбердеев, Куралейка Урахчиев, Корнайка Дербышев, Енбулатка Ельмурзин, Аджелейка Енчебаров, Енбулдачка Балыков, Канбулатка Хорхоров, Асанка Богоматов, Шаичка Адаров, Исупка Янсухов, Темирбулатка Амырханов, Солтанайка Муцын, Жанбечка Тотин, Чепаловка Кангутов, Курманайка Ельмурзин, Алтайка Алатаев, Сабайка Кулеев, Досайка Енбулатов, Кулумка Жанаев, Минкшачка Мурзин, Баубечка Бадыхов, Бикейка Уишев, Темирчейка Кулаев, Минкшачка Черкесов, Черючка Черкесов, Канакайка Махтиев, Бадучка Багаматов, Атайка Канбулатов, Кабардичка Даутов, Жанайка Мурзин, Усетка Балыков, Кочкарка Батырев, Казбичка Висин, Амирка Худырев,	Терские служилые окочане	Докладная выписка в Астраханской приказной палате об окладном денежном жалованье по Терскому городу терским окочанам [4, с. 245–246]

		Тарсалайка Камукин, Суркайка Хайдаков, Казачка Салганбеков, Елдашка Багаматов, Абызка Казыев, Кабардичка Тохтаров, Мирзачка Кичкеев, Жанмурзачка Кантемиров, Цаманка Мацеев, Итегенка Янаев, Хашачка Асанбеков, Асанка Кучуков, Танашка Урахчиев, Айдемирка Бичеев, Кокейка Елючесов, Казмаметка Будацеев, Бабашка Иняшев, Танашка Урахчиев, Кижбердечка Чагирев, Темирка Ертаулов, Демидка Кулаев, Сабайка Каракшин, Темирханка Темрюков, Будачейка Илдин		
61	1686 г.	Ибак Эльмурзин	Окоцкий мурза, уздень князя К.М. Черкасского, аталык князя. Возможно, сын Ялмурзы Алеева. См. № 27	Челобитная о выдаче ему и его узденям корма и питья на неделю, начиная с приезда в Астрахань и на неделю на дорогу до Терского города [4, с. 240–241]
62	1686 г.	Эльмурза Алебуриев	Окоцкий мурза, очевидно, сын Албир-мурзы Кохострова. См. № 27	Челобитная о выдаче ему и его узденям годового денежного жалования [4, с. 242–244]
63	1686 г.	Аврам (прежде был Чапай)	Окочанин-новокрещен. Православие принял в Астрахани	Упомянут в челобитной жителя астраханского Бухарского двора, у которого окочанин оставил на хранение свой товар [4, с. 244–245]
64	1687 г.	Асан (Асанко) Муллаев	Окочанин Терского города	Челобитная царям Ивану и Петру Алексеевичам и царевне Софье об отпуске его из Астрахани в Терский город с товаром [4, с. 248]
65	1688 г.	Батырка Айбилев	Терский служилый окочанин	Отпущен из Астрахани в Терский город с «товарищами» в стружку с товаром [4, с. 248–249]
66	1698 г.	Шявшка и еще один, имя его неразборчиво	Терские окочане	Прибыли из Терского города в Астрахань с товаром [7, с. 218–219; 4, с. 258]

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII вв. М., 1963.
2. Краткий курс истории России с древнейших времен до начала XXI века. М., 2015.
3. Алироев И.Ю., Орлов М.М. Зоонимия народов Северного Кавказа. В кн.: Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1978; Ахриев Н.Г. Исконные имена чеченцев и ингушей // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1975; Бибулатов Н.С. Чеченские имена. Грозный, 1991; Багаев М.Х. Тайна имен. Грозный, 1994.
4. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. М., 1997.
5. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. 1578–1613 гг. М., 1889.
6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957.

7. Русско-дагестанские отношения XVII–XVIII вв. Махачкала, 1958.
8. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории. 1971.
9. *Магомадова Т.С.* О социальном статусе Шиха Окоцкого // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1980.
10. *Магомадова Т.С.* Батай-мурза Шихмурзин в русско-чеченских связях конца XVI – первой половины XVII в. // Вестник АН ЧР. № 2 (11). Грозный, 2009.
11. *Магомадова Т.С.* Братья Алеевы на «государевой службе» в Терском городе // Вестник ЧГУ. Грозный, 2010. Вып. 2.
12. *Магомадова Т.С.* Об Алхане Дикееве – «начальном человеке» из Шибутского джамаата // Сборник научных трудов АН ЧР. № 1. Посвящается 60-летию д.и.н., профессора Гапурова Ш.А. Грозный, 2011 (в соавторстве с Даудовой Р.А.).
13. *Магомадова Т.С.* Окоцкие мурзы Кохостровы в Терском городе // Вестник АН ЧР. Т. 2. № 2. Грозный, 2008.
14. *Ахмадов Я.З.* Первое вайнахское посольство в Москву (1588–1589 гг.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). Грозный, 1983.
15. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
16. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 1, оп. 1, д. 440. С. 66–67.
17. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 1, оп. 1, д. 442. С. 14–18.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ: ОПЫТ В УСЛОВИЯХ ДЕПОРТАЦИИ (1944–1957 ГГ.)

© Х.А. МАТАГОВА

Чеченский государственный университет, г. Грозный

Аннотация. Статья посвящена изучению опыта подготовки кадров высшей квалификации из числа чеченцев в годы депортации 1944–1957 гг.

Ключевые слова: депортация, чеченцы, студенты, высшие учебные заведения Казахстана, Киргизии и Северной Осетии.

Abstract. The article considers the study of experience of a professional training of the higher qualification among the Chechens in the years of 1944–1957 deportation.

Keywords: deportation, Chechens, students, higher education institutions of Kazakhstan, Kyrgyzstan and North Ossetia.

Выселение отдельных народов России, в том числе чеченцев и ингушей, является трагической страницей в истории нашей страны. Полная реабилитация репрессированных народов требует объективного, всестороннего изучения последствий этого драматического события, в том числе и в области высшего образования.

В отечественной историографии по проблемам депортации и реабилитации репрессированных народов накоплен значительный материал. Одним из первых попытку исследования депортированных народов в СССР предпринял А.М. Некрич [1]. Богатый архивный материал о депортации народов в 1930–40-е гг. содержится в работах Н.Ф. Бугая [2]. Опубликовано значительное количество научных трудов, освещающих разные аспекты выселения [3]. Во втором томе «Истории Чечни» [4] приводятся лишь сведения о подготовке кадров из числа спецпереселенцев для промышленности и сельского хозяйства через сеть школ фабрично-заводского ученичества и ремесленные училища, однако данные о состоянии высшего образования отсутствуют.

Значительный материал по исследуемой теме содержит книга д.м.н., профессора Медицинского института Чеченского государственного университета Т.З. Ахмадова «Первые чеченские врачи», где приводятся биографические сведения о чеченцах, получивших высшее медицинское образование в Казахстане и Средней Азии [5].

В 2016 г. вышла новая монография Т.З. Ахмадова «Клятва первых врачей-вайнахов», которая представляет собой обобщенное издание о врачах из числа чеченцев и ингушей и охватывает период 1920–1957 гг.

С историей депортации чеченцев и ингушей знакомит книга Ж.Д. Ермекбаева «Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы» [6]. В данной работе показана трудовая и общественная деятельность, социальное и правовое положение спецпереселенцев, а также рассматриваются вопросы культуры и образования.

В настоящее время не существует обобщающей работы, посвященной изучению вопроса о состоянии высшего образования среди чеченцев в годы выселения в Казахстан и Среднюю Азию, анализу условий и возможностей его получения в условиях ссылки. Можно полагать, что отечественная историография будет дополнена в результате новых исследований.

После выселения чеченского и ингушского народов 23 февраля 1944 г. Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика (ЧИАССР) прекратила свое существование по Указу Президиума Верховного Совета СССР 7 марта 1944 г. Первый педагогический вуз республики – Чечено-Ингушский государственный педагогический институт (ЧИГПИ), который начал свою деятельность в 1938 г., – был переименован в Грозненский. Влияние последствий выселения на состояние высшей педагогической школы республики было незначительным, в связи с тем, что представительство чеченцев и ингушей среди профессорско-преподавательского состава и студенчества в ЧИГПИ было незначительным. К примеру, профессорско-преподавательский состав ЧИГПИ в осеннем семестре 1943/1944 учебного года составлял 38 человек, среди которых только 4 преподавателя из числа чеченцев и ингушей [7, л. 62]. По данным Всесоюзной переписи

населения 1939 г., на 1 тыс. чеченцев высшее образование имели 0,3%, ингушей – 1,5%. Тем не менее, подобный опыт решения национального вопроса, как оказалось, на 13 лет прервал историческую традицию подготовки высококвалифицированных национальных кадров.

Студенты, преподаватели, сотрудники ЧИГПИ и Грозненского нефтяного института чеченской и ингушской национальности последовали в ссылку в Казахстан и Среднюю Азию. Так начиналась драматическая страница в истории чеченского народа, в том числе и в истории подготовки национальных кадров. Прошедшая более двадцатилетний путь становления за годы советской власти традиция подготовки высококвалифицированных специалистов из числа чеченцев прервалась насильственным выселением.

Два высших учебных заведения республики, в которых учились студенты-чеченцы, подлежащие выселению, находились в г. Грозный. К сожалению, в исторической литературе недостаточно документальных свидетельств, публикаций с отображением этого трагического дня в судьбе чеченских студентов и преподавателей вузов. Вследствие этого мы можем только предполагать о тех трудностях, которые пришлось перенести выселяемым студентам.

То незначительное чеченское студенчество, так трепетно воспитанное советской властью в течение первых советских десятилетий, в 1944–1957 гг. оказалось рассеянным по всему Казахстану и Средней Азии. Ссылка не оставляла никаких надежд на нормальную жизнь, тем более на завершение учебы в местных учебных заведениях. Что привело к утрате достижений в подготовке высококвалифицированных кадров из числа чеченцев и ингушей. Те же процессы происходят и в среде других репрессированных народов.

13 лет ссылки – самый трудный и малоисследованный период не только в истории чеченской высшей школы, но и во всей истории чеченского народа. Трудности в исследовании данного периода объясняются тем, что в годы выселения уже не было народа, объединенного единой территорией. Чеченцы и ингуши, как и другие репрессированные народы, не имели национальных органов власти, и даже национальной общественной организации, которая могла бы объединить хоть незначительную группу из их числа по общим интересам. Поэтому не могло быть единой истории чеченского и ингушского народов, а было свыше 491571 [4, с. 557] индивидуальных историй чеченцев и ингушей – в чем-то сходных, а в чем-то различных между собою во всех сферах

жизнедеятельности, в том числе и в сфере образования и в особенности высшего. Именно поэтому невозможно с точностью ответить на вопрос о том, сколько чеченцев и ингушей закончили высшую школу и получили образование за эти 13 лет ссылки в Казахстан и Среднюю Азию. Ответ на этот вопрос позволит определить, во что обошлась чеченскому народу эта депортация, пока – в области культуры, в конечном итоге – и во всех других областях истории.

При решении поставленного вопроса необходима определенная методика поиска этих немногих студентов и выпускников вузов Казахстана и Средней Азии, живших и учившихся здесь в годы депортации. На наш взгляд, для эффективности поиска вузовцев и последующего изучения их материалов разумно разделить их условно на три группы.

Первая группа – студенты, начавшие свою учебу еще на родине (в Грозном) и продолжившие и завершившие ее уже в ссылке. Распоряжение СНК СССР, предоставлявшее спецпереселенцам возможность продолжить обучение в высших учебных заведениях, было принято уже в июне 1944 г. В нем указывалось, что обучение детей спецпереселенцев в средних и высших учебных заведениях на территории Казахской, Киргизской и Узбекской СССР проводится в существующих средних и высших учебных заведениях перечисленных республик. На период обучения предоставлялось право переезда учащихся к месту нахождения учебного заведения, но без права выезда за пределы республики как в период учебы, так и после окончания учебного заведения [6, с. 365–366]. Сведения об этих людях незначительны, потому что лишь немногим из них удалось тогда, в 1944 г., добиться своего восстановления в вузах по месту ссылки и своевременного завершения учебы.

Из этой группы сегодня нам известно лишь об одном человеке. В это трудно поверить, но чеченцу Шерпудину Амировичу Алиеву, бывшему студенту Дагестанского медицинского института (год поступления – 1943), депортированному вместе со своим народом, удалось продолжить учебу в Киргизском государственном медицинском институте [5, с. 128]. В 1948 г. Ш.А. Алиев окончил институт с отличием, как и другие чеченцы, которым удавалось пробиться в вузы в годы выселения. Они словно пытались доказать неоправданность обвинений в адрес собственного народа, проявляя исключительность и невероятные усилия в учебе. Также следует отметить человеческие качества и гражданскую позицию

тех, благодаря разрешению которых стало возможным продолжение депортированными учебы в высших учебных заведениях.

Наиболее полно исследовать вопрос о численности данной группы, скорее всего, представленной и другими молодыми людьми, позволит только работа в архивных фондах Казахстана и Средней Азии.

Вторая группа – это молодые люди, которые сумели поступить в вузы по месту ссылки и успели закончить обучение еще до 1957 г., т.е. до восстановления автономии и возвращения чеченцев на родину.

Представителем этой условной группы является Минкаил Джабраилович Хубаев – выпускник Казахского государственного медицинского института им. Молотова (КазГМИ) 1951 г. Среднюю школу №15 г. Грозный он окончил в 1941 г. В том же году поступил в Горно-металлургический институт г. Орджоникидзе. Учеба была прервана выселением. В 1946 г. ему удалось поступить в КазГМИ [5, с. 133]. В тот год он был единственным из чеченцев и ингушей, поступившим в данный институт.

В годы выселения удалось поступить и завершить обучение в КазГМИ и другим чеченцам, в числе которых Султан Наурдинович Магоматов (1947–1953 гг.), Машура Магомедовна Межидова (1949–1955 гг.).

Многим чеченцам удалось получить высшее образование в Киргизском мединституте, в числе которых Султан Абуевич Сайханов (1948–1954 гг.), Ильман Абуезидович Шамилев (1949–1955 гг.).

Известный ученый-филолог Ибрагим Юнусович Алироев в 1952 г. поступил на отделение немецкого языка филологического факультета Киргизского государственного университета. Уже на третьем курсе Ибрагим заинтересовался языками народов Северного Кавказа и активно занялся научной работой. Через год после окончания университета И.Ю. Алироев поступает в аспирантуру Дагестанского филиала Академии Наук СССР, где темой его научного исследования становится язык кистин (грузинских чеченцев). А в 1962 г. И.Ю. Алироев защитил по этой же теме кандидатскую диссертацию. Блестящая защита докторской диссертации состоялась в Институте языкознания Академии Наук Грузинской ССР в 1972 г. [8]. После защиты докторской диссертации он возглавил кафедру общего языкознания Чечено-Ингушского государственного университета. Через год И.Ю. Алироеву было присвоено звание профессора. За 40 лет научно-

педагогической работы им опубликовано свыше ста научных трудов, двадцать из которых – крупные монографии. В последние годы жизни ученый работал над созданием серии учебников и учебных пособий по общему языкознанию для студентов и аспирантов. Ибрагим Юнусович Алироев являлся действительным членом Российской Академии Естественных Наук Российской Федерации, ведущим научным сотрудником Института языкознания РАН [8].

Становление другого исследователя – Каты Зайндиновича Чокаева также произошло в годы депортации. В 1952 г. сразу после окончания вечерней школы №1 г. Токмак Фрунзенской области Киргизской ССР он продолжил учебу на факультете русского языка и литературы Киргизского заочного педагогического института, получив специальность «Учитель русского языка и литературы», одновременно работая в школе.

Ученую степень кандидата филологических наук получил по результатам защиты диссертации на тему «Словообразование имен существительных в чеченском литературном языке». В январе 1975 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Морфология чеченского языка». В 1958–1970 гг. К. Чокаев – ответственный секретарь терминологической комиссии при Совете Министров ЧИАССР, позже – председатель орфографической комиссии при правительстве республики. Возглавлял группу ученых при выработке Концепции высшего и среднего специального образования в ЧР (1998). Принимал участие в создании Академии наук Чеченской Республики, является одним из первых ее действительных членов и первый академик-секретарь Отделения филологии. Заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской АССР, лауреат Государственной премии Чечено-Ингушетии, Почетный работник Высшей школы. Опубликовано более 100 научных работ, в том числе 13 отдельных изданий, посвященных чеченским языкам и фольклору [9].

Наконец, к третьей группе мы относим людей, которые поступали в вузы Казахстана и Средней Азии до окончания ссылки, но завершили учебу уже после восстановления автономии, т.е. после 1957 г., причем, одни завершали учебу в вузе по месту поступления, а другие переводились в соответствующие вузы в Грозный. И здесь нам известно уже немало людей, которых с уверенностью можно назвать героями своего народа. Они доказывали в стенах высших учебных заведений полноценность своего народа, которую подвергли сомнению депортацией. Героизм этих молодых чеченцев состоял в том, что они сумели

сохранить историческую традицию подготовки специалистов, не дать ей прерваться в условиях, немислимых для жизни и тем более для учебы.

Первым среди представителей нашей третьей группы следует назвать Асланбека Имрановича Хасбулатова, поступившего в 1955 г. на исторический факультет Казахского государственного университета в городе Алма-Ата, который закончил в 1960 г. По окончании учебы Ученым советом Казахского госуниверситета был рекомендован в аспирантуру. В 1960–1963 гг. обучался в аспирантуре на кафедре «История СССР» Дагестанского госуниверситета. В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Революционное движение в Чечено-Ингушетии в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг.». В октябре 1963 г. был принят старшим преподавателем кафедры истории Чечено-Ингушского педагогического института (с 1972 г. – Чечено-Ингушский госуниверситет). В 1966 г. был избран доцентом этой кафедры, а в 1967 г. ВАК СССР утвердил его в ученом звании доцента. С 1968 по 1997 г. бессменно работал деканом исторического факультета. С 1989 по 2013 г. являлся заведующим кафедрой истории народов Чечни. В 1992 г. ему было присвоено ученое звание профессора, в 1990 г. – почетное звание заслуженного деятеля науки ЧИАССР. А.И. Хасбулатов – автор более ста научных работ, опубликованных в центральных и местных изданиях, в том числе 6 персональных и 2 коллективных (соавторов) монографий [10]. В 2013 г. после непродолжительной болезни оборвалась жизнь А.И. Хасбулатова – ученого, снискавшего славу и уважение далеко за пределами республики. Особую гордость у автора вызывает факт причастности этого великого человека к личной судьбе (под его руководством написана и защищена кандидатская диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук в 2009 г.).

Примечательно, что вся семья Хасбулатовых представляет нашу условную третью группу. Творческое становление известного чеченского поэта и журналиста Ямлихана Имрановича Хасбулатова – старшего брата А.И. Хасбулатова – произошло в Казахстане. Я.И. Хасбулатов поступает в Казахский госуниверситет им. С.М. Кирова (ныне – Казахский национальный университет им. Аль-Фараби) на филологический факультет. Его увлекает журналистика. Он работает в чеченской газете «Знамя труда» и одновременно на Казахском государственном радио, где под его руководством выходили программы для чеченцев Казахстана [6, с. 315].

На юридический факультет Казахского госуниверситета поступил и младший брат Я.И. и А.И. Хасбулатовых – Руслан Хасбулатов, закончивший учебу в Московском государственном университете. Еще в советское время Р.И. Хасбулатов стал известным ученым-экономистом по проблемам мировой экономики и международных экономических отношений. Он доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР [6, с. 315].

Хронология нашего исследования, к сожалению, не позволяет нам говорить об известном в Чечне и на Северном Кавказе ученом-этнологе – Зулай Имрановне Хасбулатовой, сестре знаменитых братьев Хасбулатовых. Она представляет следующее поколение вузовской элиты из числа чеченцев, получивших образование после восстановления национальной автономии. З.И. Хасбулатова в 1960 г. поступила на исторический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова, и после переезда в Грозный в 1963 г. продолжила обучение в Чечено-Ингушском государственном пединституте. Поистине, заслуживает памятника материнской славы мать Хасбулатовых – Джовзан, одна воспитавшая и давшая своим детям высшее образование в условиях депортации.

Врачей из числа чеченцев и ингушей в депортации продолжал готовить КазГМИ. К нашей последней группе студентов принадлежит Магомед Тимербиевич Индербиев, которому как фронтовику, кавалеру многих орденов и медалей удалось поступить в КазГМИ в 1952 г. в 30-летнем возрасте (закончил в 1958 г.). М.Т. Индербиев оставил значительный след в здравоохранении Чечни, кандидат медицинских наук (примечательно, что кандидатская диссертация была выполнена и защищена в КазГМИ), автор семи книг, возглавлял Минздрав Чечено-Ингушской АССР с 1963 по 1975 г., в последние годы своей жизни был главным врачом Центра медицинской профилактики.

Студентами КазГМИ в 1953 г. стали Увайс Хаидович Магомедов (после возвращения переводом был принят на 5-й курс Северо-Осетинского университета) и Ахъяд Закриевич Хункаев (закончил учебу в 1859 г., вернувшись на Родину, в городе Орджоникидзе) [5, с. 159]. В 1954 г. в этот институт поступает Булат Ахматович Висайтов, который после третьего курса в 1957 г. перевелся в Ростовский медицинский институт и успешно окончил его в 1960 г. [12, с. 162–163]. В следующем 1955 г. студентом КазГМИ становится Авалу Ахметович Кизаев. После восстановления ЧИАССР в 1957 г. он переводится в

Северо-Осетинский государственный медицинский институт (СОГМИ). Бадруддин Ахмадович Самбихаджиев также поступает в КазГМИ в 1955 г. и после восстановления ЧИАССР переводится на третий курс СОГМИ [5, с. 176].

Многие чеченцы стали студентами в 1956 г. благодаря счастливому случаю. Об этом в своей статье рассказывает Т.З. Ахмадов, профессор Медицинского института Чеченского государственного университета, заслуженный врач Российской Федерации. Молодые вайнахские юноши, студенты и абитуриенты высших и средних учебных заведений столицы Казахстана с помощью редактора газеты спецпереселенцев «Знамя труда» М. Абазатова написали письмо Хрущеву, изложив всю проблему с получением высшего образования для чеченцев. В письме сообщается, что они «приехали в Алма-Ату со всех областей Казахстана и Киргизии с главной целью – поступить в высшие и средние учебные заведения и получить образование, чтобы достойно послужить делу строительства новой жизни» [11, с. 382]. Авторы письма просят «до восстановления Чечено-Ингушской АССР создать для них такие же условия при поступлении в высшие и средние учебные заведения, какие созданы для молодых людей коренных народов Казахстана и Средней Азии» [11, с. 384]. Письмо было передано Н.С. Хрущеву во время его визита в Алма-Ату в 1956 г., который затем дает указание принять во все вузы Казахстана всех чеченцев и ингушей при успешной сдаче вступительных экзаменов. Около 20 чеченских и ингушских юношей и девушек в тот год поступили в КазГМИ. Среди этих счастливчиков были: Султан Адзиевич Абдулазимов, Ваха Абуевич Хажалиев, Элим-Султан Халадович Самбиев.

После выхода Указа Президиума Верховного совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» в 1957 г. в период летних каникул основная масса студентов-медиков из числа чеченцев и ингушей были переведены в медицинские вузы Северного Кавказа, в основном в СОГМИ (С.А. Абдулазимов, В.А. Хажалиев, Э.-С.Х. Самбиев).

Многие чеченцы, ставшие студентами Киргизского медицинского института до восстановления ЧИАССР, завершили учебу после 1957 г.: Руслан Абуевич Ахметханов (1953–1959 гг.), Барон Гарсиевич Киндаров (1954–1960 гг.), Магомед Алиевич Кадиев (1955–1961 гг.).

До окончания ссылки в 1952 г. в Карагандинский государственный медицинский институт поступил и закончил его в 1958 г. Султан Ахмадович Тагиев.

Студентом этого же института в 1956 г. стал другой наш земляк Салман Альбертович Яндаров, завершивший учебу после возвращения на Родину в Дагестанском государственном медицинском институте. Их вклад в развитие здравоохранения республики не оценим.

Несмотря на геноцид в отношении целых народов, советская власть предоставила спецпереселенцам возможность продолжить обучение в высших учебных заведениях на территории Казахской, Киргизской и Узбекской ССР уже в июне 1944 г. Однако нечеловеческие условия первых лет ссылки лишь немногим позволили воспользоваться предоставленной возможностью.

Подводя итоги, следует отметить, что невелик список тех чеченцев, кто сумел поступить в вузы и окончить их за эти 13 лет. Их было всего несколько десятков человек. Однако следует признать, что даже в самые трагические годы сталинской ссылки некоторым представителям репрессированных народов, в том числе и чеченцам, удалось получить высшее образование. Также следует признать, что количество чеченцев, получивших высшее образование в условиях высылки, было значительно больше, чем за годы царской администрации до революции. И причина данного явления, мы понимаем, не в благоприятных условиях ссылки. Это был результат образовательной политики первых советских десятилетий, способствовавшей подготовке значительного контингента людей со средним образованием, следующей ступенью для которых должно было стать высшее. Мы также должны признать, что их могло быть намного больше, если бы не были бы преступно прерваны на 13 лет складывавшиеся в первые советские десятилетия традиции и преемственность в системе образования. Мы, конечно же, отдаем себе отчет, что даже максимально полное восстановление этих указанных выше списков само по себе не решает стоящей перед историками задачи – необходимы, как минимум, конкретные биографические данные этих людей, и эти данные еще предстоит собрать, изучить и обобщить. Перед историками стоит задача восстановить эти указанные выше списки и изучить сведения про этих людей. Мы предложили отдельные вузовские истории 13-летней депортации. В рамках статьи мы лишь приступили к исследованию поставленной проблемы. Судьба чеченской вузовской молодежи в условиях высылки – тема обширная и глубинная и ее последующее исследование станет данью памяти их мужеству и желанию жить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрич А.М. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978.
2. Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1986. №6; Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7; Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию... М., 1995.
3. Уралов А. (Авторханов А.). Народоубийство – убийство чечено-ингушского народа. М., 1991; Белая книга (Из истории выселения чеченцев-ингушей 1944–1957 гг.). Грозный-Алма-Ата, 1991; Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: «Русская жизнь», 1997; Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. М.: Россия молодая, 1996; Цуцулаева С.С. О проблемах реализации закона «О реабилитации репрессированных народов в Чеченской Республике» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2012. №3. С. 43–47; Она же: Документы и материалы о депортации чеченского народа // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Ростов н/Д, 2011. №4. С. 34–39; Ибрагимов Муса М. Чеченцы: выселение, выживание, возвращение (1940–1950-е годы). Грозный, 2015.
4. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Грозный, 2008. Т. II.
5. Ахмадов Т.З. Первые чеченские врачи: из истории становления здравоохранения в Чечне. Грозный, 2009.
6. Еремекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы, 2009.
7. ГАРФ. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 1730.
8. Зелев Андрей Юрьевич. Знаменитые чеченцы и ингуши Энциклопедия А-Б // (дата обращения – 1.02.2015).
9. Чокаев Каты Зайндинович //academy_chr@mail.ru (дата обращения – 1.02.2015).
10. Хизриев Х.А. Служение науке и образованию // Вести республики. 2008. 10 января. №3 (685).
11. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944–2004: документы, материалы, комментарии // Авт.-сост. Я.С. Патиев. Магас: «Сердало», 2004. 608 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ПЕРИОД СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (1990-Е ГГ. – НАЧАЛО XXI В.)

© А.И. ТЕТУЕВ

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик

Аннотация. В статье анализируется процесс развития государственной национальной политики в РФ на разных этапах модернизационных преобразований. Исследуется динамика и тенденция развития межнациональных отношений на современном этапе, а также выявляется новизна стратегии государственной национальной политики.

Ключевые слова: национальная политика, межнациональные отношения, этнокультурное развитие, нормативно-правовые акты, стратегия, концепция, российская гражданская идентичность.

Abstract. The article analyses the process of the state national policy development of the Russian Federation at different stages of modernization. The dynamics and trends of international relations development at the present stage are examined. The article reveals the novelty of the state national policy strategy.

Keywords: national policy, international relations, ethnocultural development, normative-legal acts, strategy, concept, Russian civil identity.

В условиях трансформации российского общества проблемы развития народов и их консолидации в рамках единой Российской Федерации рассматриваются в политической практике в качестве основополагающих. Их решением определяются многие стороны жизни общества. В связи с этим возрастает актуальность исследования основных факторов, способных содействовать консолидации народов России, прежде всего, путем разработки и реализации государственной национальной политики.

После распада СССР в Российской Федерации усилились центробежные тенденции. Поэтому органы государственной власти, учитывая уроки прошлого, стали проявлять больше внимания к поиску оптимальных механизмов для решения национальных проблем. В правительственных структурах был создан Государственный комитет по делам национальностей (Госкомнац России).

По данным Всероссийской переписи 2002 г., в Российской Федерации проживали 145,2 млн. (более 160 национальностей), в том числе русских – 115,9 млн. чел., или 80% от всего населения. Следующими по численности в РФ представлены татары – 5,5 млн., чувашаи – 1,6 млн., башкиры – 1,6 млн., чеченцы – 1,3 млн., а также украинцы – 2,9 млн. Самыми малыми являются народы Севера (алеуты, водь, ижорцы, негидальцы, ороци, тазы, чулымцы и др.) [1, с. 9–11].

Оставшееся наследие от прежней национальной политики – политические репрессии, волюнтаристские хозяйственные решения, непродуманная миграционная политика – явилось причиной обострения этносоциальных и этнодемографических проблем. В этой связи в 1990-е гг. были отменены ранее принятые преступные и необоснованные нормативно-правовые акты, признаны права национальных и региональных образований. В 1992 г. был подписан Федеративный договор, а в 1993 – принята Конституция Российской Федерации, которые положили начало национальной политике демократической России [2, с. 15–32].

В июне 1996 г. Указом Президента Российской Федерации была утверждена Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Основу нового концептуального подхода составляет представление об исторической незавершенности процесса национальной консолидации россиян как граждан единого многонационального государства. Потерпевшая крах политика имперского по своей сути централизма с опорой на местные партукратические элиты должна была уступить место политике поощрения естественного взаимодействия двух противоречивых и взаимозависимых процессов: культурной эволюции и социально-экономической интеграции на общегражданской основе. Национальная идея в этом случае должна быть соотнесена

с идеей целостности Российской государственности [3, с. 647–663].

В условиях становления гражданского общества и рыночной экономики Концепция предполагала постепенное разгосударствление сферы межнациональных отношений. Это предусматривало организацию общественной жизни на основе развития национально-культурной автономии. Для гармонизации межнациональных отношений необходимо добиться равноправия в каждом субъекте Российской Федерации во всех областях общественной и политической жизни. Таким образом, субъект новой национальной политики – это не только «титульные нации» в республиках и регионах, но и представители других национальностей.

Переход к новой национальной политике невозможен без учета как традиций и особенностей развития страны, так и международного опыта. В истории России, как правило, государственность отождествлялась с русским национальным государством. Советская политическая система препятствовала национальным устремлениям этнических общностей, что вызывало протест, противодействие, развитие сепаратистских тенденций.

Национальная идея и сейчас обладает притягательной силой. С позиции жесткого этнического национализма выступали в начале 1990-х гг. лидеры ряда республик и национально-радикальных движений. Однако опыт для существования крупных государств с полиэтничным составом населения позволяет утверждать, что оптимальной является федеративная форма устройства с территориальной и национально-культурной автономией.

Представление о том, что федерализм базируется преимущественно на национально-территориальном принципе, не только противоречит мировой практике, но и затрагивает интересы так называемого «некоренного населения», преобладающего во многих республиках, а также народов, не имеющих государственных образований, в том числе самого многочисленного народа Российской Федерации – русского. Все это требует оптимизации федерального устройства, выхода на новый, конституционно-договорной уровень, когда равноправными субъектами федерации станут и укрупненные территориальные образования. Действующий Федеративный договор – крупный шаг в этом направлении.

Новое содержание федерализма предполагает также утверждение институтов Гражданского общества – общественных объединений (национальные общественные организации), наци-

онально-культурной автономии. В 1995–1996 гг. вступили в силу законы Российской Федерации «Об общественных объединениях», «О некоммерческих организациях» и «О национально-культурной автономии» [4, с. 430].

Право на автономию имеют все национальные общины. Национально-культурная автономия имеет целью удовлетворение культурных и духовных потребностей этносов. Национально-культурные автономии, общественные организации строят свою работу в рамках законодательства Российской Федерации.

По состоянию на 20.12.2015 г. в Министерстве юстиции Российской Федерации было зарегистрировано 1190 национально-культурных автономий, из них 18 федеральных, около 278 региональных, 894 местных. Создан Консультативный совет по делам национально-культурных автономий при Правительстве Российской Федерации, аналогичные органы существуют во многих субъектах РФ [5].

Дальнейшее развитие Концепция получила в принятых последующих нормативных актах, касающихся развития и совершенствования национальных отношений, в частности, Федеральных законах «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.), «Об общественных объединениях» (1995 г.), «О гражданстве Российской Федерации» (2002 г.), «О противодействии экстремистской деятельности» (2002 г.), «О языках народов Российской Федерации» (2001 г.), «О государственной службе российского казачества» (2005 г.) и др. [6, с. 37].

В нормативно-правовых актах получили свое развитие, прежде всего, принципы государственной национальной политики, механизм реализации, направленный на защиту интересов граждан Российской Федерации.

Концепция получила развитие в посланиях Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации. В 2003 г. в послании большое внимание акцентировалось на необходимости «сохранения целостности российского государства...», «удержания государства на обширном пространстве, сохранения уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире», реализации приоритетных задач в социально-экономической сфере. Послания 2004 и 2005 гг. в большей степени апеллируют к обществу, национальным проблемам, роли и месту национального фактора в решении вопроса, в частности, о внутренних границах между субъектами Российской Федерации. Указано, что они должны перейти из практики

(межнациональных конфликтов) в теорию, когда требуется проведение определенной работы по формированию совершенно нового сознания граждан по отношению к понятию «внутренних границ».

Президент по этому поводу отмечает: «И, наконец, свободное и справедливое общество не имеет внутренних границ, ограничений на передвижение, а оно само открыто для остального мира. Это дает гражданам нашей страны возможность в полной мере пользоваться богатствами человеческой цивилизации, включая достижения образования, науки, мировой истории и культуры» [7, с. 10].

В целом, можно утверждать, что начиная с 2000 г. отчетливо обнаруживается тенденция к социальной и политической стабилизации. Вместе с тем продолжающийся экономический спад усугублял социальные проблемы, которые не только оставались неразрешенными, но также «организовывались» и приобретали системный характер, заметно обострились национально-территориальные конфликты. Сущность подавляющего большинства этих конфликтов состояла в том, что одна и та же территория оказывалась пространством, на котором соперничающие национальные элиты стремились добиться своего легального доминирования, предполагающего доступ к политической власти и престижным секторам экономики. При этом все попытки «поднять на щит» проблемы спорных территорий несли в себе потенциальную опасность перехода скрытой стадии конфликта в открытую, вооруженную, что могло обострить общественно-политическую ситуацию на всем Северном Кавказе.

На развитие межнациональных отношений влияют также следующие негативные факторы:

- размывание традиционных нравственных ценностей народов России;
- правовой нигилизм и высокий уровень преступности, коррумпированность отдельных представителей власти;
- попытки политизации этнического и религиозного фактора, в том числе в период избирательных кампаний;
- недостаточность мер по формированию российской гражданской идентичности и гражданского единства, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций российских народов;
- высокий уровень социального и имущественного неравенства, региональной экономической дифференциации, распространенность негативных стереотипов в отношении других народов;

- недостаточность реализуемых мер по обеспечению эффективной социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов.

Среди причин продолжающегося кризиса межнациональных отношений на Северном Кавказе далеко не последняя – отсутствие реалистической, всесторонне обоснованной национальной политики, в том числе и региональной. На государственном уровне еще не утвердился системный, взвешенный и свободный от былых стереотипов взгляд на национальные проблемы, еще не стали нормой опоры на научный анализ и прогноз, учет общественного мнения.

Все это способствовало тому, что непосредственно Президентом Российской Федерации на состоявшемся в августе 2002 г. Всемирном конгрессе татар в Казани было проанализировано состояние в сфере национальных отношений. В конце 2002 г. последовало указание о внесении корректив в Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации. Однако изменения структуры Правительства Российской Федерации (16.10.2001 г. – упразднено Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики РФ, с 06.12.2001 г. министр, курировавший национальную политику, был отправлен в отставку 24.02.2004 г. вместе с Правительством М. Касьянова) не позволили сразу приступить к реализации указаний.

Концептуальные основы национальной политики современной России были изложены в статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» [8]. В 2012–2014 гг. был принят ряд нормативных правовых актов в сфере национальной политики: Указы Президента РФ «Об обеспечении межнационального согласия» (№ 602), «О мерах по реализации демографической политики в Российской Федерации» (№ 606) от 07.05.2012 г.; Указ Президента РФ «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г.» (№ 637) от 25.07.2014. В 2012 г. был создан Совет при Президенте России по межнациональным отношениям; при Председателе Совета Федерации был образован консультативный Совет по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями [9]. Безусловно, одним из центральных документов стала принятая в декабре 2012 г. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Этот документ был принят взамен действовавшей с 1996 г. Концепции

государственной национальной политики, в нем определялась ситуация в сфере межэтнических отношений в стране, задавались цели, принципы и задачи государственной национальной политики, механизмы ее реализации, этапы и ожидаемые результаты. Согласно Стратегии, основными вопросами государственной национальной политики в России, требующими особого внимания органов власти, являются:

1) сохранение и развитие культур и языков народов России, укрепление их духовной общности;

2) обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств;

3) создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения межнационального мира на Северном Кавказе;

4) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, укрепление их связей с Россией.

Целями государственной национальной политики Российской Федерации в Стратегии определены:

1) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности российской нации;

2) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России;

3) гармонизация межнациональных отношений;

4) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии;

5) успешная социокультурная адаптация мигрантов [10].

Следом были приняты мероприятия по реализации Стратегии. Так, Правительством РФ принята Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (далее – Программа) с общим финансированием на период с 2014 по 2020 г. в 6 млрд. 766 млн. 35 тыс. руб. Также был разработан «План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [11].

Важным условием в решении задач Стратегии в сфере социально-экономического развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа является реализация федеральной целевой программы «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 г. [12].

Во исполнение указанных документов органами исполнительной власти субъектов Рос-

сийской Федерации приняты региональные планы мероприятий по реализации Стратегии. Так, план мероприятий по реализации в 2013–2015 гг. Стратегии в Кабардино-Балкарской Республике предусматривает: разработку и принятие муниципальных целевых программ, направленных на гармонизацию межэтнических отношений и укрепление единства российской нации; повышение квалификации государственных и муниципальных служащих, работающих в сфере межэтнических отношений; проведение социологических исследований состояния межнациональных отношений в республике; реализацию республиканского и межрегионального молодежного проекта «Куначество» [13].

В рамках реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» в Кабардино-Балкарской Республике на 2015 г. из федерального бюджета выделено 4 млн. 155 тысяч руб. Это позволило реализовать комплекс мероприятий, включенных в подпрограммы: «Гармонизация межэтнических отношений и укрепление толерантности», «Взаимодействие с религиозными организациями», а также «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике на 2013–2017 годы». Целью проводимых мероприятий является формирование и укрепление гражданского патриотизма и российской гражданской идентичности, а также этнокультурное развитие народов России и поддержка языкового многообразия на территории Российской Федерации [14].

Данные социологических опросов населения свидетельствуют, что подъем ксенофобских настроений достиг максимума 62% от опрошенных в октябре 2013 г., что стало серьезным поводом для беспокойства. В последующем репрезентативный опрос среди россиян, проведенный «Левада-Центром» в августе 2015 г., показал снижение ксенофобских настроений среди населения России по отношению к представителям других этнических групп. Это явилось результатом, с одной стороны, реализации публичной миграционной политики (отсутствие громких происшествий на национальной почве, снижение концентрации телепередач, разоблачающих мигрантов, в целом снижение внимания СМИ к тематике). С другой стороны, произошло частичное замещение привычного объекта ксенофобских нападок последних лет («выходцев с южных республик») новыми категориями (или старыми, реанимированными) – «фашистами» и «американской угро-

зой» в восточной Украине, как реакция на внешне-политическую ситуацию [15].

О стабилизации ситуации в сфере межнациональных отношений свидетельствуют и данные ВЦИОМ, согласно которым россияне в целом считают, что Россия должна быть общим домом для разных народов [16].

Анализ национальных процессов в российском обществе позволяет сделать вывод, что с начала XXI в. отчетливо проявляется тенденция к социальной и политической стабилизации. Рост общей организованности и управляемости в обществе проявляется не только в действиях органов государственной власти и местного самоуправления, но и институтов гражданского общества, в акциях различных общественно-политических движений. Хотя следует признать, что для национальной политики 1990-х гг. в России было свойственно наличие запаздывающего фактора, медленной реакции на проявившиеся проблемы, разрастающиеся конфликты, отсутствие комплексных подходов в решении задач.

Стратегия государственной национальной политики начала нового века является превентивной, упреждающей, нацеленной на предотвращение наиболее опасных межэтнических конфликтов, поддержание мира и стабильности. Важным условием достижения указанной задачи является восстановление и укрепление взаимосвязей в сфере культуры народов России, укрепление российского духовного пространства, исламской и православной цивилизаций. Это обусловлено и тем, что именно здесь, в сфере духовности, пытаются поставить водораздел противники единства России, ее государственной целостности.

Таким образом, важнейшей целью национальной политики России на современном этапе остается создание субъектам Федерации благоприятных и гарантированных условий равноправного и свободного развития в составе многонациональной страны.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №16-01-00126.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный состав и владения языками, гражданство. В двух книгах. Кн. 1. М.: «Статистика России», 2004. 2917 с.
2. Болтенкова Л.Ф., Гаджиев Г. А. и др. Федеративный договор. Документы. Комментарии. М., 1994. 127 с.
3. См.: Концепция государственной национальной политики в Российской Федерации // Кулешов С.В., Аманжолова Д.А. и др. Национальная политика России: история и современность. М.: «Русский мир», 1997. 680 с.
4. Тетуев А.И. Влияние институтов гражданского общества на этнополитические процессы в регионе (на материалах Кабардино-Балкарской Республики) // Россия и Кавказ: история и современность. Материалы Международной научной конференции. 22 октября 2009 г. Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. С. 430–439.
5. Информация о национально-культурных автономиях [Электронный ресурс] // www.unngo.minjust.ru/NKAs.aspx (дата обращения – 21.12.2015 г.).
6. Тетуев А.И. Национальная политика на Северном Кавказе: политические и социально-экономические предпосылки межнационального согласия (1990-е – начало XXI в.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. Нальчик, 2006. 54 с.
7. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 2005. 47 с.
8. Путин В.В. Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] // www.kremlin.ru (дата обращения – 21.12.2015 г.).
9. Указы Президента Российской Федерации «Об обеспечении межнационального согласия» и др. [Электронный ресурс] // www.kremlin.ru (дата обращения – 21.12.2015 г.).
10. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс] // www.kremlin.ru (дата обращения – 21.12.2015 г.).
11. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»; План мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики (утвержден распоряжением Правительства России 15.07.2013 г.) <http://government.ru/docs/all/> (дата обращения – 21.12.2015 г.).
12. Распоряжение Правительства РФ от 17.12.2012 N 2408-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие Северо-Кавказского федерального округа" на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139451.

13. План мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Кабардино-Балкарской Республике (утвержден распоряжением Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 18 октября 2013 года № 579-рп) [Электронный ресурс] //www. http://docs.cntd.ru/document/422453076 (дата обращения – 21.12.2015 г.).
14. Информационные доклады руководителей подразделений Управления «Об итогах деятельности Управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР» за 9 месяцев 2015 года [Электронный ресурс] //www. pravitelstvokbr.ru/oigv/uvigodn/.
15. Ксенофобские и националистические настроения среди россиян: данные репрезентативных опросов 2002–2015 гг. [Электронный ресурс] // http://www.levada.ru/old/ (дата обращения – 22.12.2015 г.).
16. Результаты всероссийского опроса общественного мнения по национальному вопросу [Электронный ресурс] //www. wciom.ru/database/ (дата обращения – 22.12.2015 г.).

КОМБАТАНТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В УСЛОВИЯХ «ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА»

© С.А. ХУБУЛОВА

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ

***Аннотация.** Статья посвящена изучению социальных проблем комбатантов Великой Отечественной войны в условиях перехода к миру. Впервые в региональной историографии рассматривается комплекс вопросов адаптации ветеранов войны к реалиям Северной Осетии послевоенного времени.*

***Ключевые слова:** комбатант, социальная политика, демобилизация.*

***Abstract.** The article considers the study of social problems of combatants of Great Patriotic war in the transition to peace. A number of problems of adaptation of veterans to the realities of the postwar period of the North Ossetia is considered for the first time in regional historiography.*

***Keywords:** combatant, social policy, demobilization.*

9 мая 1945 г. завершилась кровопролитная Великая Отечественная война, из которой страна вышла победительницей, но победа далась нелегко. Перед правительством встала грандиозная задача – восстановить разрушенное народное хозяйство. СССР, понесший к тому же большие потери в населении, предпринял беспрецедентные шаги, сократив свою армию до 2,2 млн. человек, чтобы высвободить миллионы мужчин для мирного труда.

Страна нуждалась в рабочих руках, притоке квалифицированной силы на предприятия, в колхозы. Поэтому и была осуществлена скорая демобилизация, которая прошла в несколько этапов. От успешного решения этой задачи во многом зависело послевоенное развитие страны.

Как осуществлялась широкомасштабная демобилизация? Прежде всего отметим, что государство взяло на себя все расходы на перемещение военнослужащих к месту прописки, обеспечение питанием и полным комплектом обмундирования. Первая очередь демобилизации 13 старших возрастов прошла в течение июля-сентября 1945 г. 23 июня 1945 г. в газетах был опубликован закон Верховного Совета СССР «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии», в котором определены условия отправки домой: «1. Перевозку демобилизуемых произвести за счет государства до места их жительства; 2. Обеспечить демобилизуемых питанием в пути следования за счет государства; 3. Обеспечить демобилизуемых полным комплектом обмундирования и обуви; 4. Выдать демобилизуемым единовременное денежное вознаграждение за каждый год службы в армии в период Великой

Отечественной войны в следующих размерах: а) рядовому составу всех родов войск и служб, получающему денежное содержание по общевойсковому тарифу, – годовой оклад за каждый год службы; б) рядовому составу специальных частей и подразделений, получающему повышенное денежное содержание, – полугодовой оклад за каждый год службы; в) сержантскому составу всех родов войск – полугодовой оклад по должностным ставкам в пределах до 900 рублей и не ниже 300 рублей за каждый год службы; г) офицерскому составу, прослужившему в период Великой Отечественной войны: один год – двухмесячный оклад, два года – трехмесячный оклад, три года – четырехмесячный оклад, четыре года – пятимесячный оклад» [1].

Во исполнение закона командование воинских частей обеспечивало демобилизованных всем необходимым в пути следования. Им выдавали сухой паек на 10 суток, 10 кг муки, 2 кг сахара, 2 банки консервов, а также специальные наборы, куда входили сахар, конфеты, колбаса, сыр, табачные изделия. Также было решено выдавать трофейное имущество: велосипеды, фотоаппараты, часы, предметы быта.

Первые демобилизованные стали возвращаться домой в период июля-сентября 1945 г. Только в первый месяц после демобилизации в город Дзауджикау прибыло 1137 человек [2, с. 13]. Среди них преобладали мужчины, которые до войны работали слесарями (24%), токарями (21%), шоферами (19%), чернорабочими (36%) [3, с. 1–4].

Во вторую очередь, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1945 г. демобилизации подлежали военнослужа-

щие 1906–1915 годов рождения, а также негодные к строевой службе, специалисты, женщины, студенты. В это время было отправлено по домам 2812104 человека. В результате этой демобилизации народное хозяйство страны получило большое количество специалистов (около 300 тыс.), в том числе свыше 100 тыс. медреситов и более 40 тыс. учителей.

Последующие демобилизации проводились для военнослужащих 1921–1925 годов рождения. В течение проведенных демобилизаций к мирному труду вернулось свыше 8 млн. человек. Это было тем более важно, что, к примеру, в Северную Осетию из 85 тыс. мобилизованных на фронте погибло свыше 40 тыс., часть осталась на службе в армии, вернулось домой чуть более трети. Поэтому работников остро недоставало.

Демобилизация и перемещение на родину были сопряжены с большими проблемами: не хватало транспорта, приходилось добираться на попутках, с конными обозами. Законом было установлено, что все демобилизованные должны направляться к месту прописки. Представители тех народов, которые в годы войны были репрессированы, обязаны были направляться в спецпоселения [4, с. 65].

На местах комбатантам организовывали торжественную встречу: на вокзалах сооружали из цветов триумфальные арки, военные оркестры играли браваурные марши, на митингах выступали первые лица республики и благодарили фронтовиков. Встречу на железнодорожном вокзале г. Дзауджикау в красочных и приподнятых фразах передает информация в газете «Социалистическая Осетия»: «На станцию Орджоникидзе прибыл поезд с группой демобилизованных фронтовиков. Под звуки оркестра воины выходят из вагонов. Бурей рукоплесканий встречает их публика. Прибывших с фронта обнимают родные, друзья и даже незнакомые люди, им преподносят букеты цветов и различные подарки. Митинг открывает секретарь горкома ВКП(б) по кадрам Чшиев. С приветственным словом выступают заместитель председателя горисполкома тов. Голенев, майор Коротков и воспитанник ремесленного училища Воропай. «Храбро и беззаветно сражались вы за честь и свободу нашего отечества, – говорит тов. Коротков, – теперь настал период мирного труда на благо Родины... добро пожаловать в столицу республики», – закончил он свою речь» [5].

Фронтовикам, возвращавшимся домой, казалось, что все выпавшие на их долю испытания, остались на войне, но надеждам не суждено было сбыться. Пришедшие домой воины заставляли

часто далеко не радостную картину в своих домах. Так, семья демобилизованного И. Дулаева, констатирует комиссия по обустройству фронтовиков, «испытывает крайне критическое положение, как например, жена его Тамара страдает воспалением легких – лежит больная в постели, дети его – 4 души – без присмотра и приюта страдают от холода и голода» [6, л. 15]. Семья демобилизованного В.П. Щиткина, состоявшая из 4-х малолетних детей, «в материальном отношении переживает тяжелые материальные условия» [6, л. 19]. Таких фактов зафиксировано множество. Это вызывало у демобилизованных горечь, нередко обиду и даже агрессию. Государство это должно было учитывать и ослаблять напряженность в данной социальной страте.

Государственная помощь этой категории советского общества осуществлялась по разным направлениям, прежде всего это трудоустройство и решение материально-бытовых проблем. Была разработана централизованная система государственного социального обеспечения. 1-го июля 1945 г. исполком Северо-Осетинского совета депутатов трудящихся принял решение о мероприятиях по обеспечению приема, трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию демобилизуемых из Красной армии. Как отмечалось в передовице газеты «Социалистическая Осетия»: «Всем исполкомам районных и городских советов предложено подготовиться к встрече защитников Родины, окружить их заботой и вниманием» [7, л. 6].

Закон о демобилизации являлся основополагающей правовой базой для местных партийно-советских органов, обязанных в течение месяца предоставлять работу демобилизованным военнослужащим. Чтобы процесс вовлечения комбатантов в трудовую деятельность происходил быстро и безболезненно, с ними уже через несколько дней после демобилизации проводилась разъяснительная работа силами агитаторов из числа партийно-советского, комсомольского и профсоюзного актива.

Районные военкоматы должны были осуществлять и контролировать работу по учету, оформлению документов, продовольственных карточек, талонов на одежду и топливо. Кроме того, на них возлагалась обязанность в оказании посильной помощи в трудоустройстве и решении бытовых проблем.

Из данных комитета по учету и распределению рабочей силы, предоставленных Совету министров СССР, следует, что в результате двух демобилизаций в разные районы страны «при-

было в города и сельские местности 5.314,7 тыс. человек демобилизованных, из них в города прибыло 1.771,5 тыс. человек и остальные, 3.543,2 тыс. человек, – в сельские местности. На 15 февраля 1946 г. в городах трудоустроено 1.286,5 тыс. человек и поступило на учебу 41,9 тыс. человек, что составляет 75% к числу прибывших. Из этого количества 531,7 тыс. человек трудоустроено городским бюро по учету и распределению рабочей силы и 754,8 тыс. человек устроились самостоятельно» [8, с. 236].

Из первой партии демобилизованных из г. Дзауджикау было сразу трудоустроено 204 человека [9, л. 7]. В информации Ирафского районного комитета ВКП(б) обкому партии отмечалось следующее: «Райком ВКП(б) сообщает, что за период демобилизации воинов Красной Армии первой очереди в наш район прибыло 173 человека, из них 100 мужчин, женщин 73 чел. На 15 сентября 1945 г. из всех прибывших трудоустроено 97 человек. Еще не приступили к работе 76 человек, из них по болезни не работает 6 и 15 человек выбыли из пределов района по семейным обстоятельствам». Из прибывших 127 человек устроились работать в колхозы, два из них – председателями колхозов [10, л. 12].

Всего к 12 декабря 1945 г. Дарг-Кохским районкоматом, к примеру, было принято на учет 997 демобилизованных. В октябре 1946 г. их уже насчитывалось 1408 человек, из них 1031 чел. получили работу. Большая их часть устроилась в сельскохозяйственном производстве, около 100 человек нашли работу в государственных учреждениях, некоторые – в промышленности [11, л. 35].

Для контроля за своевременным трудоустройством демобилизованных при районных военкоматах организовывались пункты регистрации, дежурство работников карточного бюро, предприятий и организаций.

Большой проблемой для власти стало трудоустройство демобилизованных в сельской местности. Во многом это связывалось с активной миграцией сельских жителей в города на заводы и фабрики, где давалось больше льгот, зарплата была выше. Труд в сельском хозяйстве был тяжел и непопулярен.

Многие из демобилизованных возвращались на прежние места работы, оставаясь в тех же должностях. Так, Герой Советского Союза Л.И. Алехин работал до войны разнорабочим, вернувшись на родное предприятие, долгие годы продолжал трудиться шофером; Атаев А.Г., призванный на фронт сразу после окончания средней

школы, вернулся в колхоз с. Сурх-Дигора и до пенсии трудился в сельском хозяйстве рядовым колхозником.

Часть комбатантов по возвращении на свои предприятия имела возможность воспользоваться социальным лифтом. Так, учитель Чехов С.Ш. вернулся после войны в школу, а спустя время стал ее директором; фронтовик А.Г. Быков, работавший до войны мастером горэлектросети, стал инженером службы [12, с. 21–26]. Таких фактов было много.

Серьезную проблему для властей представляло трудоустройство молодых комбатантов. Они имели за спиной большой военный опыт, но, вернувшись к мирному труду, они вступали в новую жизнь, где их умения не нужны были никому. Часть фронтовиков за плечами имела только учебу в средней школе. По возвращении к мирному труду у молодых людей появлялось желание продвинуться в карьере. Неквалифицированным предлагалось пройти производственное обучение на курсах. Так, Герой Советского Союза Л.Ш. Давыдов, призванный на фронт в 18 лет, по возвращении домой закончил курсы и работал мастером на обувной фабрике; его ровесник И.Д. Бидеев после войны окончил рабфак, затем курсы бухгалтеров и возглавил промысловую артель инвалидов. После окончания рабфака М. Цирихов стал редактором газеты «Растдзинад», у М. Цагараева также карьера сложилась успешно: после войны он пришел на работу в обком ВКП(б), затем стал главным редактором Северо-Осетинского книжного издательства; Герой Советского Союза С.Я. Батышев в мирное время прошел путь от преподавателя рабфака до заведующего Главным управлением трудовых резервов республики [13].

Для фронтовиков, которые хотели получить образование и специальность, предусматривались льготы при поступлении в вузы. По данным Е. Зубковой, в 1946 г. был осуществлен самый массовый прием на первые курсы вузов, среди абитуриентов было 41 тыс. фронтовиков [14, с. 136]. Конкурса не было, все имеющие аттестат о среднем образовании имели возможность стать студентами вузов и средних профессиональных учебных заведений. Еще одной особенностью этой вступительной кампании стала гендерная динамика: если в 1945 г. мужчин среди студентов первых курсов было не более 25%, то уже на следующий год – 40%, в строительных вузах – свыше 70%. Фронтовики поступали в вузы без вступительных экзаменов, вне конкурса. Например, лейтенант М.И. Гиоев, вернувшийся домой после

тяжелой контузии, без вступительных экзаменов был зачислен на исторический факультет Северо-Осетинского педагогического института [15, с. 12]; С.А. Кокаев, инвалид войны, лишившийся обеих рук, также поступил на исторический факультет того же вуза; Бесолов А.Н. по льготе поступил в Московский энергетический институт, после окончания которого работал заведующим отделом института.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) бюро Северо-Осетинского обкома партии 1 сентября 1945 г. приняло постановление «О работе местных партийных и советских органов по устройству демобилизованных из действующей армии», в котором критике подверглись действия некоторых райкомов ВКП(б), не проявивших должной заботы о демобилизованных. Возвращение к мирной жизни для многих стало личной трагедией, т.к. молодые фронтовики оказывались отторгнутыми партийно-советскими чиновниками. Вот характерное письмо демобилизованного Л. Бычкова: «...Хлеб кушаю через день. Я почти половину своей жизни отдал служению Отчизне в рядах Советской Армии. Еще 19-летним добровольцем-комсомольцем ушел на защиту Родины, окончив 10 классов средней школы, не получил специальности, которая нужна сейчас как воздух, как вода. Все советские и партийные органы обещали помочь в устройстве на работу, но безрезультатно. Каждый смотрит с ехидством, с презрением. На демобилизованных офицеров смотрят как на людей отсталых, безграмотных. Я, что, виноват, если служил Отчизне и не получил специальности?! А жить надо или нет?!» [16, л. 12].

Часть демобилизованных не сразу включалась в трудовую деятельность, предпочитая немного отдохнуть, оглядеться и только потом принять важное для себя решение. Это обстоятельство было отмечено на заседании Президиума Верховного Совета СОАССР 10 января 1946 г.: «Многие возвратившиеся из Красной Армии длительное время, от 3-х до 4-х месяцев, не поступают на работу, мотивируя необходимостью устройства своих квартирных и домашних дел, часть демобилизованных не хотят возвращаться на производство для работы по своей специальности, и требуют предоставления административно-хозяйственной работы» [17, л. 128].

Предоставление этих возможностей для комбатантов Великой Отечественной войны было непростой проблемой для государства, которому предстояло решать вопросы восстановления народного хозяйства страны. Складывалась па-

радоксальная ситуация, когда государство, чьи интересы защищал гражданин, не могло предоставить ему по целому ряду причин полноценные социальные гарантии, помочь пройти безболезненную адаптацию к реалиям мирной жизни.

Социальной защиты требовала и такая категория военнослужащих, как инвалиды войны. Новейшими исследованиями установлено, что за годы войны через лечебные учреждения прошло более 30 млн. человек, примерно четверть из которых так и не оправилась от ран и причислена к инвалидам [18, с. 140]. К концу 1945 г. по Северо-Осетинской АССР состояло на учете инвалидов Отечественной войны 3988 чел., в том числе 1-й группы – 52; 2-й группы – 1268 чел.; 3-й группы – 2668. Трудоустроено и работало в народном хозяйстве и промышленности республики инвалидов: 3-й группы – 2562 чел., 2-й – 721 чел. За три осенних месяца 1945 г. обучено 84 чел. инвалидов Отечественной войны [19, л. 9]. Для их полноценной адаптации к мирной жизни государственные органы должны были наладить работу медицинских учреждений, социальных служб, пенсионное обеспечение.

Для того чтобы инвалиды имели возможность устроиться на работу, необходимо было организовать производство протезов и специальных приспособлений. В г. Дзауджикау еще в период Великой Отечественной войны было налажено производство протезов, однако органы социальной защиты республики требовали повышения качества протезов со сроком службы не менее 2–3 лет вместо 5–7 месяцев реальной эксплуатации.

По данным Министерства социального обеспечения Северо-Осетинской АССР, к 1 января 1948 г. в республике средняя пенсия составляла 194 рубля, но были пенсии гораздо меньше. Северо-Осетинским Министерством социального обеспечения была разработана инструкция «О порядке выплат и начислений пенсий инвалидами войны и труда III группы» от 2.02.1948 г., в соответствии с которой выплачиваемая пенсия не могла превышать 50% заработка. Например, инвалид III группы, который учился в училище, имел право только на половину стипендии, так как ему полагалась пенсия. Пенсии лишались жители сельских районов, некооперированные кустари [20, л. 21]. Такие меры были продиктованы финансовыми трудностями, которые пережило государство в первые послевоенные годы.

Поэтому, чтобы держаться наплаву, инвалиды должны были искать работу. А инвалиды III группы по возвращении с фронта обязывались

трудоустроиться в течение 3-х месяцев, либо лишились пенсии и дополнительных льгот.

Очень сложно было устроиться инвалидам на работу по их физическим возможностям. Поэтому государство стимулировало развитие кооперативных объединений, которые занимались производством ширпотреба, «организованы сапожная, кукольная и жестяная мастерские. В течение 1945 г. через интернат инвалидов Отечественной войны обучено, выпущено квалифицированных мастеров указанных квалификаций и трудоустроено 67 человек» [21, л. 23]. В зависимости от наличия образования, состояния здоровья, физических недостатков, инвалиды Отечественной войны как рядового, так и офицерского состава направлялись на самые различные работы, как административно-хозяйственные, партийные, также на различные работы системы Коопсоюза. Так, например, в промышленных организациях работает 146 чел., в кооперации инвалидов 117 чел., надомниками работает 314 чел., в сельском хозяйстве – 28 чел., в советских организациях – 51 чел. Большинство путевок по трудоустройству выдано райсобесами в Коопсоюз, где каждый направленный инвалид в зависимости от состояния его здоровья, находил себе применение по той или иной профессии, в тех же случаях, «когда физический недостаток не позволяет инвалиду применить свой труд по прежней профессии, даже и при наличии протеза были организованы разные краткосрочные курсы, где инвалид получает новую профессию» [22, л. 16].

В обнародованном 18 июля 1949 г. постановлении Совета Министров РСФСР для таких объединений предоставлялся ряд налоговых льгот: первоочередное обеспечение всеми видами сырья и промышленных отходов, торговля в газетных киосках и ларьках галантерейными, табачными и кондитерскими изделиями: «Согласно приказам Наркомторга СССР от 9 августа 1943 г. и от 10 апреля 1944 г. в гор. Дзауджикау для инвалидов Отечественной войны открыты два специальных магазина и одна столовая закрытого типа, а в гг. Алагир и Моздок организованы ларьки для отоваривания продовольственных и промышленных карточек» [22, л. 118].

По понятным причинам многие инвалиды не могли работать по прежней специальности, для них следовало организовать обучение в вечерних школах, ремесленных училищах, техникумах, вузах. В 1946 г. во всех отраслях народного хозяйства страны 272 тыс. инвалидов войны прошли переквалификацию, и соответственно увеличился размер оплаты их труда. Инвалиды

Отечественной войны как в городах, так и в селах в 1945 г. были обеспечены огородами, которые в большинстве вспаханы при содействии райсобесов с помощью колхозов, МТС и общественных организаций. Например, по г. Дзауджикау все огороды инвалидов Отечественной войны офицерского состава были вспаханы трактором, также и в Затеречном районе [23, л. 132].

Остронуждающимся инвалидам Отечественной войны по выходу из госпиталя оказывалась денежная помощь в виде единовременного пособия. Пособие выдавалось для оформления пенсионных документов и на питание, пока по оформленным документам инвалид сможет получить пенсию. Размер единовременного пособия выражался в сумме от 50 до 200 руб. Всего было выдано за истекший год 18 тыс. рублей, удовлетворено этой суммой 171 чел.

Одним из главнейших видов материальной помощи является трудоустройство инвалидов Отечественной войны. С этой целью райсобесами и горсобесом повседневно проводилась разъяснительная работа как в индивидуальном порядке, так и путем проведения общерайонных собраний с неработающими инвалидами 2-й и 3-й групп [24, с. 23].

Однако не всегда местные власти четко организовывали социальную помощь демобилизованным. К примеру, в течение первых послевоенных лет Северо-Осетинский обком ВКП(б) систематически отмечал факты неудовлетворительной работы исполкомов городских и районных советов по трудоустройству демобилизованных воинов Красной армии. Так, на начало 1946 г. по окончании первой очереди демобилизации по республике остались 798 чел. нетрудоустроенными. Особенно плохо была организована работа по трудоустройству демобилизованных в Промышленном, Малгобекском, Коста-Хетагуровском, Алагирском районах. Директора предприятий не старались подобрать для комбатантов приемлемый вариант трудоустройства.

Не менее важной и судьбоносной проблемой для многих фронтовиков являлась жилищно-бытовая. С этой целью предписывалось проверить сохранность жилья военнослужащих, в случае необходимости произвести ремонт, если же жилье было разрушено в период оккупации, по минимальной цене выделять стройматериалы и земельные участки под строительство. Из фондов исполкомов следовало обеспечить жильем тех демобилизованных, которые его не имели.

Нуждающимся демобилизованным была оказана большая помощь в их бытовом устрой-

стве: предоставлены квартиры 658 демобилизованным, отремонтированы дома и квартиры 1951 человеку, только за 1946 г. выданы ссуды на индивидуальное строительство 1893 демобилизованным в сумме 4855 тыс. руб., получили материальную помощь через предприятия, учреждения и колхозы 15541 человек и топливе – 6821 человек [25, л. 21].

В оказании материально-бытовой помощи принимали участие: Горторготдел, отделы гособеспечения районов и предприятия. Так, по Горторготделу и отделу гособеспечения выдано 2700 талонов на различные промтовары, в том числе: швейные изделия – 1001 талон, постельные принадлежности – 241, резиновую обувь – 47, головные уборы – 24. Выдано топлива из Гортопа 101 семье по 2 кубометра дров [27, л. 28]. В отдел рособеспечения подано заявлений от 290 демобилизованных на приобретение промтоваров, из них удовлетворены 115: «выданы талоны на следующие промтовары: отрезы на костюмы – 5 талонов; гимнастерки шерстяные и хлопчатобумажные – 5 талонов; костюмы мужские – 4 талона; обувь – 101 талона; галоши – 8 талонов; пальто дамские – 9 талонов; мануфактура – 5 талонов» [27, л. 27].

Выполняя постановление ЦК ВКП(б) по устройству демобилизованных, региональные партийно-советские органы провели ряд мероприятий: для демобилизованных было отремонтировано 128 квартир, предоставлено 810 квартир. Для желающих строить собственное жилье выдавались земельные участки, стройматериалы. На жилищное строительство облисполкомом было отпущено свыше 400 тыс. руб. долгосрочного кредита.

Случалось и так, что инвалиды Отечественной войны, семьи военнослужащих и демобилизованные, остро нуждающиеся, месяцами и годами обивали пороги райисполкомов и райжилуправлений и месяцами не могли получить необходимую им жилплощадь. Так, майор Онищенко, семья которого состояла из 5 чел., «проживает на кухне в 6 кв. м. Демобилизованный Драйчук временно проживает с семьей в 4 чел. на складе аптекоуправления, предназначенном для ядовитых веществ; инвалид Отечественной войны II группы Соловьев, туберкулезный с беременной женой проживает в комнате (бывший сарай) не пригодной к жилью; майор Судаков, инвалид II группы, проживает с женой и ребенком в комнате, не имеющей окон и печи и др.» [28, л. 12].

Принятый сессией Верховного Совета СССР Закон о демобилизации старших возрастов личного состава Действующей армии обязывал Все-

союзный банк финансирования коммунального и жилищного строительства (Цекомбанк) выдавать ссуды нуждающимся демобилизованным на строительство и восстановление жилых домов в районах, пострадавших от немецкой оккупации: «...Размер ссуд определен законом в сумме от 5 до 10 тыс. рублей со сроком погашения от 5 до 10 лет. Банк будет взимать небольшой процент за выдаваемые ссуды – 2% в год. Выдача ссуд производится по решениям исполнительных комитетов уездных, городских, районных Советов депутатов трудящихся. Демобилизованные могут получать ссуды непосредственно через предприятия, где они работают. При получении ссуды демобилизованный выдает соответствующее обязательство и представляет справку и разрешение на восстановление дома. На подготовку площадки и заготовку материалов он сможет получить аванс в размере 15% ссуды» [29].

Много делалось для обеспечения топливом семей демобилизованных: так, 9731 кубометров дров получили демобилизованные Дзауджикау и Моздока, 8710 тонн угля получили 80% демобилизованных. Заготовка и подвоз топлива были организованы колхозами, промышленными предприятиями: «На вагоноремонтный завод пришло 20 человек демобилизованных, из них 18 человек выдано угля по 300 кг каждому и одному 2 кубометра дров, выдано талонов на разные промтовары 8 человекам. Поданы заявления на ремонт квартир от 6 человек, отремонтирована одна квартира тов. Лошманову, который очень доволен за чуткое отношение к демобилизованным» [30, л. 3].

В сельской местности демобилизованные, семьи военнослужащих, инвалидов были обеспечены топливом, при этом в Ирафском, Дигорском, Садонском районах полностью, в Коста-Хетагуровском, Аланском, Правобережном – на 80%. Обеспечение продуктами питания в сельской местности происходило значительно хуже. Тяжелая ситуация сложилась в семье колхозника сел. Ногир Дуби Гагиева. Его большая семья не получила на трудодни зерно и испытывала острую нужду в муке, которую можно было получить в колхозе. Однако председатель колхоза отказался помочь, сопроводив отказ словами: «Нет у нас фонда для демобилизованных». Тогда Гагиев обратился в районные организации, которые также отказали: «Что это за отношение к демобилизованным?! – вопрошал Гагиев. – У них есть всякие возможности, чтобы помочь мне. В колхозе имеется две тонны пшеницы. Есть в колхозе хорошая вальцевая мельница (пропускает 15 т ежедневно). Я просил председателя отпустить

мне муки с мельницы, он отказал: «Мука государственная, а не колхозная» [31, л. 93].

Невнимание к нуждам демобилизованных со стороны партийно-советских органов вызывало большое количество жалоб в разные инстанции. Только за первое полугодие 1947 г. на имя Председателя Президиума Верховного Совета республики поступило 390 жалоб и заявлений, в том числе от Героев Советского Союза и членов их семей – 11, военнослужащих и членов их семей – 125, инвалидов Отечественной войны – 95, демобилизованных из Советской армии – 85. Характер как устных, так и письменных жалоб и заявлений: об оказании материальной помощи (денежная, верхняя одежда, продукты питания) – 250, о предоставлении жилплощади – 45, производство ремонта квартир – 25, выдаче земли под индивидуальные огороды – 13, трудоустройстве – 11 и 46 – по различным вопросам. Из всех жалоб и заявлений самым «тяжелым вопросом является квартирный. В течение первого полугодия 1947 года было проверено с обследованием на местах 55 жалоб и заявлений на незаконные действия отдельных руководителей местной власти: о нарушении Постановления правительства о помощи семьям военнослужащих, инвалидам Отечественной войны и демобилизованным из Советской армии» [32, л. 6].

Демобилизованные жаловались на самоуправство местных властей. Зафиксированы случаи, когда фронтовики доходили до рукоприкладства в отношении председателей колхозов, которые поступали несправедливо, не выполняли своих обязанностей. М.А. Безнин и Т.М. Димони привели массу фактов нападений на представителей колхозного руководства [33, с. 81]. Благодаря тексту писем и жалоб можно определить представления демобилизованных о местной власти, о нарушениях на местах, оценочных суждениях по тому или иному вопросу. В своих жалобах фронтовики сообщают, что местное начальство ведет себя вызывающе, не занимается проблемами населения. Так, в результате многочисленных жалоб на действия первого секретаря Алагирского райкома ВКП (б) Кодоева В.М., который «в своей практической деятельности допускал серьезные ошибки, примиренчески относился к нарушителям

Устава сельхозартели, не выполнял требований партии и правительства о демобилизованных», он был уволен [34, л. 7]. Много заявлений поступало от демобилизованных по поводу улучшения жилищных условий, ремонта квартир, выделения земельных участков под строительство жилых домов [35, л. 52].

Бытовая неустроенность, бездушное отношение к воину-победителю нередко приводили к агрессии со стороны демобилизованных, основанной на неуспешности адаптации комбатантов. Агрессивность стала характерной особенностью социального поведения части комбатантов, страдающих посттравматическим расстройством.

Неприспособленность, сопровождающаяся агрессивностью, нарушала процесс социальной адаптации, взаимоотношения с окружающими, способствовала самоизоляции. Молодые демобилизованные воины пополняли наводнившие послевоенные города и села преступные шайки, занимавшиеся грабежом, разбоями. По данным прокуратуры Северо-Осетинской АССР, во второй половине 1945 г. было возбуждено 10 дел о незаконном хранении оружия, в 1947 г. – уже 45 дел [36, л. 1–4]. Как видно, налицо явное увеличение количества оружия у населения. Были изъяты пистолеты, пулеметы, автоматы, холодное оружие. Наличие у населения большого количества оружия привело к тому, что в 1946 г. по сравнению с 1945 г. преступность по республике возросла по всем видам, особенно по убийствам (на 25%), грабежам (на 28%) и разбоем (15%), т.е. по тем видам преступлений, в которых активно применялось оружие (22).

Таким образом, анализ условий адаптации комбатантов Великой Отечественной войны позволяет сделать вывод о том, что государством было сделано много для вхождения бывших военнослужащих в мирную жизнь. Однако многие вопросы жизнеустройства фронтовиков оставались нерешенными. Это было связано не только с объективными причинами отсутствия возможностей у государства, но и чиновничьим безразличием и волокитой. Это создавало в обществе определенную напряженность, приводило к росту социальных девиаций в среде фронтовиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон СССР от 23.06.1945 г. «О демобилизации старших возрастов личного состава Действующей Армии» /<http://www.bestpravo.ru/sssrf/eh-dokumenty/e2n.htm> (дата обращения – 10.03.2016).
2. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 273.
3. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 5. О. 429. Л. 1–4 (подсчет).

4. *Градосельский В.В.* От Парада Победы – к демобилизации Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2002. №5. С. 65–69.
5. Социалистическая Осетия. 1945. 7 августа.
6. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 373. Л. 15.
7. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 5. Д. 582.
8. *Хаяров Д.Г.* Проблемы адаптации инвалидов Отечественной войны в Западносибирском регионе в 1941–1945 гг. // Вестник СГГА. 2004. №9. С. 236–239.
9. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 4. Д. 304.
10. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 5. Д. 580.
11. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 5. Д. 493.
12. Осетии отважные сыны. Владикавказ, 2008. Вып. 8. 194 с.
13. Осетии отважные сыны. Владикавказ, 2010. Вып. 11. 219 с.
14. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953. М., 1999. 230 с.
15. *Гиоев М.И.* Раздумья. Владикавказ, 1999. 289 с.
16. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 273.
17. ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 1. Д. 269.
18. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. 415 с.
19. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 5. Д. 372.
20. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 5. Д. 286.
21. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 279.
22. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 5. Д. 945.
23. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 837. Т. 1.
24. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 5. Д. 129.
25. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 493.
26. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 5. Д. 495.
27. ГАНИ РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 273.
28. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 435.
29. Социалистическая Осетия, 1945, 7 июля.
30. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 169.
31. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 5. Д. 483.
32. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 4. Д. 837.
33. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81–99.
34. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 5. Д. 319.
35. ЦГА РСО-А. ФР. 639. Оп. 1. Д. 132.
36. ЦГА РСО-А. ФР. 777. Оп. 1. Д. 22.

УДК 821.351

О КОНЦЕПЦИИ ФОЛЬКЛОРИЗМА В ЧЕЧЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX СТОЛЕТИЯ

© О.А. ДЖАМБЕКОВ

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный

Аннотация. В работе рассматривается проблема фольклоризма в творчестве чеченских писателей, объединенная темой абречества. Её значимость определяется не только конкретно историческим характером материала, но и его общечеловеческими признаками, зафиксированными в архетипических образах и мифологемах благородного «разбойника» Зелимхана Харачоевского.

Ключевые слова: фольклоризм, абречество, историческая фигура Зелимхана, чувство долга, справедливость.

Abstract. This work considers issues of folklorism in Chechen writers' works (M. Mamakaev, A. Aydamirov, Sh. Okuev) converging the topic of abrek. Its significance determines not only by concrete historical character of material but by its universal features, which are marked in archetypical images and mythologies of noble outlaw Zelimkhan Kharachoevsky.

Keywords: folklorism, abrechestvo, historical figure of Zelimkhan, sense of duty, justice.

Проблема исследования важнейших аспектов абречества ставилась в последние десятилетия в достаточно традиционном для большинства других новописьменных литератур России формате, но со своими конкретными особенностями [1, 2].

Значимым примером продуктивного освоения фольклорной традиции в воссоздании коллизий жизни этноса и народа и своеобразного использования и преломления потенциала народной поэзии во всем её разнообразном арсенале является художественное творчество чеченских писателей, объединенное темой абречества, в контексте аналогичного творчества не только северокавказских писателей, но и писателей России и других стран.

Как отмечает Н.Т. Накусова, «на сегодняшний день нет однозначного подхода к определению сущности данного общественно-социального явления» [3, с. 18]. Это объясняется, на наш взгляд, неоднозначностью, амбивалентностью самого этого явления.

Историю кавказского абречества изучали М.М. Ковалевский, Ф.И. Леонтович, С.К. Бердяев, К.Л. Хетагуров, А.Т. Цаликов, А.А. Гассиев, В.О. Бобровников, Ю.М. Ботяков, В. Семенов, Н.Т. Накусова, Я. Чеснов и др. В западной историографии, благодаря работам советологов А. Беннигсена и М. Беннигсен-Броксуп, абречество в целом рассматривается как прогрессивное антиколониальное движение.

Зелимхан Гушмазукáев (Зелимхан Харачóевский; январь 1872 г. – 26 сентября 1913 г.) – «известный чеченский абрек», – такое определение даёт данному персонажу свободная интернет-энциклопедия [4]. По данным Википедии, стать абреком Зелимхана вынудили трагические обстоятельства, с которыми ему пришлось столкнуться: незаслуженное обвинение в убийстве и последующее заключение в тюрьму.

История художественно-образного воплощения исторической личности Зелимхана в устном творчестве и литературе насчитывает около столетия. Первые попытки отразить этот феномен в профессиональной литературе появляются сразу после его гибели. Немецкий барон Вольдемар Икскуль, до революции трижды приезжавший в Северную Осетию, осветил тематику, связанную с интересующей нас проблемой, в романах «Абрек Заур», «Зелимхан», «Названные братья».

В 1920-е гг. осетинский писатель, журналист, ученый Дзахо Гатуев, живший в Москве и писавший на русском языке, создал первую документальную повесть о Зелимхане. В 1925 г. он организовал экспедицию в Чечню с участием художников Шлепнева и Черноусенко, композитора Давыденко для сбора фольклорного материала об абреке. Уже в работе «Из истории национально-освободительных движений на Северном Кавказе» (1926) Д. Гатуев сделал попытку определить социально-исторические истоки абречества, свя-

зав его с национально-освободительным движением горцев Северного Кавказа.

В самой повести «Зелимхан» Д. Гатуева наблюдается синтез документализма и художественности. В создание повести были привлечены фольклорные материалы, созданные в жанре каторжных песен, устных преданий и рассказов, а также архивные источники – циркуляры, рапорты, протоколы царских чиновников, материалы дореволюционной кавказской прессы, письма Зелимхана, воспоминания его сподвижников и родных и т.д. Это было исторически убедительное и вместе с тем художественно динамичное повествование. Однако, по нашему мнению, В. Иксуль и Д. Гатуев несколько наивно «приукрасили» Зелимхана, подали его этаким Робин Гудом. А в романах М. Мамакаева и А. Айдамирова он показан таким, каким был на самом деле. Истинным чеченцем... Известно, что дочери Зелимхана всю трагическую жизнь своего отца в самых мельчайших деталях рассказали М. Мамакаеву. Потому абрек Зелимхан у М. Мамакаева получился таким реальным героем, который ничего героического (из ряда вон выходящего) не совершил. Он всегда поступал так, как должен был поступить любой чеченец. А у В. Иксуля и Д. Гатуева Зелимхан – скорее романтический герой, легко и играючи совершающий необыкновенные подвиги...

В эти же годы Дзахо Гатуев создал в соавторстве с И. Трабским сценарий фильма о Зелимхане (студия «Востоккино» (Тбилиси), режиссер О. Фрелих, оператор Г. Блюм (1926), в главной роли – Л. Бестаев). О нем фильме «Зелимхан», сохранившемся не полностью, автор сайта «Чеченинфо» пишет, что он выглядит «как романтический триллер за вычетом слишком растянутой завязки, где с идеологическим нажимом мотивируется уход в абреки Зелимхана и его товарищей, несправедливо осужденных и сбежавших из царского застенка» [5]. Фильм предваряет красноречивый титр: «Национальная политика самодержавия вела малые народы к обнищанию и вырождению... У горцев Кавказа царизм отнял право на «плоскости», загнал их в бесплодные ущелья, лишил их возможности хозяйственного и культурного развития».

«Зелимхан же со своими боевиками, как называли бы сегодня его соратников, обрисованы не просто сочувственно – эти персонажи героизированы, как и их действия. Зелимхан мстит за погибших чеченцев, но религиозная традиция кровной мести здесь окрашивается в яростные цвета социального мщения» [6]. Автор сайта справед-

ливо констатирует, что «жанр в какой-то момент пересиливает идеологему, будто сам режиссер, захваченный стихией разыгранной им ролингудовской вольницы, забывает про идеологическую сверхзадачу. Да и сам Зелимхан, сыгранный знаменитым осетинским актером Бестаевым, делает опасную идею социального мщения очень даже обаятельной» [7].

Как уже отмечалось выше, ни одно из литературных произведений о Зелимхане из Харачоя не является собственно биографией (хотя имеет множество признаков данного жанра документально-исторической литературы). Ни одна книга этого типа не представляет собой полного жизнеописания героя с его четкой хронологией, выделением основных этапов биографии персонажа, не содержит элементов уместного в данном случае романа-воспитания. Здесь действует примерно такой же принцип, как и в создании фольклорного произведения. Так же, как и в фольклоре, из жизненной канвы прототипа избираются наиболее ключевые моменты (в каждом конкретном случае соответствующие целевым установкам, вкусам и интересам, морально-этическим предпочтениям сказителя, народного певца либо профессионального автора), художественно-эстетическое исследование которых способствует превращению прототипа в художественный тип.

Ряд исследователей (Х. Туркаев, Т. Джамбекова) уже рассматривали отдельные признаки фольклорного воздействия на идейный замысел и художественную структуру романов о Зелимхане (М. Мамакаев, А. Айдамиров) и его духовных преемниках (Ш. Окуев), однако за пределами их анализа оставался мифопоэтический пласт и ряд других аспектов фольклоризма данного текста.

Совершенно обоснованно тема и образная семантика абречества становится исконно органичной для национальной народной поэзии как чеченцев, так и других народов Северного Кавказа. Так же естественно она становится одной из знаковых тем всех северокавказских литератур. Если в романе М. Мамакаева, вышедшем в свет в 1968 г., можно наблюдать некоторую романтизацию, смягчение образа Зелимхана (отчасти в духе советской идеологии, в том числе и в художественной историографии, стремившейся к некой нивелировке, избеганию «острых углов»), то в романе А. Айдамирова «Буря» (а в более точном переводе с чеченского – «буран») (1999) очевиден более откровенный, а возможно и более достоверный, более жестко-реалистический подход к освещению исторической фигуры и

литературно-художественного типа Зелимхана уже в духе новой эпохи.

Воссоздание психологических свойств личности героя непосредственно в тексте романа А. Айдамирова «Буря» подкреплено цитированием большого количества документальных материалов (что очень важно, без купюр). Это стало возможным именно в 1990-е гг., когда для автора появился доступ ко многим прежде закрытым под различными грифами архивным материалам. Роман А. Айдамирова «Буря» местами отличается большой публицистичностью, выраженной порой в открытой, порой в более скрытой, опосредованной авторской позиции. В романе «Буря» более обстоятельно, глубоко и всесторонне продемонстрирована историческая – социальная, политическая, этноментальная детерминированность как Зелимхана как исторического и художественного типа, так и всего абреческого движения.

Мифологема абречества может рассматриваться, в том числе, и как одна из составляющих частей попытки народного стихийного «правосудия» (помимо таких регуляторов, как адаты и шариатский суд) упорядочить те черты хаоса,

которые могли иметь место в традиционном чеченском (и не только) обществе на протяжении веков.

Значимость данной темы определяется не только сугубо национальным и региональным, локальным, конкретно историческим характером материала, актуального не только для чеченской и северокавказской традиции, но и его общечеловеческими признаками, зафиксированными в архетипических образах и мифологемах благородного разбойника, в самом его феномене, неотъемлемом от исторического и духовного развития практически любого этноса.

В.К. Адуев в своей статье в журнале «Нана», посвященной 100-летию со дня гибели Зелимхана из Харачоя, отмечает, что в «истории каждого народа есть свои герои, которыми гордятся, которых помнят, чтят, часто ассоциируют с ними целый народ, культуру... Как правило, это люди с необыкновенной судьбой, нередко трагичной... На них хотят быть похожими, их именами называют детей, ими восторгаются, им подражают, их цитируют. О них слагают легенды, песни, пишут книги...» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джамбекова Т.Б.* Фольклор как источник чеченской прозы XX века. Майкоп: Изд-во МГТУ, 2010. 236 с.
2. *Исмаилова М.В.* Чеченский роман конца XX века. Проблема жанрового и стилистического своеобразия. Назрань: Пилигрим, 2010. 156 с.
3. *Накусова Н.Т.* Художественное осмысление проблемы абречества в осетинской литературе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2009. 18 с.
4. u.wikipedia.org/wiki.
5. <http://abrek.org> <http://checheninfo.ru/12386-zelimhan-olega-freliha-1926.html>.
6. <http://abrek.org> <http://checheninfo.ru/12386-zelimhan-olega-freliha-1926.html>.
7. <http://checheninfo.ru/12386-zelimhan-olega-freliha-1926.html>.
8. *Адуев В.К.* www.nana-journal.ru/states/dowt/1308-2013-12-05-13-14-45.html.

К ВОПРОСУ О НАРОДНОСТИ И ФОЛЬКЛОРИЗМЕ В РОМАНЕ-ДИЛОГИИ ШИМЫ ОКУЕВА «КРАСНЫЕ ЦВЕТЫ НА СНЕГУ»

© О.А. ДЖАМБЕКОВ, Т.Б. ДЖАМБЕКОВА

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный

Аннотация. В статье рассказывается о воздействии фольклора на известный роман-дилогию Ш. Окуева «Красные цветы на снегу», проявляющегося, прежде всего, в органическом усвоении фольклорной поэтики. В романе-дилогии представлено всё смысловое и образное богатство народной поэзии и устной речи чеченцев, от разных типов народных песен до изобилия малых речевых форм – проклятий, благопожеланий, коротких причитаний, возгласов, восклицаний, традиционных национальных звукоподражаний и междометий. В романе-дилогии показан национальный характер героев в момент тяжелого испытания; ему присуща объективность и честность в изображении исторических конфликтов, в том числе и через столкновение порочного характера с вековыми народными представлениями о добре и зле, что стало главным содержанием исследуемого произведения.

Ключевые слова: художественная словесность, абрек, чувство долга, справедливость, коллективная летопись.

Abstract. The article discusses the influence of folklore on the famous novel-dilogy of Sh. Okuev «Red flowers in the snow», which is shown primarily in the organic assimilation of the folklore poetics. All the semantic and figurative richness of folk poetry and speech of the Chechens, from different types of folk songs to the abundance of small forms of speech – the curses, good wishes, short lamentations, exclamations, traditional onomatopoeia and of interjections are presented in the novel. The national character of the heroes in the moment of trial is shown in the novel-dilogy; the historical conflicts are described with objectivity and honesty, through the collision of a vicious nature with the age-old folk beliefs about good and evil that became the main content of the studied works.

Keywords: artistic literature, abrek, sense of duty, justice, collective chronicle.

Воздействие традиционной народной культуры и, в том числе, устного словесного творчества народа на зрелое чеченское профессиональное искусство и литературу второй половины XX в. является органичным, носит признаки того самого синкретизма, который присущ непосредственно народной культуре в целом и устному творчеству народа в частности. Здесь не идёт речь о механическом заимствовании писателями отдельных конкретных фольклорных жанров, мотивов, образов, сюжетов, символов и т.д. Тут, скорее всего, дело в органическом родстве и единстве профессиональной литературы с её предшественниками – национальной мифологией, в целом устно-поэтическим народным творчеством, другими видами традиционной материальной и духовной культуры.

Чеченские писатели советской эпохи на всём протяжении XX в., начиная с 1920-х гг., художественными средствами «писали» коллективную летопись, своеобразную «энциклопедию чеченской жизни», ярким примером которой могут служить такие произведения, как роман «Когда познаётся дружба» С.-Б. Арсанова [1], роман-

хроника «Пламенные годы» Х. Ошаева [2], роман «Зелимхан» М. Мамакаева [3], роман-дилогия «Красные цветы на снегу» Ш. Окуева [4], роман-трилогия «Долгие ночи» А. Айдамирова [5] и др. Характерно, что в некоторых из них поднимаются важные проблемы абречества XIX – начала XX столетия.

Взаимодействие фольклора и литературы в разные периоды исследователями воспринимались по-разному, в частности, эти две формы художественной словесности порой противопоставлялись друг другу, а влияние фольклора воспринималось как нечто рудиментарное, нежелательное, требующее преодоления как пережиток прошлого. На наш взгляд, недооценка богатейшего фольклорного потенциала грозила многими потерями, вплоть до утраты самоидентификации этноса.

Эта мысль имеет особую значимость, поскольку в дописьменный период устное творчество чеченского народа являлось практически единственной формой, в которой народ мог сохранить язык, запечатлеть моральные и этические нормы. Именно в фольклоре народ выра-

жал своё отношение к разнообразным явлениям общественной жизни [6]. Фольклор был, таким образом, не только художественным феноменом, но и выразителем психологии, идеологии и философии народа.

В конце Кавказской войны, когда было жестоко подавлено военное сопротивление народов Кавказа, в разных уголках региона сформировался тип личности под названием *абрек*. Как правило, он был изгнанником, беглецом, изгоем (как *юнак* или *гайдук* на Балканах и в прилегающих районах, «человек вне закона» в западноевропейском естественном праве). Чаще всего *абрек* совершал преступления против общества, однако, в результате морально-этических представлений горской демократии начинал отстаивать по своим представлениям социальную справедливость [7, с. 151].

Для чеченцев психотип абрека был очень важен в прошлом, потому что традиции и общественные представления народа таковы, что диктуют человеку активное и прямое проявление собственной независимости и личного достоинства, допустимой меры самоуважения, основанные на постулатах традиционной народной этики, по-своему обосновывающей и данный импульсивный, «абреческий» тип личности.

Абреческая сущность сопровождается глубинными архетипами и поэтому поведение абрека находит по преимуществу полное оправдание в традиционном народном сознании. В характере абречества – максимализм, своеобразно понимаемое чувство долга и всепобеждающая тяга к справедливости. Правда, понятия *Долга* и *Справедливости* могут интерпретироваться им по-разному, весьма специфически в зависимости от разных этноментальных и индивидуально-психологических причин. Существующий в фольклоре многих народов типический образ «доброего молодца» никогда не отличается смиренностью и покорностью, ему свойственны одновременно не только смелость, ловкость, чувство благодарности и справедливости, но и изворотливость, мстительность, порой жестокость (по преимуществу оправданная).

Но не из-за этой ярко выраженной противоречивости получила абреческая тема отражение в фольклоре и художественной литературе разных народов Кавказа. Просто отдельные мотивы, сюжеты народных сказаний, как известно, весьма часто, по самым разным причинам, типологически совпадают в творчестве разных народов. Абрек всегда изображается двойкой: и как грабитель, нарушающий нравственные нормы обще-

ства, и как защитник бедняков, борец за свободу и права человека. Таковы исторические личности – чеченцы Вара, Геха, Зелимхан, лезгин Кири Буба, грузин Дата Туташхиа... Таковы герои профессиональной литературы: лермонтовские Азамат и Казбич («Герой нашего времени»), Амалат-Бек – уроженец кумыкского села Буйнак (одноименная повесть А. Бестужева-Марлинского), персонажи романа «Зелимхан» М. Мамакаева, повестей адыгских писателей А.Г. Кешева «Абреки», Т. Керашева «Абрек» и многие др.

Кодекс национального самосознания «нохчалла» («чеченскость») и ценности ислама – две основные, взаимодополняющие грани упорядоченного космоса чеченцев. Однако это существовало в наработанной веками и глубоко продуманной народным опытом теории, а на практике всё было гораздо сложнее, и различные отклонения от этих норм, вызванные разного рода объективными причинами, приводили к серьезным сбоям в системе, приводящим ко многим неизбежным явлениям, ставящим абреков «вне закона».

При всей актуальности устного народного творчества для формирования профессиональной художественной системы новописьменных литератур сам фольклор мог присутствовать в данном процессе как важнейший фактор, требующий творческого писательского преобразования и соотнесенности с конкретными духовно-философскими и художественно-эстетическими заданиями. Вместе с тем, в поле зрения чеченской фольклористической науки в большей степени оказывались народно-поэтические произведения лиро-эпических, стихотворных жанров, в то время как фольклорная повествовательная проза изучена в меньшей степени (за исключением жанра волшебной сказки и малых жанров фольклора).

Большинство исследователей касаются особенностей создания конфликтов, характеров, сюжетостроения данных произведений. Однако за пределами исследовательского внимания в большинстве случаев остаются вопросы проникновения элементов фольклорного наследия в художественную структуру и поэтику произведений, сочетания реалистической и романтической тенденций в их художественном мире.

В романе-дилогии Ш. Окуева «Красные цветы на снегу» широко представлены традиции фольклорной устной несказочной прозы и другие признаки взаимодействия данных текстов с элементами фольклора и традиционной народной культуры, определяются признаки преобразования, трансформации конкретного исторического лица сначала в фольклорный образ, а затем в

литературный тип с определенным сохранением отдельных фольклорных признаков.

В романе-дилогии Ш. Окуева мы находим различные образно-смысловые возможности стилистики – сочетание простонародной стихии народной речи с литературным языком, открываются новые эмоционально-экспрессивные оттенки смысла, в котором в разных формах проявляется фольклорное мышление народа и автора. Создается особый образный язык, пронизанный яркими просторечиями, имеющими отчетливый мифопоэтический компонент, связывающий в единый диалог *обыденное, возвышенное и священное*.

Вопрос о народности и фольклоризме в романе-дилогии Ш. Окуева «Красные цветы на снегу» неоднозначен, как и сам роман, весьма сложный и напряженный по стилистике и тональности. Воздействие фольклора на это произведение проявляется не только в прямых цита-

тах, но и в органическом усвоении фольклорной поэтики. В романе представлено всё смысловое и образное богатство народной поэзии и устной речи чеченцев, от разных типов народных песен до изобилия малых речевых форм – проклятий, благопожеланий, коротких причитаний, возгласов, восклицаний, традиционных национальных звукоподражаний и междометий.

В соответствии с народной традицией рисуется и символика пейзажа. Все герои Шимы Окуева проходят через тяжелые испытания, их характеры цельны и ментально выверены. Особенно важно подчеркнуть, что писателю присуща объективность и честность в изображении исторических и народных конфликтов, в том числе, и через столкновение порочного характера с вековыми народными представлениями о добре и зле, что в общем-то стало главным содержанием всей его прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсанов С.-Б.А.* Когда познаётся дружба. Роман. Алма-Ата, 1956.
2. *Ошаев Х.Д.* Пламенные годы. Роман-хроника. Грозный, 1959–1961. (на чеч. яз.).
3. *Мамакаев М.А.* Зелимхан. Роман. Грозный, 1968. (на чеч. яз.).
4. *Айдамиров А.А.* Долгие ночи. Трилогия. Грозный, 1972; 1989; 1999. (на чеч. яз.).
5. *Окуев Ш.Х.* Красные цветы на снегу. Грозный, 1976; 1978. (на чеч. яз.).
6. *Тугов В.Б.* Фольклор и литература абазин: динамика взаимодействия: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Майкоп: Адыгейский госуниверситет, 2003. 51 с.
7. *Шерипов А.Д.* О чеченских народных песнях. Предисловие / Из чеченских народных песен // Статьи и речи. 3-е изд., исправл. и дополн. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990. 176 с.

ЭТНОМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА М. БЕКСУЛТАНОВА «ЭТОГО ОН НЕ ЗНАЛ»)

© Л.М. ДОВЛЕТКИРЕЕВА

Чеченский государственный университет, г. Грозный

***Аннотация.** В статье на основе данных художественной литературы и языка на примере рассказа чеченского писателя М. Бексултанова исследуется чеченская культура и ментальность методом этноментальной экспертизы, а также рассматривается проблема утечки ментальной информации при переводе художественного текста.*

***Ключевые слова:** ментальность, языковая картина мира, художественный перевод.*

***Abstract.** The article studies Chechen culture and mentality on the basis of the literature and the language by the example of Chechen writer M. Beksultanov's story, by the etnomental expertise method, and also considers the problem of information leak when translating fiction texts.*

***Keywords:** mentality, language picture of the world, literary translation.*

При переводе художественного текста неизбежно происходит утечка онтологической информации. Максимальная потеря бывает вызвана несовпадением языковых картин мира переводчика и автора оригинального текста. Однако даже при общих мировоззренческих установках, в случае, если переводчик и автор принадлежат к одной этнической группе, полной ментальной адекватности переведенного материала его источнику быть не может. Объективной причиной тому служит не только разница в лингвистическом строе, морфолого-синтаксических особенностях двух языков, но и в том, что языковые культуры содержат в неявной форме ментальную информацию, не поддающуюся переводу и не требующую пояснения для читателя той же национальности, что и создатель художественного произведения [1]. А следовательно, данные подспудные смыслы, отчетливые для «своих», ускользают, обедняют текст для «других», делают его порой не совсем понятным, о чем реципиенты и не догадываются.

«Мы никогда не поймем такого поразительного явления, как язык, если сначала не согласимся с тем, что речь в основном состоит из умолчаний. <...> Каждый народ умалчивает одно, чтобы суметь сказать другое. Ибо всё сказать невозможно. Вот почему переводить так сложно: речь идет о том, чтобы на определенном языке сказать то, что этот язык склонен умалчивать» [2, с. 345].

Проследим, к примеру, из каких «умолчаний» состоит рассказ Мусы Бексултанова «Этого он не знал», переведенный с чеченского языка на русский.

Иноязычному читателю сразу же бросится в глаза следующее противоречие: Атаби обращается к своей жене со словами «Эй, Карибат! Да умри ты скоро!» [3, с. 8]. Далее следует безобидная перепалка между стариками, которую автор называет подтруниванием и объявляет, что за время своего супружества они ни разу не бросили в адрес друг друга ни одного проклятья.

Может возникнуть недоумение: разве слова «Да умри ты скоро!» не являются теми самыми проклятьями? Действительно, в чеченском языке подобные выражения («Да умри ты (я) скоро!», «Да не умри ты (я)!», «Да умри твоя (моя) мать!» и др.) не несут смысловой нагрузки и выполняют, скорее, междометную функцию: выражают, в зависимости от контекста, всевозможные эмоции: возмущение, отчаяние, удивление, досаду, страдание и т.д. Причем это еще более непонятно русскоязычному читателю, который знает, что нецензурная лексика, которую русские воспринимают аналогичным образом, т.е. как выражение определенного душевного порыва, кавказцами понимается буквально и служит поводом для серьезной ссоры, если употреблена в их адрес.

Атаби, поддевая свою старуху, говорит ей, что в свое время был вынужден на ней, невестребованной никем невестой, жениться, так как случайно дотронулся до нее рукой. Возмущенная Карибат начинает доказывать, что у нее не было отбоя от женихов, но ей ничего не оставалось, как выйти замуж за Атаби, так как он дотронулся до нее. Этот факт тоже может быть истолкован иноментальным читателем искаженно. Можно подумать, что за глаголом «дотронулся» кроется

нечто большее, вплоть до насилия над девушкой. И только человек, знающий чеченские обычаи и порядок этических взаимоотношений между мужчинами и женщинами в чеченском обществе, поймет, что речь идет, действительно, о легком прикосновении. Ведь не связанные друг с другом узами кровного родства, они не имеют права даже здороваться за руку. Девушка, в знак своего согласия выйти замуж, дает претенденту, помимо слова, какую-либо вещь: колечко, платочек... Ну а если парень требует, чтобы она подала руку, и девушка уступает, она считается чуть ли не опозоренной и обязанной выйти замуж именно за этого молодого человека. «И это в XXI веке?!» – воскликнет европеец, для которого подобные отношения кажутся «дикими», «странными», «старомодными». Да, и в веке XXI тоже, однако для чеченцев это вовсе не проявление атавизма в чувствах, а один из способов сохранения нравственной чистоты нации. Естественно, что все эти, очевидные для «своего» читателя, вещи, автор и не думает пояснять, и при переводе они просто ускользают от представителей других традиционных установок либо воспринимаются деформированно.

Бексултановская чета представляет собой типичную гармоничную чеченскую супружескую пару: пережито много, в том числе трагическая потеря детей в выселении, но в их взаимоотношениях царит уважение, доверие, забота друг о друге, сдобренные чеченским юмором, обязательными беззлобными шутками, чтобы жизнь не была пресной и скучной. О том, что уровень душевного слияния стариков достиг своего верхнего предела, свидетельствует следующая реплика автора: «Они уже называли друг друга по имени», которая также относится к разряду этноментальных пробелов для воспринимающей перевод культурной среды. Естественно, писатель не делает никаких пояснений, так как этой фразой он все выразил: старики стали настолько близки друг другу, что нет необходимости в церемонии соблюдения чеченского обычая не называть друг друга по имени. Муж и жена общаются, как правило, с помощью форм, привлекающих внимание, вроде: «Эй!», «Слышишь меня?», «Мужчина!», «Женщина!» и пр., особенно в присутствии других членов семьи или посторонних. И это табу сохраняется до сих пор. Не говоря уже о том, что невестка не вправе звать родственников по мужу их настоящими именами и, придя в новую семью, придумывает для них иносказательные имена, например, Зезаг (Цветок) – для золовки или племянницы супруга, Хаза, Дика, Жима ЙоI (КIант) (Красивая(ый),

Хорошая(ий), Младшая(ий) девушка (парень) – для золовок и деверей и множество других форм обращения для родных, двоюродных, троюродных родичей своего нареченного. Для чеченцев это один из способов выражения особого уважения, почитания, воспитанности, проявляемых снохой. Все это может показаться не столько странным и устаревшим, сколько даже глупым в наше прогрессивное время провозглашенных личностных свобод и равенства. Однако не следует спешить обвинять в невежестве, угнетении женщины или отсталости, не подумав о том, что в культуре каждого народа есть множество кажущихся естественными его представителям проявлений и смыслов, которые чужой ментальностью будут восприняты, мягко говоря, с неодобрением, порицанием, непониманием или насмешкой. К своему мы привыкаем, не замечаем, хотя многие ритуалы, обряды со стороны могут выглядеть смешными и не соответствующими определенным мировоззренческим установкам.

Например, приветствуя друг друга, чеченские мужчины, помимо традиционного европейского рукопожатия, заключают друг друга в короткие дружески-родственные объятия, аналогичными объятиями (без рукопожатий) встречают друг друга и женщины, а также мужчины и женщины, связанные родственными узами (кроме супругов). У европейцев другая культура приветствий (рукопожатия, поцелуи в щеку, руки и т.д., в зависимости от близости взаимоотношений, иерархической, гендерной, возрастной и другой дифференциации); на Королевских островах здоровающиеся сильно прижимаются друг к другу носами и трутся ими; какие-то племена обнюхивают при встрече человека, вдыхая его запах, т.е. символически принимая его своей душой.

Прилюдные поцелуи у мусульман и японцев недопустимы, для европейцев и американцев – это естественное выражение чувств, которое умиляет прохожих, создавая даже для совершенно посторонних людей ауру любви, нежности, особой эстетики.

Во всех случаях культурных несоответствий необходимо руководствоваться принципом гумилевской комплиментарности, подразумевающим умение, состояние, способность людей разных национальностей понять, полюбить и принять чужое этническое своеобразие.

Художественные произведения Мусы Бексултанова всегда отличаются тем, что максимально аккумулируют культурно-этнические смыслы. Как известно, «определяющим в этническом самосознании является «стереотип поведения», на-

циональный характер, объединяющий всех представителей данной нации» [4, с. 60, 61]. Вербальный текст, помимо индивидуально-авторской ментальности, содержит информацию об этнической ментальности автора, а также отражает культурные, в том числе этнические, доминанты того или иного общества. Рассмотрим некоторые стереотипы национального поведения и мышления, заложенные в текст небольшого рассказа, к которому мы обратились.

О значимости для чеченцев продолжения рода свидетельствует то нетерпеливое ожидание внука-первенца, которым чуть ли не одержимы старики Атаби и Карибат. При этом они не демонстрируют этого сыну и невестке из соображений приличия. Все их диалоги, действия, переживания связаны с этим тревожно затянувшимся ожиданием. Старики вдохновенно обсуждают, каким именем нарекут малыша (у иноплеменного читателя возникает мысль, с какой стати свекр со свекровью обеспокоены этим? А вот у чеченцев так и заведено: имя новорожденному дается родственниками по отцу); как устроят скачки в честь внука (становится понятным, как это для чеченцев важно – даже скачки устраивают в честь продолжателя рода! При том, что семья вовсе не из обеспеченных!); Атаби заполняет дровами весь двор, ведь малышу нужно тепло! О том, что это именно чеченское отношение к продолжению рода, свидетельствует реплика Карибат: «Второй год пошел, я стыжусь людей, каждый, кого ни встречу, спрашивает...» (В современной русской или общеевропейской ментальности – кому какое дело! Ведь это из области личного). А ждут только мальчика (как будто первой на свет не может появиться девочка) – он и только он протянет нить от прошлого к будущему, станет хранителем вековых нравственных установок народа, новым носителем «нохчалла» (чеченскости), средоточием «чеченского мира», этнических ценностей. Это томительное ожидание стариками внука есть также своеобразное проявление культа мужчины у чеченцев.

Старики не могут «ойхъяз бовла» (чеченское этическое понятие, не поддающееся точному переводу) – напрямую спросить у снохи или сына о том, почему до сих пор они не подарили им внука, расспросить невестку о ее положении, они не могут нарушить этическую дистанцию «старший – младший», встать на равных и проявить тем самым неделикатность, отсутствие такта, им остается только надеяться и гадать: вот поела молодая соленых огурчиков – может, свершилось наконец! Но нет! Открытые свекровью на радостях банки с различными маринадами стоят прокисшие.

И начинает Атаби искать причины. Они тоже носят ментальный колорит. Он перебирает ветви своего генеалогического древа, ищет, где же он либо его предки оступились, нарушили установленные веками законы чести, отчего их наказывает Всевышний. Чеченский концепт «семи предков» реализуется в тексте посредством экзистенциала «вины и ответственности» каждого звена родовой цепочки за происходящее в настоящем.

В чеченском сознании проступок, совершенный членом рода, ложится черным пятном на последующие семь поколений. Однако Атаби не находит причин в прошлом, в корнях. Писатель и в этой новелле поднимает актуальную для своего творчества проблему утраты национальной идентичности, конфликта поколений – «отцов», ориентированных на нравственно-этические идеалы прошлого, и «детей», руководствующихся современными принципами собственного комфорта.

Одним из средств раскрытия внутреннего состояния своих героев в рассказе М. Бексултанова также служит национальный стереотип поведения, точнее, его нарушение. О том, что в душе Карибат творится что-то неладное, чеченский читатель догадывается по тому, что она не встает со стула, когда в комнату входит супруг.

«–Ты не прилипла к этому стулу? – сказал он.

Старуха вскочила. Она прятала лицо. Молчала» [3, с. 11].

Еще одним национальным предвестием того, что произошло или должно произойти нечто непоправимое, является примета – крик ишака, который раздался следом за этим. «Чтоб тебя собаки съели, – сказал он сам себе, – неужели не можешь кричать, отойдя подальше?» [3, с. 11] Читателю-чеченцу, конечно, ясно, что это предвестник несчастья, неминуемой беды, смерти. Для читателя иной культуры крик ишака – малозначимый элемент, всего лишь звуковая деталь художественного пространства.

И наконец, мир рушится для Атаби, когда он узнает страшную правду: сноха избавилась от еще не рожденного малыша в больнице. Он бросается в соседнюю комнату, надевает свои лучшие одежды – ичиги, черкеску, папаху и бежит к выходу. Его цель – объявить кровную месть родственникам снохи за убийство своего человека! Мальчика!!! (Хотя пол и возраст плода и неизвестны вовсе). Это естественная для чеченца, традиционно воспитанного, реакция и тоже проявление чеченского культа мужчины.

Однако еще большее потрясение ожидает старика при известии, что убийство произошло с ведома и согласия его сына. Громадность степени этого потрясения передается писателем про-

клятиями и оскорблениями, которые он впервые за долгие годы совместной жизни сыплет в адрес своей жены: «Отпусти меня, ва ослица! Будь ты проклята! Я сейчас раздроблю тебе голову, как змее». Проклятие в исламе трактуется как грех («Проклятие верующего равносильно его убийству» («Джамиуль-ахадис», №18451), хотя чеченцы в порыве гнева не раз прибегают к этому способу выражения своих негативных эмоций относительно кого-либо. Но только не благочестивый старик Атаби. Опомнившись, он просит у старухи прощения. Что же извиняет этот грех? Атаби дает исчерпывающее для каждого чеченца объяснение: «Я человек, чей род прервался, Карибат, прервался...» [3, с. 12].

Как видим, данный рассказ М. Бексултанава насыщен этническими смыслами и отражает определенный способ восприятия и организации мира, свойственный чеченскому сознанию. Как и многие произведения этого художника слова, он является объективным и ненапорочным свидетельством исконной специфики менталитета этого народа, отражает неповторимость национальной

(чеченской) картины мира. Однако все нюансы этого своеобразия неуловимы взглядом со стороны из-за множества естественных умолчаний, которые не требуют для носителей чеченского языка и ментальности каких-либо дополнительных пояснений и комментариев, поэтому текст в восприятии читателя иной языковой культуры, безусловно, проигрывает, теряя некие оттенки заложенных в него коннотаций, а некоторые послы автора и вовсе могут быть искажены воспринимаящим сознанием из-за ментального несовпадения.

И потому справедливым видится нам замечание о том, что требование «перевод должен читаться как оригинал» в полном объеме едва выполнимо (по крайней мере, к художественному переводу), так как оно подразумевает полную адаптацию к нормам другой культуры [5, с. 183]. Из-за «социально-культурного» барьера, обусловленного различиями между культурой отправителя текста и культурой воспринимающей среды, решение переводчика, как правило, носит компромиссный характер [4, с. 102].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Довлеткиреева Л.М.* Отражение чеченского космо-психо-логоса в художественной словесности // Вестник АН ЧР. №1 (26). 2015. С. 87–89.
2. *Ортега-и-Гассет.* Нищета и блеск перевода // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991.
3. *Бексултанов М.* Этого он не знал. Дорога, спускающаяся в село. Рассказы. Перевод с чеч. Л. Довлеткиреевой // Вайнах. 2012. №10. С. 8–16.
4. *Хроленко А.Т.* Лингвокультуроведение: учебное пособие. Курск: Изд-во РОСИ, 2001. 180 с.
5. *Швейцер А.Д.* Перевод в контексте культурной традиции // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994.

ЗАГОВОРЫ И ЗАКЛИНАНИЯ В АДЫГСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

© З.Ж. КУДАЕВА, Р.М. ШЕТОВА

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик

Аннотация. Основная цель данной статьи – исследование жанра адыгских заговоров и заклинаний. Адыгские заговоры/заклинания (*телуэ, тебжэ, епцэ*) – это магические вербальные формулы, призванные воздействовать на тот или иной объект в желаемом направлении. Заговоры могут иметь как прозаическую, так и стихотворную, песенную формы. Они условно могут быть разделены на: а) хозяйственные; б) лечебные; в) связанные с желанием воздействия на личные и общественные отношения.

Ключевые слова: заговоры, заклинания, магический, сакральный, паремия, ритуал.

Abstract. The main purpose of this article is the study of the genre of Adyge charms and spells. Adyge spells / charms are magic verbal formula, designed to work on a particular object in the desired direction. Charms can have both prose and verse, song forms. They can be conditionally divided into: a) household; b) treatment; c) associated with a desire to impact on personal and social relationships.

Keywords: charms, spells, magic, sacred, proverbs, ritual.

Заговоры/заклинания – одна из архаических форм магической, сакральной поэзии. В кабардинском языке они обозначаются терминами «тулуэ» – «предрекание», «тебжэ» – «наговор», «епцэ» – «дуновение» (ср. нем. *veschworen*, древнеевр. *vahas* – шепот, заговор). В адыгской фольклористике их исследование исчерпывается отдельными замечаниями в работах З.М. Налоева [1, с. 7–26], М.И. Мижаева [2]. Чрезвычайно ограничены также и публикации образцов самого жанра [3, 4]. В этой связи представляется актуальным обращение к изучению заговоров, их систематизация, определение основных функциональных типов.

Значимость заговоров в традиционной адыгской культуре чрезвычайно высока, так как они были связаны практически со всеми сферами общественной и личной деятельности человека. Один из эквивалентов термина «заговор» – «епцэ» – это «шептание», «дуновение», что подчеркивает магическую природу жанра. Заговоры с наибольшей полнотой сконденсировали в себе веру в магическую силу вербальных действий.

По своим функциям адыгские заговоры могут быть условно разделены на несколько групп: а) хозяйственные (охотничьи, аграрные, скотоводческие и т.д.); б) лечебные (от болезней людей и домашних животных); в) связанные с желанием воздействовать на общественные и личные отношения. Например, в сфере охотничьего промысла использовался заговор, обращенный к божеству

охоты Мазитха: «Мазитхэ, гъуэгумафа тыккьегъажь, / ТыкызыкIэуклогъэ лэуэцIхэр кытэт» – «Мазитха, в счастливый путь дай нам отправиться, / Зверей, за которыми мы пришли – во множестве дай». Чтобы снять «сглаз» с оружия, через его дуло пропускали раскаленную иглу, произнося при этом: «Нэ бзаджэКIэ иплъэчъамэ орыстыж» – «Если глазом злым посмотрел внутри, пусть сгорит».

Любую хозяйственную деятельность предвляла традиционная заклинательная формула: «Дитхэ! / Тхэшхуэ! / ПсыншIэ телуэ, / ФIы теуатэ / Iэ ижым егъэублэ, / Iэ самэгум егъэух» – «О наш бог! / О бог великий! / Легкость работе предреки, / Благо труду наговори! / Руке правой дай начать, / Руке левой дай закончить» [1, с. 8]. В начале любого дела, по свидетельству З.М. Налоева, могла быть произнесена также начинательная формула: «Уэ пхуэмгъуэн, сэ схуэмэхуэн!» – «Тебе на несчастье, мне на счастье!»

Адыгские заговоры могли быть включены в рамки определенного обряда или ритуала. Например, обряд вызывания дождя – «Хьэнцэгуаша» – «Княгиня-лопата» (ряженая лопата, идол богини дождя) – сопровождался текстом: «Хьанцэгуашэр зэтгэцэрэ / Ощхэр кьещха! / Ныхэтхы кьыщэгъуагъо – / Ощхэр кьещха! / Лыгътхы кьыщегъэшхэ! / Ощхэр кьещха! / Шьэонажьо – кьоепсы рагъашьуа! – Ханцэгуаш мы водим – / Дождь идет! / На Нехетхе гром гремит – Дождь идет! / На Лыготхе дождь да пойдет! Дождь идет!

Шаонаже сырным рассолом поят!» (шапс.); или: «Хьэңцэгуащэ зыдошэрэ! / Я дэ ди Тхэ, уэш къегъэщэщэх!» (каб.) – «Ханцэгуашу мы водим! / О, наш Бог [Тха], нам обильный дождь пошли!» [3, с. 78, 80]. Ср. «Дзиуарэ» у абазин: «Воды немножко, / Дождя немножко, / У родника режут жертвенное животное / Там, где сухо, чтоб была вода» [2, с. 56]. В обрядовой песне-заговоре чеченцев и ингушей обращались к повелительнице грома и молнии Села: «О, Хала, Хала! / Дай дождя боже! Дай урожай полям, Села! / С кошачий хвост колос дай, / О, Хала, Хала!» [2, с. 55]. Лечебные заговоры могли быть использованы, например, во время чапша – обряда бдения у постели раненого. Мужчина, входящий в комнату, где содержался больной, должен был произносить следующую заклинательную формулу: «Лъэпщу ди къаныр уи Іэзащ, / Іэзэ махуэ тхэм фхуищ / Тхэрэпхуэ уи нэІэ тетщ, / Сымаджэр псеууэ, / Запэщу тхэм игъэхуж, / ПсынщІэу хъужыну жызоІэ» – Тлепш (божество кузнечного дела, покровитель раненых), наш кан – твой лекарь, / Счастливым лекарем да сделает для вас его Тха (верховное божество адыгского мифологического пантеона). / Дочь Тха у изголовья (твоего) стоит. / Больной – живым, / Нормальным – пусть Тха сделает здоровым / Быстрее чтобы выздоровел говору» [4, с. 146]. Затем, окропив постель больного из чашки, посетитель занимал свое место, соответствующее его родовому званию и положению в обществе.

К группе лечебных относился заговор, спасающий от укуса паука и сопровождавшийся также ритуальными действиями: «Бэджыр къыоцакъэма къэпІушт: Убэджыхуума сыбэджыху, / Убэджьэбзмэ сыбаджэбз, / Уакъысеуцэкъагъэмэ сыкъыоцэкъэжы / Ощ нахы сынахьылгъэщ, – пІони, / бзужыр зацэкъэгъэм уцугъупщэ уецакъэмэ мэхъужы. – (Если) ты паук – (то) и я паук, / (Если) ты паучиха – (то) и я паучиха, / Ты меня укусил – и я тебя укушу – / Я сильнее тебя! – скажешь, и то место, куда укусил паук трижды укусишь – все пройдет» [5].

К магическим действиям и заклинаниям обращались также, чтобы облегчить страдания рожениц, например: «Лхъухей хъуа нэужь, хьэңдркьуэрэ блэмрэ шызыршхым дэж псоуэ зыІэзщІэзыгъэкар щІохъээри и бостеикІэмкэ йоуэри: ПсынщІэ теІеэ, ялыхь! ФІы теІуатэ – жеэри, фызыр щІокІыж. – «Если роженице трудно родиться, то женщина спасающая лягушку от змеи, когда они боролись, заходит, ударяет подолом платья и говорит: Легкость предреки, Аллах! / Благо нареки – говорит и выходит» [6].

К заговорам и заклинаниям, связанным с желанием воздействовать на общественные и личные отношения, можно отнести заговорные формулы, сопровождавшие обряды гаданий. Например, гадания с кольцом при луне «Псыхэплъэ» – «Глядение в воду». Последнее заключалось в том, что девушки долго гляделись в воду, ожидая, когда на поверхности «появится» портрет возлюбленного и повторяли: «Ялэхь, ялэхь, къыщІэгъахьэ / Ялэхь, ялэхь, къытегъахьэ, / Ялэхь, ялэхь, къыщІэгъапсэ, / Ялэхь, ялэхь, сыгъэлягъу» – «Аллах, Аллах, пусть войдет [отразиться] / Аллах, Аллах, пусть взойдет [на поверхность] / Аллах, Аллах, пусть засияет, / Аллах, Аллах, покажи мне его!» [12, с. 44].

По форме заговоры и заклинания могли представлять собой:

а) прямое приказание или угрозу («Заговор от укуса паука»). В заговорах этого типа преобладает категорическое повеление злему существу: «Уйди!»;

б) просьбу, молитву о ниспослании желаемого («Хьэңцэгуащэ»). В противодействии негативным силам магическое воздействие с помощью вербальных знаков – формул-заговоров – подкрепляется обращением к мифологическим богам (Тхэ, Тлепш, Елэ) (песня «Елэ, Елэ...») или Аллаху;

в) умиловительные формы заговоров, например: «Фэрэкі уэрэд» – «Песни оспы», «Заговор змей», имеющий смысл задобрить, подольститься и оберечь себя от злого воздействия. Сюда же может быть отнесена песня-заговор умиловления змей («БлэгъэІэсэ уэрэд»): «Хьутэ-хьтэ, деикьуэ, / Зикьуэ дыщэрыджыдж / зянэр джэмыдэтес, / Къушхьэ псынэр согъэхуахуэ. Уихуэ-сихуэ, нэхьыжь, Уижь-сижь нэхь гуащІэ? Блэпщым сопщэ, / Блэпщ, къикІ. / Езгъэбэн кІыхьыжь, / Собэн, сыптокІуэ, / Уи гъэгу ирикІуэ / Си гъэгу сырокІуэ, Дызумьгъэзауэ, / ДызыгъэдэхашІэ. Уи щІэн си щІасэ Си щІэн уи щІасэ... / Гуахьтыри къан!» [4, с. 144]

Своеобразный тип представляли собой так называемые молитвообразные заговоры, отражающие процесс трансформации одной из магических форм поэзии. М.И. Мижаев выделил их из группы культовых хохов и назвал хохами-заклинаниями. К ним, например, могут быть отнесены: «Вабдзэ ящІым зарехуэхуэ» – «Хох подготовляемого лемеха»; «Гъунэ шыралгъэм зрыхуахуэ» – «Хох первой борозды», «Жылэ шытрасакІэ зарыхуахуэ» – «Хох в начале сева». Например: «Жылэ шытрасакІэ зарыхуахуэ. / Ялыхь! / Жылэ махуэ тедгъасэ, / Тезысар гъэу-

зыншэ, / Зы лъэдийм щхьэмыжитI кыпыгыакIэ, / Зы ху, напIэм тIу ирегъащIэ! / Ялыхь! / Бэвымрэ берчэтымрэ кыхьэлхьэ, / УзыншагъэкIэ къедгъэхьэлIэж, / ГуфIэгъуэкIэ дыгъэшхыж! – Когда сеют зерно. Аллах! / Зерна счастливые дай посеять, / Посеянному здоровым [дай быть] / На одной ножке двум колоскам [дай] вырасти / Из одного гнезда двум стеблям дай вырасти / Аллах! / Богатство и изобилие вложи / Здоровыми дай нам убрать [все это] / По счастливому поводу дай все съесть!» [4, с. 46]. Молитвообразные заговоры представляют собой наиболее древние пласты магической аграрной поэзии. В их основе так же, как и в заговорах, лежит вера в магическую силу слова и действия. Сакральная сила ритмического слова должна была обеспечить будущий урожай.

Особыми свойствами жанра, стремлением сохранить таинственную магию слова обусловлено, по-видимому, включение в текст заговора слов, с затемненным смыслом, или же вообще не имеющими смысла. Некоторые заговоры целиком состоят из несвязанных семантически предложений, например: IэлыщIыр плыжьыщ, / Джанэр плыжьыщ, / Зэгъапгэр плыжьыщ, / Лъэпэдыр плыжьыщ, / КхъузанэкIэ псы къахькъым, / Псым къыкIри икIыжащ. / Бжэм плыжь Iээгъуэщ, / И щхьэ плыжь Iээгъуэщ, / КхъузанэкIэ псы къахькъым / ЩхъууэкIэ – плыжьыкIэщ, / Ялыхь, щIэгъэкI. / Епщэ дыр-дыр, / Епща дырыс, / Епщэ мыIэмылэ, / Махъэ дыр-дыр, / Махъэ дырыс, / Махъэ мыIэмылэ / Махъэ лIэпаш, / ЩхъуэкIэщ – плыжьыкIэщ, / кхъузанэкIэ псы къахьр? / Псым къыкIри икIыжащ [4, с. 145].

Определенную группу составляют обрядовые песни-заговоры, относящиеся к различным сферам быта. Основная функция врачевальных песен-заговоров (щIапщэ уэрэдхэр) – оберегать больного от воздействия нечистых сил и лечить с помощью магии слова и интонации. Эта функция, заключающаяся в стремлении магически исцелить больного, является жанрообразующим признаком чапшевых песен, что позволяет отнести их к заговорной поэзии. Например, песня лечения ран «Уатэ, уэтэжыеу...» – «Молот, моло-

точек...»: «Уатэ, уэтэжыеу, уэтэжыеу псынкIа / Уэ Лъэпшгъуэу зиуатэмэ уатэр егъэпсынкIа! / Уэ Лъэпшгъуэу зиуатэмэ псынкIэу егъэхъужба!» – «Молот, молоточек, молоточек быстрый! / Тлепш, владелец молота, быстро молотом стучит. / Тлепш, владелец молота, быстро исцеляет» [3, с. 118]. К песням-заговорам, имеющим хозяйственную функцию относится, например, песня пасечника, призванная заклинать отроившихся пчел, побуждая перейти их в новый улей, например: «Пвей, пIвей, пIвей / Сэбым екIу, матэм кIэж, / Джэмыдэж, лъэужыфI» – «Пвей, пIвей, пIвей!» – «В роевню иди, в улей перейди, / Рыжий, славный, благодворец!» [3, с. 55].

Заговоры и заклинания могли иметь коллективную и индивидуальную формы реализации. Примером первого типа заговоров может служить обряд вызывания дождя «Ханцегуаша». Индивидуальные заговоры могли сопровождаться строгой регламентацией, запретами на произнесение вслух, в неурочное время, были привязаны к определенному типу ситуаций. Тексты заговоров и заклинаний – это способ воздействия на окружающую действительность в желаемом направлении, ее деформации в соответствии с индивидуальными потребностями личности или общества.

Таким образом, адыгские заговоры/заклинания (теIуэ, тебжэ, епщэ) – это магические вербальные формулы, призванные активно воздействовать на тот или иной объект в желаемом направлении. Адыгские заговоры могут иметь как прозаическую, так и стихотворную, песенную формы. Заговоры условно могут быть разделены на: а) хозяйственные; б) лечебные; в) связанные с желанием воздействия на личные и общественные отношения. Заговоры могут быть по форме: а) принудительного характера, т.е. содержать ярко выраженную идею слова-приказа, угрозы; б) молитвообразные заговоры; в) умиловительную, убажывающую форму. По степени участия в актуализации заговора, и быть может сопутствующего ему обряда, они могут быть разделены на: а) индивидуальные, б) коллективные заговоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Налоев З.М. У истоков песенного искусства адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / Ред. Е.В. Гиппиус. В 3 т. Т. 1. М.: Советский композитор, 1980.
2. Мижсаев М.И. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973. 207 с.
3. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / Ред. Е.В. Гиппиус. В 3 т. Т. 1. М.: Сов. композитор, 1980. 223 с.
4. Адыгэ IуэрыIуатгэхэр / Сост. З.П. Кардангушев. В 2 т. Т. 1. Нальчик, 1963 (на каб. яз.). 339 с.
5. Арх. КБИГИ, т. 12, оп. 1, д. 10, п. 57.
6. Арх. КБИГИ, т. 12, ст. 1, д. 12, п. 10.
7. Шортанов А.Т. Адыгские культы. Нальчик: Эльбрус, 1992. 165 с.

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

© З.М. МАЛЛАЕВА¹, Р.Ш. ХАЛИДОВА²

¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, г. Махачкала

² Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

Аннотация. В статье поднимается проблема заимствования терминов из индоевропейистики в лингвистическое кавказоведение и их адекватного использования. Терминологическая номенклатура индоевропейских языков не всегда обнаруживает адекватное соответствие специфическим особенностям дагестанских языков. Особенно это касается терминов, обслуживающих такой малоисследованный раздел грамматики дагестанских языков, как морфемика.

Ключевые слова: терминологический аппарат, лингвистическое кавказоведение, дагестанские языки, детерминатив, тематический показатель, интерфикс.

Abstract. The article raises the issue of borrowing terms from the Indo-European languages to linguistic Caucasus Studies and their appropriate use. Terminology nomenclature of the Indo-European languages do not always detect an adequate compliance with the specific characteristics of the Dagestan languages. This is especially true of the terms concerning such a scantily explored grammar section of the Dagestan languages as the morphemics.

Keywords: terminological unit, linguistic Caucasus Studies, Dagestan languages, determinative, thematic index, interfix.

Введение. Научная значимость исследования и убедительность полученных результатов напрямую связаны с упорядоченностью терминологического аппарата. Важность для любой науки адекватности ее терминологического аппарата не подлежит сомнению. Четкость терминологической номенклатуры – это важнейшая предпосылка успеха лингвистических исследований.

О наличии проблемы лингвистической терминологии в кавказоведении свидетельствует тот факт, что дагестанская лингвистическая терминология является далеко не полной и, как правило, опирается либо на прямое заимствование, либо на калькирование с индоевропейской (русской). Не отрицая общей положительной оценки вклада иноязычной терминологии в дагестанскую, следует обратить внимание и на негативные последствия непродуманного переноса отдельных терминов. Понятийно-терминологическая номенклатура, обслуживающая индоевропейские языки и составляющая основу метаязыка исследования европейских языков, не всегда обнаруживает адекватное соответствие специфическим особенностям дагестанских языков.

Проникновение иноязычной терминологии в кавказоведение приходится на период интенсивного развития сравнительно-исторического языкознания, именно в это время усилился научный интерес европейцев к кавказским языкам. И хотя компаративисты сосредоточились в

основном на проблеме происхождения генетических связей кавказских языков, понятийно-терминологический аппарат, обслуживающий индоевропейские языки, оказался задействованным во всех областях лингвистического кавказоведения.

Результаты и обсуждение. Кавказоведение заимствовало и активно пользуется терминами *морфема*, *аффикс*, *основа* и *корень*, но строгого определения этих терминов нет не только в научной литературе по дагестанским языкам, но и в целом в кавказоведении. На наличие проблемы определения и разграничения корневой и аффиксальной морфемы также и в общем языкознании указывает В.А. Плунгян: «Различие между корневыми и аффиксальными морфемами представляется интуитивно очевидным, но в действительности оно с трудом поддается формализации. Нам не известно ни одного эффективного определения корня и аффикса» [1, с. 81].

В дагестанских языках не изучена структурная организация и самой морфемы – важнейшего элемента языка. Не установлена роль гласных в морфемообразовании: были ли гласные исторически только огласовками консонантных морфем или вокалическим морфемам с самого начала были свойственны грамматические функции.

Не составлен индекс морфем дагестанских языков с подробным описанием функций каждой морфемы и выявлением всех алломорфов. Не установлено, является ли та или иная морфема

флективной или детерминативной, словоизменяющей или словообразовательной.

В грамматических исследованиях дагестанских языков нет самостоятельного раздела «морфемика», нет цельных монографических исследований морфемного строя дагестанских языков. Исключение составляют даргинский и лакский языки. Морфемика даргинского языка получила освещение в посмертно изданном труде З.Г. Абдуллаева «Морфемный строй даргинского языка» [2]. В данной монографии выявлен и описан морфемный инвентарь даргинского языка, исследуется происхождение и развитие корневых и аффиксальных морфем имени и глагола. В работе З.Г. Абдуллаева постулируется, что корневые морфемы первичных дейктонимов лица послужили базой процесса дивергенции и образования различных лексико-грамматических единиц.

Морфемный строй лакского языка получил освещение в монографии И.Х. Абдуллаева «Лакский язык в историко-сравнительном освещении. Морфология» [3]. И.Х. Абдуллаев выявляет весь морфемный инвентарь лакского языка и дает его историко-типологический анализ. Приложенный к монографии «Словарь морфем и морфемных элементов лакского языка» представляет особую ценность, поскольку приводимые в нем морфемы (более 500 морфем с фонетическими и диалектными вариантами) сопровождаются функциональной и историко-генетической характеристикой. Если не считать эти две монографии, то в основном в дагестановедении морфология воспринимается как раздел грамматики, исследующий лексемную морфологию.

Основной единицей морфемики является морфема. Термин «морфема» (происходит от древнегреч. слова *morphē* «форма») в лингвистической литературе трактуется неоднозначно. Понятие и термин «морфема» в науке о языке впервые применил Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ в 80-х гг. XIX столетия, как родовой термин, объединяющий частные, видовые понятия вроде *корень*, *префикс*, *суффикс*, *окончание* и т.п. [4, с. 290–291] и охарактеризовал его как «дальше не делимый морфологический элемент языкового мышления» [4, с. 290]. И.А. Бодуэн де Куртенэ выделил два сущностных признака морфемы – это ее минимальность и значимость, т.е. дальнейшее деление морфемы на значащие единицы невозможно. Это определение морфемы (среди множества существующих определений) представляется нам наиболее верным.

Хотя следует отметить, что не все лингвисты соглашались с И.А. Бодуэном де Куртенэ, в частности с тем, что «на все морфологические эле-

менты языкового мышления – морфемы, синтагмы <...> – следует смотреть не как на научные фикции или измышления, а только как на живые психические единицы, правда, не застывшие в однообразии, а только постоянно видоизменяющиеся. Но все-таки живые, реальные единицы» [4, с. 183].

В научной литературе известна также точка зрения, согласно которой морфема не «живая, реальная единица, а «научная фикция», придуманная исследователем с определенной целью, не имеющая самостоятельного функционирования. Самостоятельное функционирование имеет только слово, существующее как самодостаточная единица, а морфемы выводятся из слова путем морфологического анализа. Так, например, проф. Е.С. Кубрякова выделяет производность понятия морфемы по отношению к понятию слова: «Морфема (подобно фонеме) вычленяется только в ходе специального исследования, являясь результатом сознательной абстракции» [5, с. 182].

Подобная характеристика морфемы, очевидно, обусловлена тем, что не учитывается двойственный характер морфемы. Это противоречие (абстрактность~реальность) обусловлено двойственным характером морфемы, вызванным необходимостью объединить в одном понятии и онтологический аспект, и эпистемологический аспект. То есть следует различать морфему как единицу лингвистического анализа и морфему как языковую единицу. Морфема абстрактна как единица лингвистического анализа (методологический аспект) и реальна как структурная единица языка (онтологический аспект) [6, с. 10].

Как абстракции, используемые для описания реальных явлений языка, характеризует проф. Г.А. Климов морфему и фонему, полагая, что «если не примером крайне неудачного способа выражения, то только несостоятельными методологическими посылками можно объяснить и высказанную в некоторых направлениях современного языкознания точку зрения, характеризующую лингвистические единицы в качестве некоторых фикций» [7, с. 25]. Г.А. Климов рекомендует четко разграничивать онтологическое понятие морфемы (как структурной единицы языка) от методологического понятия морфемы (как единицы лингвистического анализа): «Едва ли можно найти какое-либо оправдание для всё еще встречающегося в некоторых работах отождествления языковых единиц и единиц лингвистического анализа» [7, с. 22–23].

Морфема как двусторонняя единица состоит из плана содержания и плана выражения, т.е. из семантической (означаемое) и фонетиче-

ской (означающее) формы. Все морфемы, функционирующие в языке, можно разделить на два основных разряда. Первый разряд – это корневые морфемы, второй – некорневые. Вторым разрядом морфем, в свою очередь, можно разделить еще на два подразряда: формообразующие и словообразующие морфемы.

Корневая морфема отличается от некорневых, прежде всего, тем, что ее наличие в каждом самостоятельном слове обязательно. Слов без корня (корневой морфемы), как известно, не существует (редкие исключения представлены вторичными образованиями с утраченным корнем), в то время как в языке функционирует значительное количество слов без префиксов, суффиксов и флексий.

Для обозначения морфем, выполняющих в составе сложного слова соединительную функцию, не имея при этом самостоятельного значения, в лингвистике применяется несколько терминов: *соединительные морфемы, вставки, прокладки, субморфы, пустые морфы или квазиморфы* и т.д. Наибольшее распространение в русистике получил термин «соединительные морфемы» – *Verbindungsmorphemen* в терминологии Н.С. Трубецкого, который впервые ввел это понятие в 1934 г.

Термин «интерфикс» был введен в русистику в 1938 г. М.А. Сухотиным и М.В. Пановым и с тех пор широко применяется исследователями русского языка.

В кавказоведении термин «интерфикс» применяется очень редко, его эквивалентами выступают такие понятия, как **тематический показатель** и синонимичный ему **детерминант** (детерминатив), определяемые как аффиксы, присоединяемые к корню для образования основы в некоторых словоформах слова, они характеризуются как лишённые собственного значения. ср.: «...Сами тематические гласные и не выражают ничего, кроме принадлежности включающих их единиц к тому или иному типу склонения или спряжения» [8, с. 72].

В дагестановедении термин «детерминативный суффикс» используется в несколько ином значении. Понятие детерминанта здесь увязывается с различными историческими процессами. Детерминант, как правило, располагается в позиции после корня. В большинстве случаев он настолько срастается с корнем, что для выделения детерминативного суффикса приходится прибегать к материалам родственных языков и их диалектов.

Традиционно суффикс рассматривается как посткорневая морфема, устанавливая тождество

понятий суффикс и суффиксальная морфема. Материал дагестанских (> кавказских) языков не позволяет приравнивать понятия и термины *морфема* и *суффикс*. Непродуманное использование этих терминов, без учета специфики языкового материала, без выявления соотношения морфемы и суффикса, приводит зачастую к неадекватным выводам. Так, например, в аварском языке исследователи выделяют большое количество суффиксов множественного числа: *-би, -ал (-ял), -л, -заби, -зал, -и, -ни, -дул, -ул* (сюда следует добавить еще суффикс *-аби*), и эти же единицы выделяются в качестве морфем множественности. Недифференцированный подход к анализу структурных единиц, выражающих грамматическую категорию числа, приводит к выделению в качестве единых категориальных формантов множественности сочетаний разнофункциональных элементов, т.е. имеет место смешение понятий *суффикс* и *суффиксальная морфема*. Суффиксы множественности *-би, -ал (-ял), -заби, -зал, -ни, -дул, -ул, -аби* представляют собой сочетание двух суффиксальных морфем различной функциональной нагрузки: морфем детерминативной нагрузки (*-б-, -а- (-я-), -заб-, -за-, -н-, -ду-, -у-, -аб-*) и морфем категориальной нагрузки (*-л, -и*). Функциональное разграничение связано с их позицией в структуре категориальных форм имени. Только два суффикса множественности (*-л* и *-и*) совпадают с суффиксальной морфемой множественности.

Весь комплекс суффиксов множественности аварского языка, на наш взгляд, можно разделить на две группы:

- 1) *-би, -аби, -заби, -и, -ни;*
- 2) *-ал (-ял), -л, -зал, -дул, -ул.*

В первой группе суффиксов категориальная морфема множественности совпадает с суффиксом множественности и представлена гласным *-и*. Суффикс множественности *-и* в современном аварском языке представлен в ограниченном количестве слов: *xlanɕɪɕɪ-и* «птицы» (ед.ч. *xɪɪɪɕɪɕɪ*), *ɪlanɕɪɕɪ* «детеныши» (ед.ч. *ɪɪɪɪɕɪɕɪ*), *ɕɪɪɕɪ-и* «коровы» (ед.ч. *ɕɪɪɕɪ*). Суффикс множественности *-ни* представлен только в одном слове: *ɕɪɕɪɕɪ* «коза» – *ɕɪɕɪɕɪ-ни* «козы». Элемент *н*, выступающий в функции детерминанта, скорее всего, является утерянной на современном этапе развития аварского языка частью основы, поскольку в ряде близкородственных андийских языков в ауслауте основы представлен сонорный *-н*, например: ахв. *ɕɕɪɪ-альу*, тинд. *ɕɕɪɪ-ельи*, чам. *ɕɕɪɪɪɪ-алɪ* «коза».

Появление детерминативных морфем множественности *-б-, -аб-, -заб-* можно объяснить

морфонологическими причинами, их использование регламентируется особенностями структуры основы.

Что касается второй группы суффиксов, то наименее дискутируемым является исконный характер суффикса множественности *-ал*. Это не только самый распространенный, наиболее продуктивный суффикс, но и исконный, поскольку преобладающее большинство слов исконного происхождения образует форму множественного числа посредством данного суффикса. Тем не менее, не лишены основания попытки отдельных исследователей аварского языка доказать производный характер данного суффикса. Как указывает М.Е. Алексеев, «исконность афф. *-ал* как будто не подвергается сомнению. Однако, если судить по формам косвенных падежей, и этот суффикс является составным: *вацц-ал* – эрг. *вацц-а-з* «братья» и др. Опираясь на аналогичные факты, можно членить также суф. *-дул*, *цур-дул* – эрг. *цур-ду-з* «лисы» и т.п.» [9, с. 37].

Таким образом, получается, что все суффиксы второй группы, кроме суффикса *-л*, являются производными. Они состоят из двух морфем: морфем детерминативной функции (*-а (-я)*, *-за*, *-ду*, *-у*) и морфемы категориальной функции *-л*. Общность этих суффиксов множественности не вызывает сомнения, поскольку все они представляют собой одну и ту же морфемную единицу (*-л*) с огласовками (*-а-л*, *-я-л*, *-у-л*) и сочетаниями огласовок с согласными вставками (*-з-а-л*, *-д-у-л*).

В зависимости от наличия или отсутствия огласовок и вставочных элементов один и тот же морфемный согласный предстает в роли различных суффиксов множественности.

Морфемы детерминативной функции, огласовки или вставочные согласные появляются между корнем и суффиксом в тех случаях, когда их соединение невозможно по морфонологическим причинам.

Выводы

Таким образом, приведенный выше материал позволяет наглядно разграничивать понятия и термины *суффикс* и *суффиксальная морфема*. В ряде случаев они могут совпадать, но это не значит, что это равнозначные понятия. Суффикс может состоять из нескольких морфем. Значит, суффикс на морфемном уровне языка является единицей членимой, в отличие от морфемы. Морфема – это минимальная, далее не членимая, единица языка, которая не может включать в свой состав другие единицы языка.

Терминологический разнобой в любой области науки, как известно, свидетельствует о неразработанности проблемы. Поэтому, прежде чем приступить к исследованию любого вопроса, следует определиться с понятиями и терминами, применяемыми в работе. Только установив терминологическую номенклатуру, определившись с метаязыком исследования, можно ожидать адекватного решения поставленного вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плузган В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
2. Абдуллаев З.Г. Морфемный строй даргинского языка. Махачкала, 2010. 336 с.
3. Абдуллаев И.Х. Лакский язык в историко-сравнительном освещении. Морфология. Махачкала, 2010. 368 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. I. 384 с.
5. Кубрякова Е.С. Об основных единицах лингвистического анализа и предмете морфологии // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.-Л., 1963. С. 179–182.
6. Маллаева З.М. Глагол аварского языка: структура, семантика, функции. Махачкала, 2012. 404 с.
7. Климов Г.А. Фонема и морфема: к проблеме лингвистических единиц. 2-е изд. М.:УРСС, 2009. 128 с.
8. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. М., 1974. 324 с.
9. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988. 224 с.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

© А.И. ХАЛИДОВ¹, Х.С. АРСАКАЕВА²

¹ Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

² Чеченский государственный университет, г. Грозный

Аннотация. Статья посвящена исследованию структуры и семантики сложносочиненных предложений в нахских языках – выявлению типов таких предложений, средств связи предикативных частей. Сложносочиненные предложения по признаку наличия/отсутствия средств связи мы делим на маркированные и не маркированные [1]. Отмечается, что не маркированность характерна только для одного типа сложносочиненного предложения – соединительного, а в целом сложносочиненное предложение характеризуется маркированностью связи предикативных частей.

Ключевые слова: предложение, сложное предложение, союзная и бессоюзная связь, паратакис, сложносочиненное предложение, маркированные сложносочиненные предложения, не маркированные сложносочиненные предложения.

Abstract. The article considers the structure and semantics of compound sentences of the Nakh languages, identification of the types of the sentences, means of connection of the predicate parts. Compound sentences, based on the presence/absence of means of communication, are divided into marked and unmarked complex sentences. It is noted that unmarkedness is the characteristic feature of the one type of the compound sentence – the connecting sentence and the compound sentence is characterized by marked connection of the predicate parts.

Keywords: proposal, complex sentence; conjunctive and inconjunctive connection, parataxis, compound sentence, the marked compound sentence, the unmarked compound sentence.

Само выделение сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в нахских языках не всем языковедам представлялось правильным. В этой связи Ю.Д. Дешериев писал: «Здесь мы не будем останавливаться на вопросе о правомерности выделения сложного предложения в нахских языках, о принципах разграничения причастно-деепричастных оборотов, с одной стороны, придаточных предложений – с другой, при построении описательной грамматики. Для нас важно проанализировать в историческом и сравнительно-историческом плане способы выражения связи между простыми предложениями. С этой точки зрения мы и будем анализировать так называемые сложноподчиненные и сложносочиненные предложения в нахских языках». И далее: «...мы пришли к выводу о нецелесообразности выделения и разграничения сложноподчиненных и сложносочиненных предложений даже в описательной грамматике»; еще дальше на той же странице Ю.Д. Дешериев говорит об «умозрительно выделяемой сочинительной и подчинительной связи между простыми предложениями» [2, с. 505]. Тем не менее, и в грамматиках нахских языков, и в грамматиках других языков народов Кавказа традиция выделения этих двух основных типов сложного предложения сохранилась, но за прошедшие годы само представление о структу-

ре и семантике сложносочиненных и сложноподчиненных предложений претерпело изменения. В этом смысле разграничение двух типов сложных предложений – сложносочиненных и сложноподчиненных, в свою очередь подразделяемых на маркированные и не маркированные, которое содержится в работах А.И. Халидова (см., напр., [3, 4]), представляется достаточно последовательным и отражающим структурно-семантические особенности соответствующих типов предложений в вайнахских языках.

Маркированные сложносочиненные предложения в нахских языках представлены следующими типами.

Сложносочиненные предложения, в которых отношения между относительно самостоятельными частями маркированы с помощью специальных союзов. Общим для чеченского и ингушского языков является **соединительный союз а**, используемый и для выражения связи между однородными членами предложения, и для соединения частей сложного предложения: ср. инг. *Ахьмад а, Тамара а кино дахар* «Ахмед и Тамара в кино пошли», чеч. *Ахьмад а, Тамара а кино дахара* (соединение однородных членов предложения); инг. *Догла а сецар, сийрда малх а хьежар* «И дождь прекратился, и яркое солнце выглянуло», чеч. *Догла а сецира, къегина малх а*

хьабьжира (соединение частей сложносочиненного предложения). В бацбийском языке союзу **а** предпочитают «сочинительный аффикс **-и**, присоединяемый обычно к субъектной форме придаточного предложения: *Ас тха^и Глазии ботх тагбие, ахьац тха^и Глазии ботх тагбие* «(И) я хорошо поработал сегодня, и ты хорошо поработал сегодня».

Разделительный союз **я** (инг. **е**, бацб. **е**, почему-то переводимый у Д. и Н. Кадагидзе в словаре как «и» [5, с. 317]) также используется и при соединении однородных членов, и в функции союза в сложносочиненном предложении с разделительными отношениями частей. Несмотря на упомянутый перевод союзом «и», в бацбийском языке аналог чеч. **я** также употребляется как разделительный союз: **Окхуин е бакъеь мотгий^и е дукхахь теши^и** «Он или действительно поверил, или слишком доверчивый». Оба союза – соединительный **а** и разделительный **я** (**е**) – обычно повторяются, употребляются в составе и главной, и придаточной частей сложносочиненного предложения, поэтому обычно они представлены в виде **а ... а, я ... я** (инг., бацб. **е ... е**).

Противительных союзов в нахских языках уже несколько: это **амма, ткъа, хлеттие а, делахь а, бакъду, цхьабакъду** (чеч.), **амма, хлаьга, бакъда, цхьабакъда** (инг.). Союз **тлаккха**, приводимый у И.А. Оздоева [6, с. 8] и авторов учебника ингушского языка [7, с. 211] в качестве противительного (у Р.И. Ахриевой и др. – в качестве синонима союза **хлаьга**), на самом деле не выражает собственно противительных отношений: этот «союз» служит для выражения последовательности действий и при этом не является союзом (ср. *Со цЛавиера, тЛаккха сай гЛулакха вахар, салаЛа Ловижар* «Я пришел домой, потом (затем) пошел по своему делу, потом отдыхать лег»). В бацбийском языке есть общий с чеченским и ингушским **бакъеда** «однако; правда», но нет остальных, при этом в нем используются отсутствующие в вайнахских языках **маграм** «но; однако», **тумца** «все же», которые не включены Д. и Н. Кадагидзе в свой словарь, но приводятся у Ю.Д. Дешериева, в «Сравнительно-исторической грамматике» и в «Бацбийском языке».

В качестве соединительных союзов отдельные исследователи выделяют такие единицы, которые на самом деле, видимо, к союзам не могут быть отнесены. Особенно это характерно для ингушских авторов, расширяющих состав сочинительных союзов. Так, И.А. Оздоев выделяет «сложносочиненные предложения с союзом **алхха**», также **дутьхьал, тлаккха, иштга** [6,

с. 11–13] и нек. др., отнесение которых к союзам неоправданно. В его же примерах *Дукха сомий гаьнаш яра тха биеша, алхха цаI мара яц шапша* «Много фруктовых деревьев в нашем саду, но персик только один», *Со чиехка кийчлургва, тЛаккха вай театре гЛуоргда* «Я быстро подготовлюсь (оденусь), тогда мы в театр пойдем» **алхха** на самом деле ограничительно-усилительная частица, **тлаккха** – наречие, местоименное, но не перешедшее в союз. Ингушск. **алхха** в чеченском соответствует **деккъа (еккъа, беккъа)** в той же роли, эта частица употребляется без ограничений и в простом предложении с тем же ограничительным значением *Кертахь беккъа цхьа Iаж бацара диттиех*.

Как отмечает А.И. Халидов, есть основание выделить в нахских языках и четвертый тип сочинительных союзов – присоединительный [8, с. 278].

Присоединительную функцию могут в соответствующем контексте выполнять союзы противительные – **амма, делахь а, бакъду, цхьабакъду**. «Собственно говоря, союзы **делахь а, хлеттие а, вуьшта, бакъду, цхьабакъду** не совсем обоснованно включены в тип противительных, в строгом смысле они должны быть выделены в самостоятельный тип присоединительных союзов, в значении которых могут быть использованы также собственно противительные союзы **амма** и **ткъа**» [8, с. 278]. Присоединительные союзы выражают такие отношения, при которых вводимая с их помощью вторая часть сложного высказывания указывает на дополнительный характер прибавляемого к первому (основному) сообщения: ср. чеч. *Даржаш наха луш ду, амма оцу нахиера гЛалат дала а сахьт дац* «Чины людьми даются, но (однако) эти люди (неровен час) могут и ошибиться»; *Памуо буохийна хьийзаш бара нах, ткъа иза куьйгана цIена боцучу нахана диезарг дара* «Войной обездоленные (и ввергнутые в панику) метались люди, а это нечистым на руку людям нужное было».

Обычно рассматривают в одном ряду с противительными, но есть смысл выделить в самостоятельный тип **пояснительные** союзы, которые не выделялись ранее и в чеченской грамматике, но в последнее время некоторые авторы считают необходимым выделить. В этом качестве используются союзы **вуьшта, аьлча, аьлча а**: ср. чеч. *Цунна Iаламат хала дара шена ца бевзачу нахаца юкъаметтиг ларъян а, вуьшта аьлча, церан амали, гИллакхаш лайна ца Iаш, ша а царах дIатарвала* «Ему невероятно трудно было с ему не знакомыми людьми взаимоотно-

шения поддерживать, иначе сказав (говоря), их нравы, обычаи (традиции) не только переносить (мириться с ними), но и самому уподобиться им»; *Дагуо миел хьоуьохург дан злора дац, аьлча а, злор-м диезгьихь дара, синлаам ца тоьу-кх* «Сердце сколько подсказывает делать (все) сил нет, то есть сила в теле есть, духа воли не достает». В учебных грамматиках чеченского языка их называют «довзийтаран хуттургаш», буквально: «ознакомляющие союзы» [9, с. 210]. В ингушской грамматике семантическая классификация союзов проводится иначе: так, в вузовском учебнике [7] подробно со множеством примеров приводятся союзы (**хоттаргаш**), которые на стр. 214 делятся на а) соединительные (*вIашагхоттара*), разделительные (*кьоастадара*), противительные (*духьалдара*), при этом среди выделенных союзов сопоставимые с чеченскими не отмечены.

Немаркированные сложносочиненные предложения – те, в которых отношения между двумя и более предикативными единицами не оформлены посредством союзов. Отсутствие союзов компенсируется использованием других средств, известных не только в нахских языках, но и во множестве других, иноструктурных и близкоструктурных, – порядка слов, интонации, однотипности видовременных форм и значений глаголов-сказуемых. Так, например, предложения соединительного типа характеризуются тем, что в них, как, например, и в русском языке, «соединительные союзы не являются необходимым строевым элементом сложного предложения открытой структуры» [10, с. 209], единый модально-временной план соединяемых в одно предложение предикативных единиц позволяет без ущерба для содержания создавать сложносочиненные предложения открытой структуры: ср. инг. *БIасти ялар, лоа дешар, наькъа такилгаи даьлар*, чеч. *БIаьсте елира, луо дешира, некъан тачанаи девлира* «Весна наступила, снег растаял, тропы образовались». Рассматривая такие предложения, Л.Д. Мальсагова акцентирует внимание на едином видовременном и модальном плане глаголов-сказуемых [11, с. 56–59], хотя, конечно, как отмечается у этого автора, здесь существенную роль играет и порядок расположения компонентов сложного предложения, и его интонационное оформление: в приведенном предложении, кроме того, что части сложного предложения соединены перечислительной интонацией, «важную роль играет порядок расположения компонентов, отражающий последовательность протекания событий или явлений» [8, с. 58]. Это легко проверить и показать, введя в предложение

наречие **тIаккха** «потом», с помощью которого значение следования может создаваться и особыми лексическими средствами»: *БIасти ялар, лоа дешар, тIаккха наькъа такилгаи даьлар*. Здесь нельзя переставить компоненты (например, «Образовались тропы, затем (потом) весна наступила, снег растаял»), поскольку тем самым нарушится реальная последовательность протекания событий, а значит, изменится и содержание предложения.

Как отмечает А.И. Халидов, немаркированность (отсутствие союза) характерна только для одного из множества типов сложносочиненных предложений – соединительных, и это черта не только чеченского, но в принципе любого из известных языков, в котором получила развитие союзная связь частей сложного предложения [8, с. 280], [12, с. 28–61]. **Бессоюзие в противительных сложносочиненных предложениях** не исключено (можно, например, без видимого изменения содержания ингушское предложение *Дукха сомий гаьнаи ягIа тха биеша, алхха цаI маара яц шапша* «обессоюзить» в *Дукха сомий гаьнаи ягIа тха биеша, шапша цаI маара яц*), но оно не является закономерным и распространенным, а разделительные и противительные сложносочиненные предложения как предложения со специфической конструктивно-семантической организацией могут быть оформлены только с помощью соответствующих союзов. Это дает исследователям основание считать, что в чеченском, ингушском и бацбийском языках, так же, как во множестве других, паратаксис представлен преимущественно союзно-сочиненными предложениями, а бессоюзное сочинение предложений ограничено, как правило, тем типом координативной связи, при котором отношения между компонентами предложения не выходят за пределы «сочинения в более чистом, неосложненном виде» [13, с. 617], при котором соединяемые части сложного предложения характеризуются «единством коммуникативного задания, модально-временной одноплановостью, близость соотносимых информаций» [13, с. 617]. Все, что выходит за рамки этих «просто» соединительных отношений, требует, как правило, употребления соответствующих союзов, только интонационно дифференцировать эти отношения оказывается сложным или невозможным.

Сложное предложение – одна из наименее разработанных и вместе с тем самых сложных областей синтаксиса нахских и в целом «горских» иберийско-кавказских языков. Мы и не могли рассчитывать, что сможем с достаточной полнотой и обстоятельностью обсудить все вопросы теории,

дать исчерпывающую классификацию и описание сложных предложений вайнахских языков, но такое предварение конкретного анализа сложносочиненных предложений вайнахских языков (чеченского и ингушского) представлялось необ-

ходимым, так как, как мы убедимся, единства в подходах к описанию и классификации сложносочиненных предложений в наших грамматиках не наблюдается.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Халидов А.И.* Типы сложных предложений (в связи с вопросом о бессоюзии) // «Новая наука: проблемы и перспективы». Международное научное периодическое издание по итогам научно-практической конференции 04 марта 2016 г. Стерлитамак, РИЦ АМИ, 2016. С. 31–40.
2. *Дешериев Ю.Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. 549 с.
3. *Халидов А.И.* Основания выделения базисных и ядерных структур предложения // Вестник АН ЧР. 2015. № 4 (29). Грозный, АН ЧР, 2015. С. 103–112.
4. *Халидов А.И.* Основания классификации сложных предложений // «Conversatoria linguistica». 2011/ № 5. Седльце (Польша), 2013. С. 37–48.
5. *Кадагидзе Д., Кадагидзе Н.* Цова-тушинско-грузинско-русский словарь. Тбилиси, 1984. 935 с.
6. *Оздоев И.А.* Сложное предложение ингушского литературного языка. В кн.: Вопросы вайнахского синтаксиса. Грозный, 1982. С. 5–24.
7. *Ахриева Р.И., Оздоева Ф.Г., Мальсагова Л.Д., Бекова П.Х.* ХІанзара гІалгІай мотт. Грозный, 1972. 265 с.
8. *Халидов А.И.* Нахские языки в типологическом освещении. Нальчик, 2003. 310 с.
9. *Джамалханов З.Д., Мачигов М.Ю.* Нохчийн мотт. **І-ра дакъа. Нохч-ГІалгІайн пачхьалкхан** педучилищан студенташна учебник. Грозный, 1985. 127 с.
10. *Белошапкова В.А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977. 248 с.
11. *Мальсагова Л.Д.* Структурно-семантические особенности сложносочиненных предложений открытой структуры в русском и вайнахских языках. В кн.: Вопросы вайнахского синтаксиса. Грозный, 1982. С. 56–60.
12. *Халидов А.И.* Сложное предложение в нахских языках // Сборник статей профессорско-преподавательского состава ЧГПИ. Грозный: Чеченский государственный педагогический институт, 1998. С. 28–61.
13. *Русская грамматика.* В 2-х т. Т. II. М., 1982. 704 с.

АНАЛИЗ ДЕРИВАЦИОННОГО ПОЛЯ КЛЮЧЕВОГО СЛОВА КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА «房 ДОМ» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

© ЧЖАН ЯНЬ

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Аннотация. В статье рассматривается деривационное поле ключевого слова, выступающее в качестве ядерного элемента для изучения концепта. Концепт «房 дом» раскрывается в рамках когнитивной лингвистики. Особое внимание сосредоточено на анализе деривационного поля, концептуальных признаков концепта, и особенно его национальной специфики, чтобы выявить концепт «房 дом» в сознании носителей китайского языка.

Ключевые слова: деривационное поле, концепт «房 дом», производное слово, концептуальный признак.

Abstract. The article discusses derivative field from the keyword, acting as a nuclear element to explore the concept. Concept «房 fan house» is revealed within the cognitive linguistics. Particular attention is focused on the analysis of the derivative field, the conceptual features of the concept, and especially its national specificity to identify the concept «房 fan house» in the mind of Chinese people.

Keywords: derivative field, the concept «房 house», the derivative word, conceptual features.

Деривация как способ словообразования, как отмечает Л.В. Воронина, с позиций когнитивно-дискурсивного анализа является, с одной стороны, познавательным процессом, в ходе которого с помощью ментальных операций на основе старых знаний происходит категоризация нового знания, а с другой стороны – это результат когнитивных операций, отраженных в актах номинации конкретного языка. Изучение деривации как процесса и как результата когнитивных операций позволяет выявить универсальное и особенное в восприятии и осмыслении действительности представителями разных культур [1, с. 21]. По ее мнению, процесс деривации показывает процесс пополнения и расширения концептосферы человека. Концептуальный анализ деривационного поля слова даёт возможность установить связь между семантикой языковых единиц и концептом или объединениями связанных концептов.

Причина изучения концепта посредством анализа деривационного поля его ключевого слова заключается в том, что любое производное слово является свернутым трансформом, предопределенно связанным с мотивирующей единицей, от которой образовано. И его содержание, несомненно, включает в качестве составляющего компонента семантику мотивирующего слова. А значит, деривационное поле ключевого слова играет ведущую роль в изучении ключевого слова и концепта.

Известно, что концепт имеет трехслойную структуру, включающую понятийную, образную,

ценностно-оценочную составляющие [2, 3]. Для полного исследования и представления концепта необходимо изучить его во всех этих трех аспектах.

В славянских языках с их развитыми словообразовательными системами и разветвленной системой словообразовательных категорий, согласно стилистическим данным словарей, производная лексика составляет до 75–80% всех слов языка. Как отмечает Е.С. Кубрякова, такой большой объем свидетельствует, что производная лексика выступает в качестве базы слов, содержащих информацию в упорядоченном виде и предлагающих образцы когнитивной переработки и сортировки информации и способствующих членению поступающей к человеку информации по неким каноническим или протимическим формам её языкового представления [4, с. 393]. Исследователь одновременно упоминает, что «производное слово делает возможным абстрагироваться от многих само собою разумеющихся признаков обозначенного объекта, тогда как аналитическая дескрипция, напротив, способна к актуализации любого из релевантных для объекта признаков» [4, с. 393]. Следует отметить, что деривационное поле определенного ключевого слова выступает в качестве ядерного элемента для описаний тех или иных концептов.

В данной статье мы ставим перед собой цель посредством реконструкции деривационного поля ключевого слова изучить концепт «房 фан» («дом») в сознании носителей китайского языка.

Прежде всего, необходимо отметить, что данное исследование выполняется на материале китайского языка, занимающего особое место в известной структурной классификации. Как изолирующий, китайский язык в словообразовании сильно отличается от русского. Например, в китайском языке отсутствуют неслоговые суффиксы или префиксы, т.е. невозможно изменить форму иероглифа (односложного слова или «морфемы»), как это возможно в русских словах: *вз-рос-л-ый, в-ход-и-ть*. Но следует отметить, что в китайском языке существуют немало иероглифов, которые могут выступать в качестве аффикса. Они с другими (знаменательными) морфемами образуют двухсложные или многосложные слова, напр., иероглиф 子 *цзы* в функции «суффикс существительных»: 房子 *фан цзы* (буквально. *дом + суффикс существительных*) – *дом*, 儿子 *эр цзы* (букв. *сын + суффикс существительных*) – *сын*.

Таким образом, если в русском языке смысловая делимость слова может доходить до звука и не зависит от деления на слоги, то в китайском языке деление не идет дальше слога и совпадает с ним. Слогоделение в китайском языке морфологически значимо.

Китайский лингвист Хуан Шу-ин обобщает два основных способа словообразования производных слов в китайском языке – корнесложение (словосложение) и аффиксацию [5]. По его теории нами были выбраны 103 производных слова от иероглифа «фан» в словарях современного китайского языка, служащих объектом данного исследования. В том числе 96 слов, образующиеся путём корнесложения, которые составляют 95% от общего числа производных слов. В процессе анализа все эти полученные дериваты были разделены по их выражающим концептуальным признакам исследуемого концепта «*дом*» на следующие группы.

I. Производные слова с общим понятийным признаком «квартира, жилище, семья и её хозяйство» (27 слов), характеризующиеся некоторыми другими концептуальными признаками:

а) дополнительный понятийный признак «дом как товар для аренды, покупки-продажи» (16 слов):

房虫 (букв. «дом, квартира + насекомые»): посредник (сводник), предоставляющий услуги обмена, аренды, продажи квартиры; 房补 (дом + субсидия): субсидия (выплата за счёт государства) на покупку жилья; 房贷 (дом + кредит): ипотека, кредит на покупку дома в финансовом учреждении; 房价 (дом, квартира + цена): цены на дома, квартиры; 房费 (квартира, номер + плата): квар-

тирная плата; 房钱 (дом, квартира + деньги): плата за аренду квартиры; 房市 (дом, квартира + рынок): рынок жилья; 房展 (квартирный + выставка): выставка квартир (фото, модели квартиры, продажа); 房租 (дом, квартира + аренда): аренда квартиры; 二手房 (второй + рука + дом, квартира): вторичное жильё; 期房 (срок, период + квартира, дом): коммерческое жилое строение (дом, помещение и т.д.), выставленное на продажу, но находящееся в стадии строительства; долевое строительство; 出租房 (сдавать в аренду + дом, квартира): доходный дом; 房源 (дом, квартира + ресурс): жилищный фонд; 房荒 (дом + нехватка, кризис): квартирный (жилищный) кризис из-за нехватки квартир; 房改 (дом + реформа): реформа жилищной системы. (Большинство вышеуказанных дериватов появляется после реформы жилищной системы в 1998 г. Напр., 房市: рынок жилья; 房贷: кредит на покупку дома; 二手房: вторичное жильё; 商品房: дом, квартира, как товар, входят в рынок жилья и др. Наиболее значимое в содержании и принципах реформы жилищной системы заключается в том, что продвигать жилище означает заниматься коммерцией. И таким образом, 房 фан как товар первой необходимости входит в рынок жилья. В ходе реализации этой политики появляются новые слова в большом количестве);

б) дополнительный понятийный и ценностно-оценочный признак «собственный; принадлежность человека»; имеет тесную связь с человеком (8 слов):

房本 (дом + тетрадь): свидетельство о собственности; 房契 (дом + купчая): стар. документ о праве на владение домом, купчая на дом и землю; 房产 (дом + имущество): дом как недвижимость; дом, правом собственности на который обладает частное лицо или какая-то организация; 房主 (дом, квартира + собственник, владелец); домовладелец; 房东 (дом + хозяин): домохозяин; 私房 (собственный + дом): собственный дом, частный дом; 公房 (общественный + дом): социальное жильё, дом, принадлежащий государству; 房客 (дом + гость): квартирант, постоялец, жилец;

в) ценностно-оценочный признак «нужно управлять» (1 слово):

房管 (жилище, квартира + управление): жилищное управление;

г) образный признак «внутреннее размещение» (1 слово):

房型 (дом, квартира + тип, фасон): планировка квартиры;

е) дополнительный понятийный признак «жильё, которое субсидируется правительством» (1 слово):

廉租房 (недорогой + аренда + квартиры): жилье с низкой стоимостью аренды (которое субсидируется правительством); недорогое съемное жилье.

II. Понятийный признак «дом, здание для жилья или других назначений» (18 слов):

房屋 (дом, квартира + комната, здание, дом): общее название для дома, здания; 住房 (проживание + дом, помещение): помещение для проживания; 楼房 (многоэтажное здание + дом): многоэтажный дом.

а) дополнительный понятийный признак «составляющий, составной» (7 слов):

房基 (дом + фундамент): фундамент дома; 房檐 (дом + стреха): оконечный свисающий край крыши вне стены; 房门 (дом, комната + дверь): входная дверь, вход в дом; 房顶 (дом + голова, верхняя часть): крыша дома, кровля; 房梁 (дом + балка): поперечная балка [здания]; прогон; 房脊 (дом + конёк): конёк, гребень крыши;

б) дополнительный понятийный признак «локальный признак» (1 слово):

海景房 (море + пейзаж + дом, квартира): комната с видом на море;

в) образный признак «строительный материальный признак» (5 слов):

瓦房 (кирпичный + дом): дом с черепичной крышей; 草房 (тростниковая + дом): тростниковая хижина; лачуга, хибарка; 砖房 (кирпич + дом): кирпичный дом, кирпичное здание; 土坯房 (необожжённый кирпич + дом): дом из самана, глинобитный дом; 木房 (деревянный + дом): деревянный дом;

г) образный признак «облик, образец дома» (2 слова):

洋房 (приставка к названию любого предмета иностранного образца + дом): дом по западному образцу; 四合房 (четыре + соединение + дом): ансамбль с жилыми пристройками по всем четырём сторонам двора, дом традиционной китайской архитектуры.

III. Понятийный признак «комната или зал» (38 слов):

房间 (комната + комната): комната;

а) дополнительный понятийный признак «номер в гостинице, отеле» (3 слова):

房卡 (номер + карта): ключ-карта, когда заходишь в номер, нужно использовать ключ-карту, популярна в гостиницах, отелях; 开房 (открыть + комната): регистрация в гостинице; 客房 (гость + комната): номер в гостинице;

б) ценностно-оценочный признак «интимное пространство» (3 слова):

房事 (комната + дело): [эвфемизм] интимные отношения между супругами; 私房话 (интимный

+ комната + слова): интимный разговор; 私房钱 (интимный + комната + деньги): личные сбережения;

в) дополнительный понятийный признак «помещение, комната для разных лиц и назначений» (22 слова):

闺房 (девушка, дочь + комната): внутренние покои, опочивальня, спальня; женская половина; 工房 (рабочий + помещение): рабочее помещение; общежитие для жилья рабочих; 睡房 (спанье + комната): спальня; 文房四宝 (культура + комната + четыре + драгоценность): четыре драгоценности рабочего кабинета (кисть, тушь, бумага и тушечница; обр. в знач.: письменные принадлежности); 病房 (больничный + комната): больничная палата; палата; 手术房 (операция + комната): комната для операции, операционная комната; 公事房 (служебное + дело + комната): канцелярия; служебный кабинет; 婴儿房 (младенец, малыш + комната): детская комната; 厨房 (кухонный + комната): кухня; 洞房 (пещера + комната): комната новобрачных; 新房 (новый + комната): комната новобрачных; 计算机房 (сокращенное название компьютер + помещение): компьютерная лаборатория; 暗房 (тёмный + комната): комната для сканирования фотопленок; 闹洞房 (подшучивать + пещера + комната): подшучивать над новобрачными (в их комнате в первый свадебный вечер); 健身房 (крепкий + тело + комната): тренажёрный зал (ССКЯ, с. 215), 伙房 (еда, пища + комната): кухня, комната для приготовления пищи, кухня; 面包房 (хлеб + комната): заведение для выпечки хлеба, пекарня; 淋浴房 (душ + комната): душевая кабина; 洗衣房 (стирка одежды + комната): прачечная; 桑拿房 (сауна + комната): сауна, помещение для сауны; 花房 (цветы + здание, сооружение): оранжерея, теплица;

г) дополнительный понятийный признак «локальный признак» (3 слова):

耳房 (ухо + комната): флигель; помещение в крыле здания, боковая комната; 厢房 (боковая сторона + комната): комнаты, которые находятся рядом с главной комнатой, флигель; 门房 (ворота + комната): комната, которая находится рядом с воротами, сторожка, будка привратника;

д) ценностно-оценочный признак «пустой и одинокий» (1 слово):

守空房 (отстаивать + пустой + комната): жена самостоятельно живёт без мужа (одинокая жизнь);

е) дополнительный понятийный признак «супружеская жизнь» (5 слов):

圆房 (истолковывать + комната): начать жить супружеской жизнью (часто о новобрачных в семье жениха, если невеста воспитывалась там с

детства); 守空房 (отстаивать + пустой + комната): жена самостоятельно живёт без мужа; 房事 (комната + дело): [эвфемизм] интимные отношения между супругами; 私房话 (интимный + комната + слова): интимный разговор; 私房钱 (интимный + комната + деньги): личные сбережения.

IV. Понятийный признак «учреждение и заведение» (5 слов):

班房 (смена + комната): 1. помещение для дежурного; тюремная вахта; 2. тюрьма; 牢房 (тюрьма + дом, комната): тюрьма; 茶房 (чай + комната): 1. помещение, в котором предоставляют кипяток и чай; 2. буфет; 药房 (лекарство + дом): аптека; 账房 (счёт + комната): счётная контора; бухгалтерия.

V. Понятийный признак «предмет, имеющий аналогичные функции или структуры дома» (5 слов):

房车 (дом + автомобиль): дом на колёсах, автодом (кемпер, автодача, караван) – автомобиль с жилым помещением в фургоне; 蜂房 (пчела + комната): улей, пчелиное (осиное) гнездо; 心房 (сердце + комната): предсердия, камеры сердца; 乳房 (грудь + дом, комната): женская грудь; 莲房 (лотос + комната): семенная коробочка лотоса.

VI. Понятийный признак «ответвление семьи; ветвь рода» (3 слова):

远房 (дальний + линия рода): дальняя родня; 长房 (старший + линия рода): старшая линия рода; потомство старшего сына; 房分 (дом + разделение): отдельные семьи, ответвление рода.

В процессе анализа производных слов от ключевого слова – концепта «фан» было обнаружено, что концептуальные признаки достаточно богатые и показывают почти все стороны исследуемого концепта. В том числе общие понятийные признаки «комната или зал» (38 слов); «квартира, жилище, семья и её хозяйство» (27 слов); «комната для разных лиц и назначений» (22 слова); «дом, здание для жилья или других назначений» (18 слов). Безусловно, эти общие концептуальные признаки концепта «房 дом» играют ведущую роль в когнитивной операции носителей китайского языка. Следует отметить, что, кроме

первых четырех основных понятийных признаков, дополнительный понятийный признак «дом как товар для аренды, покупки-продажи» все чаще появляется в сознании носителей китайского языка. С развитием отрасли недвижимости в Китае возникает огромное число новых слов, принадлежащих к данной отрасли (в том числе содержащих производные слова от иероглифа «фан»), и они являются реакцией носителей языка на инновации – изменения в социально-экономической жизни, приводящей к инновациям в словообразовании. Ускорение деривационного процесса обусловлено, следовательно, с изменениями в социально-экономической жизни.

Исследуемое деривационное поле достаточно чётко выясняет место концепта «фан» в сознании носителей китайского языка, и его отражающие концептуальные признаки – образные и предметные, всем известные, универсальные, напр., это признаки «собственный, принадлежность человека», «составляющий, составной», «строительный материальный признак», «локальный признак», «облик дома», «нужно управлять», «внутреннее размещение» и др. Но выявляются и некоторые концептуальные признаки, отражающие национальную специфику китайского языка в отражении концепта «фан», напр., признаки «ответвление семьи; ветвь рода», «номер в гостинице, отеле», «предмет, имеющий аналогичные функции или структуры дома».

Сравнение с аналогичным концептом «дом» русского языка показывает, что содержание концепта «фан» шире, богаче и сложнее. Об этом свидетельствуют ценностно-оценочные признаки «пустой и одинокий», «интимный». В сознании носителей китайского языка концепт «фан» характеризуется своей национальной спецификой. Так, напр., «фан» является интимным пространством, в котором можно говорить («личный разговор»), особенно супругам, можно копить утаенные от супруга (супруги) деньги и т.п. Соответствующие производные слова от слова «房 дом» и придают концепту «房 дом» колоритный концептуальный признак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронина Л.В. Концептуальная структура именных производных слов немецкого языка // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы Международной школы-семинара (VII Березинские чтения). Вып. 18. М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2011. С. 20–25.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвистические концепты прецедентных текстов в слушании или дискурсе. М.: Academia, 2000.

4. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
5. *Хуан Шу-ин, М.В. Крюков.* Древнекитайский язык. М.: Наука, 1978. 512 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абумуслимов А.А. – к.б.н., главный учёный секретарь Президиума АН ЧР, в.н.с. лаборатории КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН

Алчагиров Б.Б. – д.ф.-м.н., профессор КБГУ им. Х.М. Бербекова, г.н.с. АН ЧР

Альбердиева Д.Х. – старший преподаватель кафедры физики конденсированного состояния КБГУ им. Х.М. Бербекова

Арсакаева Х.С. – ассистент кафедры русского языка ЧГУ

Афаунова Л.Х. – аспирант кафедры физики конденсированного состояния КБГУ им. Х.М. Бербекова

Батаев Д.К.-С. – д.т.н., академик АН ЧР, заведующий отделом технических наук АН ЧР, директор КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН

Газиев М.А. – к.т.н., доцент кафедры строительных конструкций ГГНТУ им. академика М.Д. Миллионщикова

Гайтамирова С.А. – старший преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков ЧГУ

Гапуров Ш.А. – д.и.н., профессор, президент АН ЧР, заведующий кафедрой новой и новейшей истории ЧГУ

Гацаев З.Ш. – м.н.с. ГГНТУ им. академика М.Д. Миллионщикова

Гациева Т.И. – к.и.н., зав. кафедрой истории ЧГПУ

Гортикова М.М. – в.н.с. Национального музея ЧР

Горчханов В.Г. – старший преподаватель кафедры теоретической физики ЧГУ, с.н.с. АН ЧР

Дадашев Р.Х. – д.ф.-м.н., профессор, академик АН ЧР, вице-президент АН ЧР

Джамбеков О.А. – к.филол.н., доцент кафедры чеченской филологии ЧГПУ

Джамбекова Т.Б. – д.филол.н., профессор, зав. кафедрой литературы и МП ЧГПУ

Довлеткиреева Л.М. – к.филол.н., доцент кафедры русского языка ЧГУ

Дышекова Ф.Ф. – аспирант кафедры физики конденсированного состояния КБГУ им. Х.М. Бербекова

Керимов И.А. – д.ф.-м.н., профессор, академик АН ЧР, вице-президент АН ЧР

Кидирниязов Д.С. – д.и.н., г.н.с., профессор Института истории и археологии ДНЦ РАН

Кудаева З.Ж. – д.филол.н., доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литератур КБГУ им. Х.М. Бербекова

Кясова О.Х. – аспирант кафедры физики конденсированного состояния КБГУ им. Х.М. Бербекова

Магамадов С.С. – к.и.н., директор ИГИ АН ЧР

Магомадова Т.С. – к.и.н., доцент кафедры истории России ЧГУ

Мажиев Х.Н. – д.т.н., профессор, г.н.с. отдела технических наук АН ЧР

Маллаева З.М. – д.филол. н., профессор, г.н.с. отдела грамматических исследований Института языка, литературы и искусства им Г. Цадасы ДНЦ РАН

Матагова Х.А. – к.и.н., доцент кафедры истории России ЧГУ

Межидов В.Х. – д.х.н., профессор, директор научно-исследовательского центра коллективного пользования (НИЦКП) «Нанотехнологии и наноматериалы» при ГГНТУ им. академика М.Д. Миллионщикова

Мустафаев А.Г. – д.т.н., профессор кафедры информационных технологий и безопасности ДГИНХ

Мустафаев Г.А. – д.т.н., профессор, зав. кафедрой компьютерных технологий и интегральных микросхем КБГУ

Муртазаев С.-А.Ю. – д.т.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР, г.н.с. отдела технических наук АН ЧР

Сугаипова А.М. – старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории ЧГУ

Таова Т.М. – к.ф.-м.н., доцент кафедры физики конденсированного состояния КБГУ им. Х.М. Бербекова

Тетувев А.И. – д.и.н., доцент, г.н.с. КБИГИ

Тлупова М.М. – к.ф.-м.н., доцент кафедры общей физики КБГУ им. Х.М. Бербекова

Халидов А.И. – д.филол.н., профессор, г.н.с. отдела языка и литературы ИГИ АН ЧР, заведующий кафедрой русского языка ЧГУ

Халидова Р.Ш. – д.филол.н., профессор, зав. кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе ДГПУ

Хасанов А.И. – старший преподаватель кафедры физической электроники ЧГУ

Хоконов Х.Б. – д.ф.-м.н., профессор, зав. кафедрой физики конденсированного состояния КБГУ им. Х.М. Бербекова

Хубулова С.А. – д.и.н., профессор, зав. кафедрой новейшей истории и политики России СОГУ им. К.Л. Хетагурова

Чжан Янь – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания БГУ

Шетова Р.А. – к.филол.н., доцент кафедры русской и зарубежной литератур КБГУ им. Х.М. Бербекова

Элимханов Д.З. – к.ф.-м.н., заместитель директора ЦПМ АН ЧР

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ

Правила оформления статей для авторов «Вестника Академии наук Чеченской Республики»

Статьи, направляемые в журнал «Вестник Академии наук Чеченской Республики» публикуются по следующим направлениям:

- Физико-математические науки;
- Исторические и археологические науки;
- Филологические науки.

Статьи должны быть посвящены актуальным проблемам науки, содержать четкую постановку цели и задач исследования, строгую научную аргументацию, обобщения и выводы, представляющие ценность своей новизной и практической значимостью.

Редакционная коллегия просит авторов при подготовке статей руководствоваться нижеизложенными правилами. Материалы, поступившие в редакцию, проходят рецензию. Статьи, не удовлетворяющие предъявляемым требованиям и оформленные без соблюдения правил, возвращаются без рассмотрения.

1. Рукописи представляются в электронной версии. Объем направляемых материалов не должен превышать 40 000 печатных знаков, включая пробелы (для обзорных статей по фундаментальным проблемам; статей, обобщающих многолетние исследования авторов); 25 000 печатных знаков, включая пробелы (для статей, основанных на теоретических обобщениях и на результатах экспериментальных и полевых исследований); 6 000 печатных знаков, включая пробелы (для рецензий, хроники); 4 000 печатных знаков, включая пробелы (для юбилейных и памятных персоналий). В этот объем входят рисунки, таблицы, список литературы.

2. К рукописи статьи прилагаются: 1) направление от учреждения, в котором выполнена работа; 2) акт экспертизы; 3) рецензия. К статьям, выполненным аспирантами и соискателями, прилагается отзыв научного руководителя.

3. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman (11 кегль), интервал – 1,0, абзацный отступ – 1,25. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см.

В начале статьи в левом верхнем углу ставится индекс УДК. Далее со следующей строки идут данные в такой последовательности:

- полное название статьи и Ф.И.О. автора(ов) прописными буквами полужирным шрифтом Times New Roman (размер 11) на английском и русском языках;
- копирайт, инициалы и фамилии авторов полужирным шрифтом;
- названия организаций, города, где выполнена работа;
- e-mail;
- краткая (на 5–6 строк) аннотация;
- ключевые слова.

Обязательным является наличие ключевых слов и аннотации на русском и английском языках.

Далее идет текст самой статьи. В конце на отдельной странице дается список литературы (не менее 5–10 источников).

Нумерация литературы составляется в соответствии с последовательностью ссылок в тексте. Ссылки на литературу в тексте приводятся в квадратных скобках. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТами, размещенными на сайте Российской книжной палаты (<http://www.bookchamber.ru/content/about/standarts.html>).

4. В конце статьи указываются:

- полное название учреждения, в котором выполнено исследование, фамилия(и) автора(ов), ученая степень, звание, должность;
- почтовый индекс, адрес, номера телефонов (служебный и домашний), факса и e-mail каждого соавтора.
- контактное лицо, с которым редакция может связаться.

5. Текст и графический материал представляются в двух экземплярах (в тексте и отдельным файлом (формат jpeg, jpg)). Повторение одних и тех же данных в тексте, таблицах и графиках недопустимо.

Рисунки в двух экземплярах должны быть выполнены четко, в формате, обеспечивающем четкость передачи всех деталей. Рисунки должны быть черно-белыми. Каждый рисунок должен сопровождаться подписью независимо от того имеется ли в тексте его описание. Подписи к рисункам должны быть напечатаны на отдельной странице через два интервала. На обороте рисунков следует карандашом указать фамилии авторов, название статьи и номер рисунка.

6. Текст статьи должен быть тщательно отредактирован. При использовании в тексте сокращенных названий необходимо давать их расшифровку; следует ограничиваться общепринятыми названиями, избегать новых без достаточных на то оснований.

7. Для математических и химических формул следует выбирать 11-й кегль шрифта.

8. При выборе единиц измерения следует руководствоваться международной системой единиц СИ.

9. При описании методики следует ограничиваться оригинальной ее частью.

10. Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

Для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, том или выпуск, год, общее количество страниц.

Для периодических изданий: фамилия и инициалы автора, название журнала, том, номер, год издания, первая и последняя страницы использованной статьи.

11. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

12. Электронная версия статьи должна быть направлена на e-mail: vestnikanchr@mail.ru. В состав электронной версии должен входить файл с текстом статьи в форме **Microsoft Word** и **файлы, содержащие иллюстрации** в формате JPEG или встроенные в файл Microsoft Word.

13. Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь будет рассматриваться редакционной коллегией. Доработанный текст автор должен вернуть с первоначальным вариантом статьи, а также ответом на все замечания.

14. Не принятые к публикации статьи авторам не высылаются.

15. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Редакционная коллегия

Вестник
Академии наук Чеченской Республики
№ 1 (30), 2016

Редактор *Хасиева А.В.*
Корректор, дизайн и верстка *Хасиева А.В.*

Подписано в печать 06.05.2016.
Выход в свет 10.05.2016.
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,88. Тираж 200 экз.

Свободная цена

Отпечатано в АО “ИПК “Грозненский рабочий”
с электронного оригинал-макета. Заказ №
364026, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35